ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕНОВСКИМЪ.

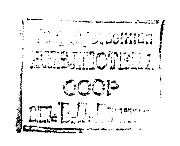
— — — Id arbitror
Adprime in vita esse utile; ne quid nimis.

Terent.

МАРТЪ и АПРѢЛЬ.

1829.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1829.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три екземпляра. Москва, 1829 года Февраля 25 дня. Ценсоръ, *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5.

МАРТЪ. 1829.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Царица Мая (*).

Да не раздается завыванiе волка; да не трепещетъ птица нощи крилами своими близъ твоей гробницы; вѣтры и бури не изсушаютъ земли, тебя покрывающей! Пусть любовь одна вѣетъ надъ нею свѣжестiю весны прекрасной!

Геррикъ.

Во время путешествiя моего по отдаленнымъ провинцiямъ Англiи, однажды утромъ остановился я въ селенiи, коего живописное положенiе меня очаровало. Жители удержали при немъ видъ первобытной простоты, неизвѣстной въ селенiяхъ, близкихъ къ большой дорогѣ. Я рѣшился провести тамъ день, и пообѣдавши, вышелъ

(*) Повѣсть Ирвинга Вашингтона.

насладиться зрѣлищемъ окрестныхъ мѣстоположеній.

Стопы мои, какъ обыкновенно случается съ путешественниками, направились къ церкви, которая возвышалась въ недальнемъ разстояніи отъ селенія. Въ самомъ дѣлѣ, ето былъ предметъ достойный вниманія: старая колокольня такъ обросла плющемъ, что немногія только подпоры и сѣроватые камни, образующіе углы стѣнъ, составляли единственное украшеніе ветхаго зданія и выказывались изъ подъ зеленаго покрова.

Вечеръ сталъ прекрасный: погода утромъ была ненастна и дождлива; и хотя нѣсколько летучихъ облаковъ показывалось еще надъ головой моею; но западное небо представляло обширный злато-лазоревый горизонтъ, откуда заходящее солнце бросало лучи свои сквозь листья, окропленные росою и простирало меланхолическій свѣтъ на всю Природу. Етотъ закатъ дневнаго свѣтила подобенъ послѣдней минутѣ Христіянина, забывающаго при смерти горестныя событія міра сего, и ясностію своей кончины

напоминающаго ту непреложную истину, что онъ скоро возстанетъ, озаренный славою.

Я сидѣлъ на камнѣ надгробномъ, до половины вдавившемся въ землю; думалъ о временахъ протекшихъ, о друзьяхъ моей юности, о тѣхъ, съ которыми былъ въ разлукѣ, и о тѣхъ, которыхъ смерть сразила: я наслаждался сими мечтами, заключающими въ себѣ нѣчто болѣе сладостное, нежели самое счастіе. Протяжно раздавался звонъ колокола отъ сосѣдней башни; звуки его были въ гармоніи со сценою, меня окружавшею, и не только не возмущали теченія моихъ чувствованій, но совершенно съ ними согласовались. Прошло нѣсколько минутъ — и я примѣтилъ, что они возвѣщали отшествіе къ могилѣ новаго ея жителя.

Тогда я увидѣлъ погребальную процессію изъ селенія. Медленно подвигалась она вдоль узкой дороги: то исчезала, то снова показывалась сквозь отверстія ближнихъ заборовъ и наконецъ оставила позади себя мѣсто, гдѣ я находился. Четыре молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья, поддерживали покровъ; передъ ними шла другая, лѣтъ семнадцати, и несла вѣ-

нокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которые означали, что покойница была юная дѣва. За тѣломъ слѣдовали отецъ съ матерью, чета поселянъ зажиточная и почтенная. Отецъ, казалось, хотѣлъ скрывать мрачную грусть свою; но его неподвижный взоръ, его печальное лице и сильно измѣненныя черты обнаруживали внутреннее волненіе. Жена опиралась объ его руку и рыдала со всѣми судорожными движеніями материнскаго страданія.

Я пошелъ въ слѣдъ за процессіей въ церковь. Гробъ поставленъ былъ среди храма. Украсили бѣлыми цвѣтами кресла, которыя занимала покойница, и повѣсили тамъ пару бѣлыхъ перчатокъ.

Всѣ знаютъ впечатлѣніе, производимое въ душѣ грознымъ торжествомъ отпѣванія: увы! гдѣ счастливецъ, который не провожалъ въ могилу праха любезныхъ сердцу? Но что̀ можетъ быть горестнѣе послѣднихъ почестей, воздаваемыхъ бездушнымъ останкамъ невинности и красоты — красоты, увядшей во цвѣтѣ?

При словахъ простыхъ, но высокихъ, посвящающихъ тѣло гробу: «земля возвра-

щается въ землю, пепль смѣшивается съ пепломъ, персть превращается въ персть,» всѣ молодыя дѣвушки горько заплакали. Отецъ боролся еще съ своимъ страданіемъ; онъ говорилъ самъ въ себѣ: блаженна, почившая о Господѣ! Но печальная мать думала только о дочери своей, похищенной смертью, подобно полевому цвѣтку, пожатому во всемъ блескѣ красоты его и свѣжести. Она была какъ Рахиль, оплакивающая чадъ своихъ, не желая утѣшеній. . . .

Возвратясь въ гостинницу, я узналъ исторію сей несчастной дѣвицы. Она была украшеніемъ селенія; отецъ ея, нѣкогда богатый, въ послѣдствіи утратилъ часть своего имѣнія: единственная дочь его, которая никогда не оставляла родительскаго крова, воспитывалась во всей простотѣ сельскаго быта. Любовь и снисходительность родителей освободили ее отъ всѣхъ деревенскихъ заботъ и придали особенную нѣжность ея характеру и природнымъ качествамъ души, которыя согласовались съ наружною красотою: она казалась пышнымъ цвѣткомъ садовымъ, случайно благоухающимъ между простыми растеніями.

Селеніе было одно изъ тѣхъ уединенныхъ мѣстъ, гдѣ еще видны нѣкоторые слѣды старинныхъ обычаевъ Англіи: оно сохранило деревенскія увеселенія, обычные праздники: тамъ замѣтны были еще слабые остатки древнихъ народныхъ игрищь.

Всякій годъ *Майское деревцо* распускалось, благословенное добродѣтельнымъ священникомъ, разливавшимъ міръ и счастіе въ цѣломъ селеніи. Оно было украшено цвѣточными вѣнками и лентами. Назначали, по старинному обычаю (*), *Царицу Мая*, которая должна была началь-

---

(*) Въ южныхъ провинціяхъ Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи и Германіи сохранился еще древній обычай, въ первый день Мая мѣсяца, награждать вѣнкомъ изъ розъ ту дѣвицу, которая въ продолженіе года, по общему мнѣнію, отличалась скромностію и непорочностію нравовъ. Увѣнчанныхъ такимъ образомъ называютъ во Франціи *la rosiére*. По большей части удостоивались сей почести красавицы: чѣмъ болѣе искушеній и средствъ къ паденію, тѣмъ побѣда славнѣе. Люди испорченные свѣтомъ могутъ смѣяться надъ простотою етаго обряда; но сердцу доброму пріятно удаляться мысленно во времена святой старины, когда добродѣтель была любезна и когда скромность почиталась добродѣтелью. *Перев.*

ствовать въ сихъ торжествахъ и раздавать награды.

Живописное мѣстоположеніе селенія и занимательность его праздниковъ часто возбуждали любопытство постороннихъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ случился однажды молодой офицеръ, котораго полкъ стоялъ въ окрестностяхъ; болѣе всего очаровала его красота *Царицы Мая.* Прелестную дѣвушку вѣнчали цвѣтами; она краснѣлась и улыбалась съ милымъ замѣшательствомъ стыдливости и радости невинной.

Гостепріимные обычаи деревни легко доставили юношѣ случай познакомиться съ прекрасною; свиданія дѣлались чаще со дня на день, и онъ сталъ волочиться за ней съ вѣтренностію, слишкомъ обыкновенною въ офицерахъ относительно къ простотѣ поселянокъ.

Впрочемъ, привѣтствія его не заключали ничего такого, что̀ могло бы устрашить молодую дѣвушку; даже никогда не говорилъ онъ ей о любви. Но есть средства выражать любовь болѣе краснорѣчивыя нежели слова, и которыя скоро внѣдряютъ чувство сіе въ сердце. Огонь, блистающій въ глазахъ, звукъ голоса, нѣж-

ность каждаго взора, каждаго движенія, каждаго слова — вотъ истинное краснорѣчіе любви, которое всегда чувствуемъ и понимаемъ, но котораго описать не можемъ.

Юная поселянка любила, не подозрѣвая того. Вовсе нелюбопытствовала знать, какая новая страсть поглощала всѣ ея способности и чувства, и какія могли быть ея слѣдствія. Никогда въ самомъ дѣлѣ она не думала о будущемъ. Если любезный ея бывалъ при ней — взоры его и рѣчи обращали на себя все ея вниманіе; въ отсутствіи — она мыслила только о томъ, что̀ происходило въ послѣднее ихъ свиданіе. Она любила бродить съ нимъ по зеленымъ лугамъ, восхищаться вмѣстѣ живописными мѣстоположеніями окрестностей. Онъ научалъ ее открывать новыя красоты въ Природѣ; выражался языкомъ человѣка образованнаго и внушалъ ей сладкія очарованія романовъ и Поезіи.

Никогда можетъ быть сердце женщины не питало страсти столь чистой, какою была страсть сей невинной дѣвушки. Прекрасное лице юнаго обожателя, блескъ его военнаго наряда, прельстили сперва взоры ея; но не тѣмъ плѣнилось ея сердце:

привязанность ея походила на благоговѣніе; она почитала его существомъ высшимъ; ощущала въ его присутствіи восторгъ души, отъ природы нѣжной, поетической; никогда низкія различія состоянія не останавливали ее: единственно превосходство его ума, обращенія, привычекъ передъ обычаями сельскими, возвысили его въ мнѣніи души простой, безхитростной.

Когда онъ говорилъ съ нею, слухъ ея былъ очарованъ, взоръ выражалъ нѣмую радость и лице пылало огнемъ восторга. Если нечаянно осмѣливалась украдкой поднять на него взглядъ, исполненный робкаго удивленія; то снова опускала глаза, вздыхала и краснѣла при мысли о степени собственнаго достоинства въ сравненіи съ достоинствомъ своего любезнаго.

Молодой воинъ также страстно любилъ ее; но любовь его была смѣшана съ чувствами грубой природы. Онъ завелъ связь ету необдуманно: часто слыхавъ, какъ другіе офицеры его полка хвастались своими сельскими побѣдами, онъ думалъ, что торжество такого рода нужно и для его славы. Впрочемъ, онъ не потерялъ еще

всей чувствительности юнаго возраста; жизнь бродящая и разсѣянная не сдѣлала еще души его ни слишкомъ сухою, ни себялюбивою. Сердце его запламенѣло при огнѣ, который онъ раздувалъ своими ласками, и прежде нежели могъ дать самъ себѣ отчетъ въ собственныхъ чувствахъ, онъ уже влюбился совершенно.

Какъ быть ему? Всѣ препятствія, обыкновенно встрѣчающіяся въ связяхъ необыкновенныхъ — его званіе въ свѣтѣ, фамильные предразсудки, зависимость отъ отца гордаго, неумолимаго — все запрещало ему думать о женитьбѣ. Но когда смотрѣлъ онъ на сію невинную дѣву, столь нѣжную, столь довѣрчивую; когда приходили ему на мысль ея непорочное поведеніе, ея обращеніе, показывавшее столько смиренія, ея взоры, исполненные скромности, которые удаляли всякую мысль нечистую: тщетно старался онъ ободрить себя множествомъ примѣровъ, представляемыхъ людьми большаго свѣта, задушить порывъ благородныхъ чувствъ холодною и легкою насмѣшкой, съ какою часто говаривали при немъ о добродѣтели женщинъ. Всякой разъ, какъ онъ

приближался къ своей любезной, ограждало ее тайное очарованіе дѣвственной чистоты, которая отстраняетъ отъ священной сферы своей всякое преступное желаніе.

Внезапный приказъ о походѣ полка довершилъ разстройство его мыслей. Нѣсколько времени былъ онъ въ самой тяжкой нерѣшимости: не хотѣлъ сначала сообщить грозную вѣсть юной подругѣ своей, и объявилъ ей печальную новость только на канунѣ своего отбытія, во время вечерней прогулки.

Мысль о разлукѣ доселѣ никогда еще не представлялась ея воображенію. Мечты блаженства вдругъ исчезли; она почитала это происшествіе несчастіемъ непреоборимымъ и плакала съ невинной простотою младенца. Молодой воинъ прижалъ ее къ груди своей и поцѣлуями отиралъ слезы, катившіяся изъ очей прекрасныхъ.

Она не думала ему противиться. Есть минуты умиленія и скорби, благопріятствующія любви и ея ласкамъ. Онъ былъ отъ природы пылокъ; видъ красавицы, которая, казалось, предавалась ему, увѣренность въ своей власти надъ

нею и страхъ навсегда ее лишиться, все соединилось, чтобы истребить въ немъ скромность: онъ предложилъ ей оставить семейство, дѣлить съ нимъ счастіе и несчастіе.

Совершенно неопытный въ искусствѣ обольщенія, онъ краснѣлъ и ужасался своей низости. Печальная жертва столь была невинна душою, что съ трудомъ поняла намѣреніе и причину, за чѣмъ хотѣлъ онъ, чтобъ она оставила родное селеніе и мирную хижину родителей. Но когда свойство его предложеній поразило умъ ея — сердце въ ней замерло. Она не пролила ни одной слезы, не произнесла ни одного упрека, не выговорила ни одного слова; отошла, какъ испуганная видомъ змѣи, бросила на него грустный взоръ, который проникъ до глубины души его; судорожно сплеснула руками и скрылась въ домъ родительскій, какъ въ убѣжище безопасное.

Офицеръ удалился — смятенный, удрученный раскаяніемъ. Хлопоты отъѣзда съ трудомъ разсѣяли въ немъ сіи чувствованія; но скоро новыя сцены, новыя удовольствія и новые товарищи заставили его забыть любовь свою.

Однако среди шума лагерей, городскихъ увеселеній, воинскихъ занятій и даже въ пылу сраженія, мысли его обращались иногда къ простотѣ сельской. Хижина, гдѣ нѣкогда былъ счастливъ присутствіемъ любезной; тропинка, извивающаяся по берегамъ сребристаго ручья, оттѣняемая аллеями терновника; юная дѣва селенія, опирающаяся объ руку его и останавливающая на немъ взоры, одушевленные чистѣйшей нѣжностію, часто представлялись его воображенію.

Разрушеніе всѣхъ мыслей о счастіи поразило роковымъ ударомъ молодую дѣвушку. Частые обмороки сперва разстроили ея нѣжное сложеніе; за симъ слѣдовала глубокая, постоянная меланхолія. Изъ окна смотрѣла она на отбытіе войскъ; видѣла удаляющагося неблагодарнаго любовника своего, при громѣ барабановъ и трубъ, среди всей пышности воинской. Она бросила на него послѣдній, скорбный взоръ въ то мгновеніе, когда восходящее солнце озаряло лице его, и вѣтеръ утренній развѣвалъ перья шлема. Онъ скоро исчезъ какъ блестящій призракъ, и она осталась одна! . . .

Съ тѣхъ поръ она любила бродить въ уединеніи по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывала вмѣстѣ съ своимъ любезнымъ. Какъ лань, уязвленная стрѣлою, несчастная тихо плакала, и тѣмъ усиливала тяжкую грусть, которая обитала въ душѣ ея.

Часто видали ее подъ вечеръ сидящую на паперти сельской церкви. Пастушка, вазвращаясь съ полей, слыхала иногда, какъ она среди кустовъ терновника пѣла жалобныя пѣсни.

Набожность ея увеличилась. Когда старцы видали ее приближающуюся съ лицемъ изсохшимъ и поблекшимъ, съ тѣмъ воздушнымъ выраженіемъ, которое меланхолія разливаетъ на черты физіономіи — они давали ей мѣсто, какъ существу сверхъестественному, и смотрѣли на нее, качая головой, въ знакъ печальнаго предзнаменованія.

Скоро удостовѣрилась она, что должна сойти въ могилу, которую почитала для себя мѣстомъ успокоенія. Златая нить, привязывавшая ее къ жизни, была изорвана, и ей казалось, что уже нѣтъ для нея счастія въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Если когда нибудь великодушное сердце ея и питало негодованіе на любезнаго — то нынѣ уже оно угасло. Она неспособна была ощущать ненависть.

Въ минуту нѣжной задумчивости, она написала къ нему прощальное письмо въ простыхъ выраженіяхъ, но самая простота сія дѣлала оное трогательнымъ; объявила ему, что ей не долго остается жить на свѣтѣ и не скрывала, что его поведеніе было тому причиной. Описывала свои страданія и вмѣстѣ говорила, что не можетъ умереть спокойно, не даровавъ ему прощенія и не благословивъ его въ послѣдній разъ въ жизни.

Силы ея постепенно уменьшались: она не могла уже выходить изъ хижины. Главнымъ удовольствіемъ ея было: сидѣть у окна и проводить цѣлые дни, смотря на поля и рощи окрестныя. Никогда не жаловалась она, ни съ кѣмъ не дѣлила грусти сердечной; никогда не произносила даже имени своего любезнаго: склоняла голову на грудь матери и плакала безмолвно. Съ нѣмымъ прискорбіемъ родители ея видѣли, какъ увядалъ сей цвѣтокъ, цѣль всѣхъ надеждъ ихъ. Они ласкали себя мы-

слію, что болѣзнь пройдетъ, и блестящій, ангельскій румянецъ, который разливался иногда по щекамъ ея, почитали знакомъ выздоровленія.

Въ такомъ положеніи находилась она въ одно воскресенье, вечеромъ, сидя между отцемъ и матерью и взявшись руками своими за ихъ руки; окно было отворено и тихой вѣтеръ приносилъ благоуханія синели, которою окна были нѣкогда обсажены ея трудами; отецъ ея читалъ главу изъ Библіи, гдѣ говорится о небесныхъ радостяхъ и тщетѣ суетъ мірскихъ; чтеніе сіе, казалось, пролило въ ея душу ясную безмятежность; взоръ ея остановился на дальней церкви; колоколъ призывалъ къ вечерней молитвѣ; послѣдніе изъ поселянъ уже перешли за порогъ храма, и все погрузилось въ святую тишину, свойственную дню отдохновенія.

Отецъ и мать смотрѣли на дочь съ умиленіемъ; скорбь и страданіе, оставляющія столь печальные слѣды на многихъ лицахъ, дали чертамъ ея выраженіе небесное; слеза блеснула въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ ея. Думала ли она о своемъ вѣроломномъ другѣ? или мысли ея

стремились къ сему кладбищу, которое готовилось принять ее въ свои нѣдра? . . . Вдругъ слышится топотъ конскій; всадникъ примчался къ хижинѣ; онъ соскочилъ передъ окномъ: бѣдная дѣвушка испустила вопль и упала безъ чувствъ. Это былъ ея любовникъ, влекомый раскаяніемъ. Онъ бросился въ комнату, прижалъ несчастную къ своему сердцу; но ея больное тѣло, ея угасающее лице, столь блѣдное, хотя еще прекрасное, потрясли его душу. Обремененный скорбію, онъ палъ къ ногамъ ея; она не имѣла силы приподнять виновнаго; простерла къ нему слабѣющую руку; уста ея, казалось, хотѣли что-то произнести, но голосъ замиралъ въ груди; она бросила на него взоръ, исполненный невыразимой нѣжности и закрыла глаза . . . навѣки.

Таковы подробности сего происшествія, слышанныя мною въ селеніи. Онѣ не разнообразны и, признаюсь, не отличаются новостію. Судя по господствующему вкусу къ событіямъ необыкновеннымъ и разсказамъ пышнымъ, могу думать, что повѣсть моя покажется слаба и незначительна. Но въ то время я былъ живо тронутъ ею;

по случаю обряда, котораго былъ свидѣтелемъ, она сдѣлала въ сердцѣ моемъ впечатлѣніе болѣе сильное, нежели самыя разительныя происшествія.

Послѣ сего я еще разъ видѣлъ это селеніе и снова посѣтилъ церковь по причинѣ болѣе чистой, нежели любопытство. Былъ зимній вечеръ; дерева стояли безъ листьевъ, кладбище казалось мрачнымъ и запустѣлымъ, морозный вѣтеръ шумѣлъ въ травѣ засохшей; но вѣчно зеленые кусты росли вкругъ могилы красавицы и вѣтвистыя ивы защищали оную отъ непогоды.

Церковная дверь была отворена; я вошелъ туда и замѣтилъ еще цвѣточные вѣнки и перчатки, какъ въ день ея похоронъ; цвѣты завяли, но пыль не затмила бѣлизны ихъ. Я много видалъ памятниковъ, гдѣ искусство истощило всѣ средства свои, чтобы возбудить чувствительность зрителя; но не встрѣчалъ ни одного, который бы говорилъ столько моему сердцу, какъ сіе простое и нѣжное воспоминаніе невинности, померкшей на ранней зарѣ жизни.

Перев. М. Р.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Невѣста.

Спѣшу, мои друзья, примѣты описать,
По коимъ можете красавицу узнать,
Готовую принять супружескія узы.
Смотрите, вотъ она съ чудесной быстротой
Едва касается по клавишамъ рукой;
То съ чувствомъ пѣснь поетъ, которую ей Музы
(Какъ говоритъ она) вдохнули въ добрый часъ;
То по шитью иглой ведетъ она узоры,
Съ работы не сводя своихъ прелестныхъ глазъ.
Внимательные взоры
На стѣны комнаты! Чудесный, длинный рядъ
Со всѣхъ сторонъ картинъ къ себѣ манитъ вашъ
взглядъ.
Прочтите надпись ихъ: «безцѣнныя картины
Есть дѣло рукъ *моей* возлюбленной Надины.»
Вотъ такъ старается заботливая мать
Молву о дочери любезной распускать.
«Держи себя прямѣй!» ей мать твердитъ совѣты:
«Умѣй и покраснѣть, когда даешь отвѣты;
Французскимъ языкомъ ты можешь лепетать;
Но болѣе всего совѣтую молчать.»
Совѣтъ спасительный! Заговори, Надина,
И обожателей исчезнетъ половина.

М. Сарандинаки.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Описательной Поезіи.

Описательная Поезія имѣетъ множество невыгодъ: она вообще холодна, и нравится только въ отрывкахъ. Ее можно сравнить съ академической фигурою. Рука, грудь удивительны на взглядъ; черты совершенно правильны: при всемъ томъ портретъ безъ движенія; въ жилахъ его есть кровь, но она оледенѣла. Дайте ему жизнь и душу, заставьте его мыслить: тогда онъ остановитъ при себѣ умнаго наблюдателя. Аббатъ Делиль, представившій свѣту дивные опыты въ семъ родѣ, утомителенъ, когда будете читать его разомъ; онъ занимаетъ и нравится въ *Урокахъ* Словесности. Почему такъ? Потому что его насильно сократили. Тутъ онъ представляетъ вамъ безпрестанно новые предметы; увлекаетъ васъ отъ одного къ другому, прежде нежели вы успѣли соскучить. Тутъ видите вы то человѣка, то

лошадь, то кофе, то партію въ трикттракъ. И при каждомъ новомъ заглавіи вы говорите, какъ будто читая программу фокусника: посмотримъ, ка̀къ онъ управится. И Аббатъ Делиль всегда управляется какъ не льзя лучше! Онъ на все писалъ стихи: все, что̀ ни писалъ онъ, было стихъ:

Quidquid tentabat scribere, versus erat.

Но что же! Не смотря на всю тонкость его въ чертахъ, на легкость его въ пріемахъ, когда прочитали вы семь или восемь описаній, девятымъ уже скучаете. Надобно, чтобы Поезія изливалась изъ души — тогда она проникнетъ и въ душу читателя. Описательную же Поезію можно уподобить бесѣдѣ человѣка съ даромъ остроумія, но остроумія всегда однообразнаго. Послушали его часъ мѣста, и довольно для васъ, хотя бы онъ разсыпа̀лъ самыя пріятныя фразы: ибо и умъ также имѣетъ свою монотонію. Мы сотворены съ душою нѣжною и слабою: что̀ нравилось ей въ подробностяхъ, то самое для нея утомительно въ цѣлой массѣ.

Если судить по преклонности таланта Делилева, Поезія Описательная имѣетъ ту невыгоду, что она бываетъ модою

въ литтературѣ, и что успѣхъ ея или неуспѣхъ равно непостоянны. Аббатъ Делиль слылъ чудомъ своего времени: имъ начался новый родъ въ Поэзіи, и то, что было легкимъ упражненіемъ большаго, гибкаго таланта, признано въ свѣтѣ за изліяніе генія творческаго. Мода приняла и поддержала Поэта. Его замысловатыя, плѣнительныя описанія сельскихъ предметовъ очаровали городскихъ жителей. Сверхъ того картины писаны были добрымъ, любезнымъ Аббатомъ Делилемъ, избалованнымъ дитятею гостиныхъ, поэтомъ милымъ; стихами его любовались по привычкѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидали новыхъ. Далѣе, онъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ такою гибкостью таланта, представилъ столь прекрасные опыты, что въ честь ему вещи названы были новыми именами: талантъ прослылъ геніемъ, извѣстность — славою. Но въ послѣдствіи времени столько же стали скупы на похвалы сему славному человѣку, сколько прежде были расточительны; разсудили, что помѣстить въ стихахъ собаку, пѣтуха, партію въ трикъпракъ, щепотку табаку — низко; другіе, будучи посмѣлѣе, заговорили еще рѣзче: именно, стихи Делиля на-

зывали работою ремесленника. Извините, милостивые государи! Стихи Делиля суть произведеніе таланта, рѣшительно таланта, но столь мѣлкаго, столь пустаго, что одна лишь прихоть людей тогдашняго времени могла сдѣлать его моднымъ. Явилось новое поколѣніе, съ новыми прихотями, быть можетъ, съ желаніемъ совершенно ниспровергнуть славу Делиля приговоромъ, который вѣроятно не будетъ окончательнымъ; ибо прихоть не есть еще правосудіе. При всемъ томъ такова должна быть участь всѣхъ произведеній, не оживленныхъ ни вдохновеніемъ, ни мыслію — произведеній, кои ничего не говорятъ тому свойству души человѣческой, которое, среди всѣхъ своенравныхъ измѣненій времени, моды и страны, остается всегда неизмѣняемымъ, для всѣхъ общимъ. Симъ-то чувствомъ ознаменованныя прекрасныя творенія живутъ, переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, подобно святынѣ, къ которой никогда не дерзаетъ прикоснуться мода. Посему-то одинъ вѣкъ какъ бы невольно принимаетъ изъ рукъ вѣка предшествовавшаго сіе наслѣдственное удивленіе къ именамъ великимъ, удивленіе, которое идетъ черезъ рядъ

поколѣній, и завѣщавается отъ предковъ потомству; посему-то мы остаемся наслѣдственными блюстителями славы мужей великихъ, и никакой нововводитель не скажетъ въ нашемъ отечествѣ: времена Расина, Мольера, Лафонтена окончились.

Стихами Делиля началась особливая школа; етому такъ и быть надлежало: его талантъ стоилъ подражанія; его успѣхи могли возбудить въ другихъ надежду блеснуть подобными. Неудивительно, что и послѣ, когда благородный трудъ поета освободился отъ ентузіазма, отъ пристрастія, нисколько не удивительно, что толпа ринулась въ слѣдъ за нимъ и тѣснилась при подошвѣ Парнасса, къ которому путь углаженный сдѣлался менѣе труднымъ. Такъ и случилось: тысячи стиховъ, натянутыхъ и жеманныхъ, появились на всѣ предметы; пустились описывать стихами *свѣтъ*, *цвѣты*, *растѣнія*, *море*; Поезія занялась Ботаникою, Фvзикою, Естественною Исторіей, и словарь рифмъ сдѣлался ручною книгой. Одинъ только Делиль спасся отъ сего наводненія; онъ имѣлъ, чѣмъ жить, чѣмъ поддержать свое имя,

и если опустился нѣсколько съ высоты, то для того только, чтобы занять мѣсто болѣе выгодное и прочное. Но его подражатели всѣ претерпѣли кораблекрушеніе; теперь едва-едва извѣстны имена ихъ, ибо въ области наукъ неизвѣстны ихъ творенія. Описательныя поэмы, нѣкогда лежавшія полураскрытыми на всѣхъ работныхъ столикахъ, на всѣхъ подушкахъ, во всѣхъ будуарахъ, теперь, въ слѣдствіе печальной превратности счастія, таятся во глубинѣ библіотекъ на полкахъ, недосягаемыхъ рукою. Разумѣется, мы теряемъ отъ того нѣсколько счастливыхъ стиховъ; но за то много и выигрываемъ, возстановляя истинную поэзію, чуждую пошлаго механизма.

(Изъ Франц. Журн. Пр—овъ.)

О Высокомъ.

(Продолженіе.)

(у) Если явленія *разума* и *воли* могутъ представлять *высокое* зрѣлище; то что должно сказать о *чувствѣ*, въ коемъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ лучи бытія человѣческаго, и изъ котораго

самъ *разумъ* и сама *воля* почерпаютъ благодатную полноту, согрѣвающую ихъ есѳетической жизнью? . . . И умственныя и нравственныя дѣянія человѣческія ознаменованы печатію ограниченности, не изглаждающеюся и на самой высшей степени ихъ развитія: поелику онѣ суть произведенія *духа*, состоящаго въ необходимомъ соприкосновеніи съ Природою, опредѣляющею *его* при познаніяхъ, или опредѣляемою *имъ* при свободныхъ дѣйствіяхъ. *Чувствомъ* выражается полнота духовной жизни человѣческой, обращающейся, такъ сказать, около собственной своей оси, и посему не вѣдающей никакихъ предѣловъ, кромѣ самой себя. Отсюда безпредѣльная широта и неистощимая глубина *чувства*, для которой, говоря словами великаго Шиллера, *тѣсенъ весь міръ безконечный.* Оно можетъ принимать характеръ есѳетической *высокости* во всѣхъ моментахъ своего развитія: *и* тогда, когда отглашаетъ совершенную гармонію внутренней жизни духа человѣческаго; и тогда, когда выражаетъ борьбу его *или* съ внѣшними обстоятельствами, *или* съ собственными помыслами и желаніями; *и* даже наконецъ тогда, когда само разрушаетъ внутреннюю

соразмѣрность духовнаго человѣческаго организма своею бурною преобладающею силою. Отсюда происходятъ *четыре* частные вида *Чувственно - Высокаго*, кои суть:

a) *Прекрасно - Высокое;*
b) *Трогательно - Высокое;*
c) *Паѳетически - Высокое* и
d) *Потрясающе - Высокое.*

a) *Прекрасно - Высокое* зрѣлище представляютъ всѣ благородныя ощущенія сердца человѣческаго, развивающіяся въ небесномъ свѣтѣ выспренняго идеальнаго одушевленія до полноты, не ограничивающейся никакими земными предѣлами. Таково чувство дружбы, когда оно, основываясь не на безотчетной привязанности, пораждаемой слѣпымъ обольщеніемъ и оканчивающейся воздушными испареніями мишурной чувствительности, но на таинственной сvмпатіи душъ, находящихъ другъ друга для того, чтобы по одной стезѣ стремиться вдвоемъ къ одной цѣли, — переживаетъ всѣ волненія земной жизни и въ тѣсныхъ предѣлахъ времени представляетъ живый сvмволъ вѣчности. Такова любовь въ ея идеальной

чистотѣ, отрѣшенной отъ грубой примѣси чувственнаго вожделѣнія и отъ поддѣльныхъ румянъ разслащенной сентиментальности. Сіе дивное чувство, переплетающееся тѣсно съ сильными внутреннѣйшими корнями бытія *человѣческаго*, представляетъ истинно *высокое* зрѣлище тогда, когда связуемыя ею сердца освящаются вѣрою въ высшее Божественное блаженство, составляющее конечную цѣль ихъ совокупныхъ надеждъ, желаній и стремленій. Такая любовь есть по истинѣ *предчувствіе неба*. И какъ иначе назвать сіе блаженное просвѣтленіе любящей души Петрарки, піющаго *въ очахъ* возлюбленной Лауры *сладкій свѣтъ, указующій путь къ небесамъ*, окриляемаго *взорами* ея на *благія дѣянія и великіе подвиги*, и торжественно исповѣдающаго, что *одинъ взглядъ* ея *возвышаетъ его надъ непосвященной толпою*?

Gentil mia Donna, i' veggio
Nel muover de vostri occhi il dolce lume
Che mi mostra la via ch' al Ciel conduce.

. . . .

Quest' é la vista ch' a ben far m'induce;
E che mi scorge al glorioso fine;
Questa sola dal vulgo m'allontana!

Какимъ небеснымъ огнемъ согрѣвалось сердце Данта, протекшаго исполинскою стопою сквозь всѣ ужасы *ада* и *чистилища*, дабы насладиться созерцаніемъ *райскаго* блаженства единственной своей Беатриксы? . . . Любовь истинная есть святое, *великое* чувство. Она не подвластна ни времени, ни мѣсту: ея періодъ есть вѣчность!

Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ! . . .
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же: все *ею* онъ полонъ! —

По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила!

Сей мыслью высокой украшена жизнь,
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ
На полное славы творенье!

Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни!
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры!

Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна!
При мысли великой, что я *человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душею!

Ето языкъ души истинно любящей!... И какая душа не откликнется ей святымъ умиленіемъ и благоговѣйнымъ восторгомъ? . . . Не менѣе *возвышенно* поетическое одушевленіе творящаго генія, когда онъ, какъ новый Пvгмаліонъ, оживляетъ пламенными объятіями хладный мраморъ Природы. Сердце человѣческое является тогда живымъ образомъ всеоживляющей любви Творческой! . . . Но несравненно *возвышеннѣе* то блаженное состояніе души человѣческой, когда она, просвѣтляемая вѣрою и окриляемая любовію, обрѣтаетъ свое вѣчное успокоеніе въ лонѣ единаго верховнаго Источника непреходящихъ радостей и неистощимаго блаженства. Какое божественное зрѣлище представляетъ царственный Пѣснопѣвецъ, исповѣдующій въ святомъ одушевленіи, что для него *день единъ во дворѣхъ Божіихъ паче тысящь*; и что ему безконечно вожделѣннѣе *приметаться въ дому Бога своего*, *неже жити въ селеніяхъ грѣшничихъ*? . . . Онъ забы-

ваетъ небо и землю, забываетъ всего себя, упиваясь созерцаніемъ красоты Божіей:

Что ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя! Боже сердца моего и часть моя Боже во вѣки! (Пс. LXXII. 25. 26.)

Гдѣ найти вѣрнѣйшую поруку безсмертія души человѣческой, какъ не въ семъ глубокомъ изреченіи мудрѣйшаго изъ человѣковъ, выражающемъ неистощимую глубину любви, къ каковой можетъ быть способно сердце, посвященное Богу?

Крѣпка яко смерть любы: жестока яко адъ ревность. Крила ея крила огня: угліе огненно пламы ея. Вода многа не можетъ угасити любве: и рѣки не потопятъ ея. (Пѣс. Пѣс. VIII. 6. 7.)

Когда, въ Расиновой *Гоѳоліи*, *Авенаръ* представляетъ Первосвященнику *Іодаю* всѣ опасности, коимъ сей послѣдній подвергаетъ себя, защищая *Іоаса*, послѣднюю отрасль царственнаго поколѣнія Давидова, противъ коварства и насильства *Гоѳоліи*; и когда *Іодай* между прочимъ на сіе отвѣтствуетъ:

Celui qui met un frein à la fureur des flots
Sait aussi des méchans arrêter les complots:
Soumis avec respect à sa volonté sainte,
Je crains Dieu, cher Abner! et n' ai point d'autre crainte!

то истинно человѣкъ является здѣсь столько *высокимъ*, что одинъ только Богъ выше его! . . .

b) Но не одни только чувствованія, выражающія гармоническую настроенность духа человѣческаго, могутъ принимать характеръ есѳетической *высокости*; самыя болѣзненныя и скорбныя ощущенія могутъ составлять обильной источникъ *Высокаго*. По вліянному въ насъ самой Природой сочувствію, всѣ страданія, испытываемыя нашими ближними, отзываются въ сердцахъ нашихъ умилительнымъ участіемъ. Это есть основаніе есѳетической занимательности *трогательнаго*. *Трогательнымъ* для насъ можетъ быть все то, что можетъ страдать и чувствовать страданія; но сіи страданія должны имѣть свою мѣру. Потребность жить и радоваться своею жизнію столько сродна и близка человѣку, что всякая безотрадная скорбь, всякая безнадежная бо-

лѣзнь раздираютъ и убиваютъ душу. Посему болѣзненное чувство, возбуждаемое въ насъ *трогательнымъ*, всегда должно быть растворено по крайней мѣрѣ сладкимъ предчувствіемъ радующаго. Таково у *Гомера* прощаніе *Гектора съ Андромахою*, оканчивающееся растворенною слезами улыбкою нѣжной супруги: *δακρύοεν γελάσασα!* Злополучный Едипъ, оставленный *Софокломъ* страдать въ безпомощномъ отчаяніи, есть напротивъ раздирающее зрѣлище. *Трогательное* облекается характеромъ *высокости*, когда силы духа человѣческаго въ такомъ находятся сраженіи со внѣшними обстоятельствами, что человѣкъ, какъ недѣлимое, представляется страждущимъ; но свобода его, непоколебимая въ стремленіи ко благому, являетъ въ немъ человѣчество торжествующимъ. Невольно возбуждаютъ въ насъ болѣзненное чувство: мудрый и добродѣтельный *Сократъ*, погибающій жертвою коварныхъ навѣтовъ; *Регулъ*, вѣрный благу отечества и данному слову, возвращающійся въ Карѳагенъ на смерть очевидную; *Катонъ*, не хотящій пережить свободы своего отечества и испускающій послѣдній вздохъ съ послѣдними ея содро-

ганіями; *Росславъ*, воевода Русскій, обремененный узами и готовый умереть за отчизну. Но съ другой стороны величность ихъ духа, необоримаго никакими земными страданіями, возбуждаетъ въ насъ чувство высокаго достоинства человѣческаго: такъ что самое чувство сострадания имѣетъ прелесть тѣни, сліявшейся со свѣтомъ величественной идеи о безсмертіи. Само собою разумѣется, что и здѣсь есѳетическое преимущество принадлежитъ тѣмъ ощущеніямъ, въ коихъ торжествуетъ ентузіазмъ собственно религіозный; въ коихъ лютая горечь страданій растворяется небесною сладостію вѣры и упованія. Я изумляюсь величію самозабвенія и всепрезрѣнія неодолимаго духа *Катонова*, повторяя сіе высокое изреченіе *Горація*:

Et cuncta terrarum subacta
Praeter atrocem animum Catonis.

Изумленіе мое превращается въ болѣзненную скорбь при представленіи убійственнаго желѣза, готоваго пролить смерть въ сіе сердце, вмѣстилище столь высокихъ ощущеній: я страдаю за него и за все человѣчество. Но — взоръ мой упадаетъ на Платоновъ *Разговоръ о безсмертіи*,

предъ нимъ раскрытый . . . и сердце мое утѣшено! Я разгадываю судьбу, ожидающую его за предѣлами гроба. — Когда четвертый сынъ *Маккавей* неустрашимо выдерживаетъ, подобно своимъ братьямъ, жесточайшія мученія и радостно умираетъ съ сими словами:

Лучше убиваемымъ отъ человѣкъ упованія чаяти отъ Бога, паки имущимъ воскрешенымъ быти отъ Него (II Мак. VII, 14):

что каждое человѣческое сердце повторяетъ за нимъ сіи высокія слова, свидѣтельствуя, что есть Богъ живый и что высшее достоинство человѣка есть духъ сего Бога, живущій въ сердцѣ его, неодолимый и ужасами смерти. — Непобѣдимый въ правотѣ, оправдывающій данное ѳ немъ свидѣтельство Творца, *Іовъ* возсѣдитъ на гноищѣ, какъ слава Бога и краса человѣчества. Какъ онъ перенесетъ свои бѣдствія, на сіе взираетъ Богъ и съ Нимъ весь сонмъ небесный. Онъ страждетъ, борется, изнемогаетъ. . . но безконечная покорность судьбамъ Божіимъ (XXVII. 2-4) и вѣра въ Искупителя и въ воскресеніе (XIX, 25-27) торжествуютъ! — Вотъ образцы *трогательности* истинно *высокой!* —

Знаменитое: *doch!* Лессинговой *Емиліи Галлотти* — разражаетъ душу; но *возвышаетъ* ее истинно-торжественное окончаніе Шиллеровой *Орлеанской дѣвственницы*, когда *Іоанна*, пораженная смертною раною, въ послѣдній разъ подымается съ поддерживающихъ ее рукъ и обращается къ небу съ таинственною своею Орифламмою:

Смотрите! радуга на небесахъ!
Растворены врата ихъ золотыя!
Средь Ангеловъ — на персяхъ вѣчный Сынъ —
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она
И съ милостью ко мнѣ простерла руки!
О! что́ со мною!... мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой!...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда!... земля ушла изъ глазъ!
Минутна скорбь! блаженство безконечно!

Сей послѣдній стихъ разгадываетъ всю тайну прелести *трогательно-Высокаго.*

c) Не менѣе *возвышенное* зрѣлище можетъ представлять и бореніе превышечувственнаго начала идей съ бурнымъ дыханіемъ страстей, мятущихъ духъ человѣческій, когда сіи послѣднія, истощивъ всю свою лютую ярость, разбиваются нако-

нецъ объ адамантовую твердыню неодолимаго мужества. Таковыя явленія сердца человѣческаго составляютъ область *паѳетически - Высокаго.* Образцовыми произведеніями въ семъ родѣ могутъ быть: *Псалмы Давида XLI и XLII*, въ Еврейскомъ подлинникѣ составляющіе одно цѣлое, въ коихъ изображается глубоко и сильно ужасное состояніе души царственнаго Пѣснопѣвца, души, растерзанной неблагодарностію возлюбленнаго сына и почитающей себя совершенно почти оставленною Богомъ, но побѣждающей наконецъ всѣ раздирающія ее бури силою вѣры и упованія:

Реку Богу: заступникъ мой еси, почто мя забылъ еси? и вскую сѣтуя хожду, внегда оскорбляетъ врагъ? Внегда сокрушатися костемъ моимъ, поношаху ми врази мои, внегда глаголати имъ мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой? . . . Вскую прискорбна еси душе моя и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся ему: спасеніе лица моего и Богъ мой! (Пс. XLI, 10 — 12.)

Многія мѣста въ книгѣ *Іова*, и преимущественно VI и VII главы, въ со-

единенія съ IX главою, гдѣ уже торжествуютъ терпѣніе, вѣра и упованіе:

Да погибнетъ день въ оньже родихся, и нощь въ нюже рекоша: се мужескъ полъ! Та нощь буди тьма, и да не взыщетъ ея Господь свыше, ниже да пріидетъ на ню свѣтъ! (III. 3 - 4.) Почто убо мя изъ чрева извелъ еси, и не умрохъ! Око же мене не видѣло бы и быхъ бы аки не былъ? Почто убо изъ чрева во гробъ не снидохъ?.. (X. 18 - 20.) Живъ Господь, иже ми сице суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу! Дондеже еще дыханіе мое есть и Духъ Божій, сущій въ ноздрѣхъ моихъ: не возглаголютъ устнѣ мои беззаконія, ниже душа моя поучится неправдѣ!.. (XXVII. 1 - 4.)

Сюда также принадлежитъ описаніе борьбы новаго невѣдомаго и необоримаго чувства любви съ высокимъ назначеніемъ небеснымъ въ сердцѣ *Орлеанской дѣвственницы*, въ началѣ IV дѣйствія *Шиллеровой* Трагедіи:

Какъ! мнѣ любовію пылать!
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?

Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажуль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня?...

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ!
Милый слышится мнѣ голосъ!
Милый видится мнѣ ликъ!

Возвратися, буря брани!
Загремите стрѣлы, копья!
Вы, ударьте строй на строй!
Битва! дай душѣ покой!

Тише! звуки замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали.
Слезы льются отъ печали!...

Моглали я его сразить?... о! какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ!
Нѣтъ! нѣтъ! себя бы я скорѣй сразила!
Виновналь я, склонясь душей на жалость?
И грѣхъ ли жалость?....

О сердце хитрое! тыль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ! нѣтъ! тебя влекло не сожалѣнье!

Такавыя бурныя явленія души человѣческой возбуждаютъ благоговѣйное изумленіе: поелику сквозь оныя просіяваетъ ея божественное величіе, возвышающее ее надъ самой собою. Но вообще тамъ, гдѣ чувственное и страстное торжествуютъ и одерживаютъ побѣду, *паѳетически-Высокое* преступаетъ свои предѣлы. Таково у *Еγріпіда* изображеніе *Медеи*, когда она изъ паѳетическаго состоянія духа — изъ борьбы чувства матерней любви съ пламеннымъ мщеніемъ противъ вѣроломнаго *Язона* — переходитъ къ неистовой рѣшимости на ужаснѣйшее злодѣяніе, которое человѣческій языкъ едва наречь можетъ. Здѣсь начинается область *потрясающе-Высокаго*, составляющаго крайній полюсъ развитія ощущеній, діаметрально противоположный *прекрасно-Высокому*.

d) *Потрясающе-Высокое* есть великое собственно *въ страстяхъ*, выражающее безпредѣльную силу и непреоборимое владычество всенизлагающаго егоизма. Таково идеальное представленіе гордости, неукрощаемой въ самомъ глубочайшемъ уничиженіи, воплощенное въ страшномъ образѣ Мильтонова *Сатаны*, когда онъ,

низверженный въ адъ, привѣтствуетъ новое свое жилище сими словами:

. . . . . . *Hail horrors, hail*
Infernal world, and thou profoundest Hell
Receive thy new possessor; one who brings
A mind not to be chang'd by place or time!
The mind is its own place, and in itself
Can make a Heav'n of Hell, a Hell of Heav'n.
What matter where, if J be still the same,
And what J should be, all but less than he,
Whom thunder hath made greater (*)!

Не менѣе *потрясающее* явленіе представляетъ *самозванецъ Димитрій*, когда онъ въ отчаяніи съ адскою злобою произноситъ слова сіи:

О если бы со мной погибла вся вселенна! . .

Въ Шекспировомъ *Макбетѣ* извѣщаютъ *Макдуфа*, что *Макбетъ* овладѣлъ его зáмкомъ и что жена и дѣти его сдѣлались жертвами

(*) Привѣтствую, васъ, ужасы! привѣтствую тебя, подземный міръ! И ты; бездонный адъ! прими новаго своего владыку! Онъ приноситъ сюда духъ, котораго не измѣнитъ ни мѣсто, ни время! Сей духъ есть единственный міръ его: и онъ въ самомъ себѣ можетъ сотворить небо изъ ада и адъ изъ неба. Чтò нужды въ мѣстѣ, если я всегда тотъ же? . . . Чтòбы я ни былъ, всегда буду я больше Того, Коему повинуются громы! . .

кровожаднаго побѣдителя. Онъ впадаетъ въ мрачную задумчивость. *Малькольмъ* утѣшаетъ его; но онъ не слышитъ . . . весь погруженъ въ измышленіе средствъ къ лютѣйшему отмщенію. Наконецъ невольно исторгаются у него сіи ужасныя слова: «*но у него нѣтъ дѣтей!*» . . . . *Макбетъ* уже долженъ пасть жертвою мщенія; но — сего мало! . . . почему онъ не имѣетъ еще у себя дѣтей? . . . . Ето приводитъ *Макдуфа* въ отчаяніе! — Вотъ безконечное страсти! — У Альфіери, въ Трагедіи: *Филиппъ II*, благородный *Перецъ* одинъ осмѣливается вознести гласъ въ защищеніе злополучнаго *Донъ-Карлоса*, готоваго пасть жертвою адскихъ подозрѣній тирана и гнуснаго ласкательства вѣроломныхъ совѣтниковъ. *Филиппъ*, оставшись одинъ, трепещетъ отъ ярости, и лютая душа его изливается въ восклицаніи: «*И такая душа можетъ родиться тамъ, гдѣ я царствую! . . . . можетъ тамъ, гдѣ я царствую, жить еще!*» . . . Вотъ безконечное злобы! — Очевидно, что таковый, или представляемый въ идеальномъ изображеніи таковымъ, человѣкъ естественно находится въ превратномъ отношеніи къ идеѣ достоинства человѣческаго: по-

сему изумленіе, возбуждаемое имъ, сопровождается всегда ужасомъ. Не смотря на то, онъ и здѣсь представляется великимъ; и величіе его имѣетъ эсѳетическую занимательность, поелику возбуждаетъ представленіе великости силъ духа человѣческаго, хотя онѣ развиваются совсѣмъ въ превращенномъ направленіи. Страсти сами въ себѣ не имѣютъ ничего эсѳетическаго; но онѣ могутъ получать эсѳетическое достоинство, когда открываются въ героической отважности и ентузіазмѣ. Только сокровеннаго, всегда кривыми стезями и коварно стремящагося къ своей цѣли злодѣя мы отвергаемъ съ презрѣніемъ какъ нравственно, такъ и эсѳетически. — Внезапный мракъ и глубокая ночь остановили кровавое сраженіе Грековъ и Троянъ. Неистовый *Аяксъ*, воспящаемый столь неожиданною препоною въ самомъ пылу разъяреннаго мужества и кипящей мести, негодуетъ на небо и вызываетъ на брань съ собою самаго державнаго Зевеса:

Ζεο πατερ! ἀλλα συ ρυσαι ὑπ' ἠερος ὑιας 'Αχαιων,
Ποιησον δ' αἰϑρην, δος δ' ὀφϑαλμοις ἰδεσϑαι.
'Εν δε φαει καὶ ὀλεσσον, ἐπει νυν τοι ἐυαδεν ὀυτως!

Наперстница *Медеи* напоминаетъ сей последней, у *Корнеля*, ея дѣтоубійство и то, что она всѣми оставлена, презрѣна и ненавидима, какъ извергъ человѣчества:

Voyez en quel état le sort vous a reduite!
Votre pays vous haït! votre époux est sans foi!
Dans un si grand revers que vous reste-t-il?

Она отвѣчаетъ:

Moi!
Moi! dis-je, et c'est assez!

Здѣсь точно видимъ мы чудовище, но чудовище великое: духа ея ничто не могло унизить! — Но сіе *Высокое* столько же противоположно *прекрасно-Высокому*, сколько адъ небу. И самый *адъ* есть предметъ высокій! Сія страшная надпись, прочтенная на роковыхъ вратахъ его исполинскою фантазіею *Данта*:

Lasciate ogni speranza, voi ch' entrate!

поистинѣ изумляетъ насъ, но вмѣстѣ и заставляетъ трепетать отъ ужаса. Наше назначеніе *высоко*: и мы не можемъ не любить *высокаго*. Но оно должно всегда заставлять насъ обращаться съ свѣтлымъ взоромъ на небо: и тогда только оно истинно *высоко!* тогда оно подлинно *возвышаетъ* насъ и сближаетъ съ таинственной цѣлію нашего *высокаго* назначенія!

В) Теперь — если отдѣльныя, или, такъ сказать, раздробленныя явленія силъ, содержащихъ бытіе Природы, могутъ быть для насъ *Высокими;* то какое зрѣлище должно представить намъ приникновеніе во внутренній механизмъ ихъ, движимый всемощно единою верховною *міродержавною* силою? . . . Здѣсь открывается для насъ преддверіе безконечной *высокости!* — Вѣчный порядокъ, владычествующій во всемъ великомъ зданіи міра; непреложные законы, опредѣляющіе возвратный путь кометамъ, заблудившимся въ безпредѣльныхъ пустыняхъ неба, и полагающіе предѣлъ бурнымъ порывамъ страстей, растекающихся неудержимо по безбрежному океану сердца человѣческаго; святое единство, къ коему по неисповѣдимымъ судьбамъ неисповѣдимыми путями направляются и стекаются всѣ несмѣтныя явленія, совершающіяся на позорищѣ Природы — какое безпредѣльное поле ощущеній святыхъ, *высокихъ*, божественныхъ! . . Для древнихъ сіи ощущенія сливались въ единую *высокую* идею *судьбы*, верховной самодержицы Боговъ и человѣковъ. Сія идея, составлявшая положительный догматъ ихъ религіи, обнаруживалась во всѣхъ ихъ про-

изведеніяхъ, преимущественно же въ ихъ Трагедіяхъ, развивавшихъ въ тѣсныхъ предѣлахъ искуственнаго представленія безпредѣльную полноту вещественной жизни: и она-то сообщала имъ то мрачное величіе, коимъ отличается древняя сцена. Сіе величіе неоспоримо имѣетъ есѳетическое достоинство; но оно слишкомъ таинственно, грозно и безотрадно. *Судьба* древнихъ есть тиранская сила, для которой мыслящій человѣкъ не дороже ничтожнаго атома; она издѣвается надъ всѣми усиліями и намѣреніями свободы, обчитываетъ самые глубокомысленнѣйшіе разсчеты благоразумія и опредѣляетъ жребіи людей безъ ихъ вѣдома. Предъ ней изумляются и трепещутъ . . . безъ надежды . . . безъ утѣшенія! . . Отсюда чувство, возбуждаемое ею, при всей своей возвышенности, прискорбно и болѣзненно. Духу религіи Христіанской предоставлено было просвѣтлить сей ужасающій призракъ небеснымъ свѣтомъ любви благодѣющаго *Промысла*. Душа, озаренная чистою вѣрою, возвышаясь на прагъ творенія, ощущаетъ себя въ присутствіи животворящей Силы Божіей, питающей и грѣющей вселенную своимъ матерні-

скимъ дыханіемъ. Тогда всѣ безчисленныя струны бытія разрѣшаются для ней въ *высочайшую*, Божественнѣйшую гармонію: и изъ нѣдръ ея, преизбыточествующихъ святымъ одушевленіемъ, исторгается Апостольское восклицаніе:

О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его и неслѣдовани путіе Его. Кто бо разумѣ умъ Господенъ? или кто совѣтникъ Ему бысть? .. Яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая! (Рим. XI, 33-36.)

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СМѢСЬ.

Нѣсколько примѣровъ, объясняющихъ свойства и духъ Турецкаго правительства (*).

Екатерина II до того унизила Султана въ Константінополѣ, что одно имя

(*) См. *Histoire moderne de la Grèce*, par Nisos Nerulos. Genèwe. 1828.

Русскихъ заставляло трепетать Турковъ. Однажды, въ государствованіе Мустафы III, вспыхнулъ кровопролитный раздоръ между янычарскими полками въ Галатѣ; драки продолжались три дни и притомъ столь жестокія, что ни Ага Янычарскій, ни самъ Великій Визирь не могли укротить своевольныхъ. Наконецъ Мустафа выдумалъ счастливое средство: велѣлъ въ толпу ратующихъ бросить одну *Русскую шляпу* — и воины въ одно мгновеніе съ трепетомъ разбѣжались. По сему случаю Измаилъ-Бей, министръ внутреннихъ дѣлъ, изъяснился, употребивъ довольно приличное иносказаніе: »Тому уже сто лѣтъ какъ государство Турецкое стало походить на осыпанную алмазами табакерку, наполненную нечистотою и гразью, а между тѣмъ Россія взяла къ себѣ ея крышку.»

*

Послѣ Россійско-Греко-Турецкой войны 1770 года, когда Греки были жестоко преслѣдуемы Турками въ Пелопоннесѣ, не смотря на дарованное всѣмъ прощеніе, въ числѣ взятыхъ, назначенныхъ для сераля невольницъ находилась дочь одного Греческаго священника. Красота ея до

того плѣнила Султана Абдулъ-Гамида, что онъ возвелъ ее на степень своей супруги; даже полагаютъ очень возможнымъ, что нынѣшній Султанъ, рожденный отъ Гречанки, по матери своей происходитъ изъ Пелопоннеса. Несчастный отецъ отправился въ столицу съ намѣреніемъ выручить дочь свою; онъ явился у банкира Султанши Асмы, сестры Абдулъ-Гамида, съ прозьбою о ходатайствѣ въ пользу отца безутѣшнаго. «Честный отецъ!» былъ отвѣтъ ему отъ банкира: «если вы во что нибудь ставите собственную свою голову, то получите отъ меня двѣ тысячи піастровъ, и какъ можно скорѣе удалитесь изъ Константінополя.» Старикъ взялъ деньги, а дочь осталась въ сералѣ.

*

Въ войну противъ Россіи, начавшуюся 1788 года, когда Турецкія войска были многократно поражаемы и самой Очаковъ уже взятъ былъ приступомъ, Турецкіе министры, происками своими воспламенившіе сію войну, несчастную для Султана, всячески старались въ донесеніяхъ своихъ уменьшать потери и даже увѣрили Абдулъ-Гамида, что Русскимъ какъ-то

удалось овладѣть только лишь *малымъ* Очаковомъ, а отнюдь не большимъ, то есть не тою важною крѣпостію, которая грозно возвышается при Днѣпровскомъ лиманѣ — и Султанъ отъ всего сердца повѣрилъ. Однажды Монархъ сей отправился верхомъ инкогнито обозрѣть улицы Стамбула; ему попадается на встрѣчу воинъ, изувѣченный при Очаковскомъ штурмѣ, находившійся въ гарнизонѣ сей крѣпости; бѣднякъ подходилъ къ домамъ и просилъ подаянія. Узнавъ Султана, онъ въ отчаяніи ухватился за узды лошади и громко воскликнулъ: «Великій Султанъ! я раненъ былъ при взятіи невѣрными Очакова, сражаясь за вѣру, а теперь остаюсь безъ пристанища и умираю отъ голода.» — А! ты раненъ при *маломъ* Очаковѣ? не правда ли?« — Какъ при маломъ, о повелитель правовѣрныхъ! вѣдь Очаковъ одинъ только и есть — именно тотъ, который теперь въ рукахъ Москвитянъ невѣрныхъ!» Султанъ, разсердившись на министровъ за столь безстыдную ихъ насмѣшку, инымъ велѣлъ отрубить головы, а другихъ послалъ въ заточеніе.

(Изъ Нѣм. Журн.)

Нѣкоторыя мысли о лучшемъ способѣ образовать пѣвцовъ для театра (*).

Несправедливо думаютъ нѣкоторые музыканты, что искусство управлять голосомъ не можетъ быть столько труднымъ, какъ искусство играть на какомъ-либо инструментѣ, гдѣ нужно, какъ говорятъ они, творить звуки и напѣвы. Соглашаюсь, что гораздо легче пѣть приятно, незная музыки, чѣмъ играть посредственно на какомъ бы то ни было инструментѣ — но ето не можетъ касаться до совершенства искусствъ. Сколько невыгодъ представляется голосу при сравненіи его съ инструментомъ! Сколько, судя по сему, стоитъ трудовъ въ началѣ ученія и наставнику и ученику, чтобы достигнуть до правильнаго извлеченія звуковъ голосомъ!

(*) Новый благодѣтельный Уставъ о цензурѣ позволяетъ судить не только вообще объ искусствахъ, о представленіяхъ театральныхъ, но допускаетъ замѣчанія и о томъ, что содѣйствуетъ улучшенію различныхъ отраслей народнаго просвѣщенія (§ 12). Вездѣ въ Европѣ музыка и пѣніе, служащія приятнымъ и благороднымъ занятіемъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе людей образованныхъ. Здѣсь ревностный любитель отечественныхъ искусствъ предлагаетъ нѣкоторыя мысли о семъ предметѣ.

Изд.

Конечно, прекрасный голосъ обѣщаетъ много; но небудучи, такъ сказать, раскрытъ постояннымъ и многотруднымъ упражненіемъ, онъ ничего незначитъ. Какое неизмѣримое разстояніе между началомъ правильнаго произношенія гаммы и солфеджьями отличныхъ композиторовъ, и отъ солфеджій до театральнаго пѣнія!

Перстамъ, одинъ разъ уже привыкшимъ къ разнообразію приемовъ (applicatures) на инструментѣ, весьма легко находить звуки, коихъ они ищутъ. Голосъ, напротивъ того, не всегда имѣетъ ету выгоду, и только силою искусства приобрѣтаетъ возможность побѣждать трудности, столь часто встрѣчаемыя самымъ опытнымъ голосомъ.

Вліяніе воздуха, недостатокъ сна и другія физическія причины могутъ отнять на время нѣкоторую часть средствъ, оживляющихъ голосъ. Симъ ясно доказывается, что пѣвецъ долженъ употреблять несравненно болѣе искусства, чѣмъ музыкантъ, хотя бы они имѣли таланты въ равной степени. Одинъ почти всегда увѣренъ въ успѣхѣ; другой напротивъ обязанъ иногда прибѣгнуть ко всему своему искусству, чтобы замѣнить физическія средства, которыхъ ему недостаетъ въ то время. Положимъ, что оба они успѣли надлежащимъ образомъ; но послѣднему, судя по трудности исполненія (exe-

cution), болѣе стоило заслужить одобренiе, чѣмъ первому. И вотъ почему совершенство пѣнiя несравненно рѣже и труднѣе, нежели совершенство игры на какомъ-либо инструментѣ! Ето столь справедливо, что на одного хорошаго пѣвца въ Европѣ можно полагать пятьдесятъ отличныхъ музыкантовъ. Не должно думать, чтобъ не доставало хорошихъ голосовъ: счастливый климатъ Италiи почти вообще производитъ голоса превосходные, имѣетъ наилучшимъ образомъ устроенныя консерваторiи; но и тамъ хорошiе пѣвцы, такъ называемые *de cartello*, довольно рѣдки. Причина та, что искусство пѣнiя есть искусство весьма трудное.

Понятливому музыканту, окончившему свое ученiе у хорошаго наставника, остается только образовать свой вкусъ, чтобы достигнуть нѣкоторой степени совершенства въ своемъ искусствѣ; пѣвцу же, окончившему свои уроки, предлежитъ еще другое наитруднѣйшее изученiе — именно: изученiе самаго себя, чтобы быть въ состоянiи образовать свой вкусъ въ пѣнiи, согласный съ качествомъ и свойствомъ голоса, и сотворить, такъ сказать, *манеру*, приличную звуку (timbre) своего органа; ибо всѣ отличные пѣвцы, какъ и отличные живописцы, имѣютъ собственную свою *манеру*; и только наблюдая всѣ сiи оттѣнки, можно достигнуть справедли-

во заслуженной извѣстности, которую доставятъ ему постоянные труды и хорошая школа или метода.

Если я нѣсколько распространился о трудностяхъ искусства пѣнія, то единственно для того чтобы дать почувствовать, какъ нужно ввести въ театральныя школы *истинную методу обученія*, которая одна только производитъ пѣвцовъ хорошихъ. Отъ чего Русскіе, вообще обладающіе большими способностями ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, и въ особенности къ музыкѣ, отъ чего по сіе время неотличились превосходными успѣхами въ пѣніи? Наша мелодія способна принимать всѣ украшенія (ornamento), употребляемыя Италіанцами: наши пѣсельники сему служатъ доказательствомъ. Нельзя иногда не удивиться, слушая *прелестныя выходки* (agrement), дѣлаемыя ими съ большою точностію и пріятностію. Сверхъ того Русскіе имѣютъ вѣрность слуха удивительную: никогда не поютъ они фальшиво, въ пѣніи хоромъ наблюдаютъ такту (mesure) съ совершенною точностію. И потому довольно странно, что при такихъ способностяхъ къ вокальной музыкѣ, мы еще по сіе время не имѣемъ пѣвцовъ отличнѣйшихъ. Трудно понять, какимъ образомъ изъ театральныхъ школъ С. Петербургской и Московской, основанныхъ столь давно, вышло хорошихъ пѣвцовъ столь мало, не смотря на зна-

чительныя издержки, необходимыя при таковыхъ заведеніяхъ! Я приписывалъ ету *неудачу* трудности находить голоса хорошіе. Между тѣмъ опытъ доказываетъ, что они хотя и рѣдки, но существуютъ и что ихъ отыскать можно. Кромѣ всего, необходимо нужно избрать для театральной школы планъ ученія, удобный образовать учницъ до желаемой степени. Главная вещь при назначеніи пѣвицъ для театра есть, по мнѣнію моему, выборъ молодыхъ дѣвушекъ отъ двѣнадцати лѣтъ до четырнадцати, имѣющихъ хорошее сложеніе, грудь здоровую и высокую, голосъ свободной, безъ порока и хорошей звучности (d'un beau timbre); ибо при недостаточныхъ качествахъ голоса, при здоровьи слабомъ и ненадежномъ, никакіе наставники не сдѣлаютъ ихъ хорошими пѣвицами. Вотъ нѣсколько мыслей о способѣ ученія, почитаемаго мною необходимымъ для успѣшнаго достиженія желаемой цѣли при образованіи молодой пѣвицы.

Желательно было бы, чтобъ учитель пѣнія жилъ въ одномъ домѣ съ своими ученицами и чтобы всегдашній присмотръ его имѣлъ непосредственное вліяніе на ихъ воспитаніе. Утренніе уроки въ пѣніи должны продолжаться не менѣе полутора часа для каждой воспитанницы. Послѣ обѣда около шести часовъ вечера онѣ должны проходить утренніе уроки съ хорошимъ *ре-*

пептторомъ, котораго выборъ зависѣлъ бы отъ главнаго учителя (*).

Каждой воспитанницѣ надлежитъ ежедневно обучаться на фортопьяно въ продолженіе по крайней мѣрѣ одного часа.

Впрочемъ музыка недолжна исключать другихъ познаній, необходимыхъ для актрисы; таковы, на примѣръ: изученіе языковъ, Исторія,

---

(*) Ежели я неошибаюсь, то у насъ обучаютъ пѣнію не по пьяно - форте, а по скрыпкѣ. Изъ всѣхъ средствъ обучать вокальной музыкѣ это есть самое неудобное, и самое способное содѣлать, даже и отъ природы вѣрный, голосъ фальшивымъ, а еще хуже, ежели *скрыпачь учитель пѣнія* и самъ играетъ невѣрно. Ученикъ, стараясь подражать со всею точностію фальшивымъ звукамъ пронзительной скрыпки, мало помалу портитъ свой слухъ и наконецъ нечувствительно привыкнетъ пѣть фальшиво. Я увѣренъ, что многіе пороки въ пѣніи нѣкоторыхъ молодыхъ нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ происходятъ отъ первоначальнаго ихъ ученія, какъ то безпрестанныя, неумѣстныя и неправильныя лиги, похожія болѣе на вой, нежели на связываніе нотъ, и какая-то нерѣшительность въ произношеніи (dans la manière d'attaquer les notes), производящая весьма неприятное дѣйствіе. Впрочемъ *лиги* тогда только украшаютъ пѣніе, когда онѣ употребляются въ приличныхъ имъ мѣстахъ и со всею точностію, какая требуется хорошею методой; а кто дѣлаетъ ихъ дурно (non en liant, mais nų tranchant) и тамъ, гдѣ недолжно, тотъ совершенно безобразитъ пѣніе. *Соч.*

Географія, танцы; но чтобы пѣніе всегда было главнымъ предметомъ.

Уроки въ танцовальномъ искусствѣ допускаются три раза въ недѣлю, за исключеніемъ однако же такихъ танцовъ, которые могутъ ослабить грудь.

Никогда не должно понуждать учителя, чтобъ онъ заставлялъ своихъ учениць пѣть аріи или другія какія-либо піесы (*) прежде того времени, которое онъ самъ найдетъ къ сему удобнымъ. Ученицы уже много успѣли, если онѣ черезъ годъ могутъ хорошо произносить гамму и съ довольною точностію пѣть нѣкоторыя солфеджіи отличныхъ композиторовъ, какъ то: *Пера*, *Крешентини*, *Регини*. Чѣмъ болѣе будутъ упражнять ихъ въ изученіи школъ великихъ виртуозовъ, тѣмъ болѣе голосъ ихъ пріобрѣтетъ сію гибкость, сію нѣжность, которыя, по словамъ г-жи Сталь, напоминаютъ о благоуханіи цвѣтовъ и чистомъ воздухѣ весеннемъ (**). Надлежитъ выбрать одного изъ лучшихъ актеровъ, т. е. такого, который бы имѣлъ правильный, хорошій выговоръ (bonne diction) и чувствовалъ бы самъ, что онъ говоритъ, для наставленія учениць въ хорошемъ произношеніи. Декламація также должна входить въ составъ ученія, и всегда будетъ для учениць полезною, какія бы впрочемъ

(*) Des morceaux d'ensemble.

(**) Коринна.

роли имъ ни доставались. Воспитанницъ, уже оказавшихъ значительные успѣхи, нужно приучать мало по малу къ сценѣ, заставляя ихъ время отъ времени играть на театрѣ школы; а чтобы приучить ихъ и къ зрителямъ, то можно залу наполнять людьми, единственно принадлежащими къ театру.

Необходимо нужно въ послѣднее время пребыванія ученицъ въ школѣ заставлять ихъ часто пѣть при аккомпанированіи квартетомъ, а иногда и полнымъ оркестромъ.

Надобно всевозможными средствами возбудить въ нихъ соревнованіе и стараться, чтобъ онѣ полюбили свое искусство: тогда навѣрное онѣ окажутъ желаемые успѣхи.

Также весьма полезно обучать ихъ за годъ предъ выходомъ изъ школы разбору (déchifrer) *партицій*, чтобы послѣ онѣ въ состояніи были выучивать свои роли, не прибѣгая къ посторонней помощи.

Будущія пѣвицы должны жить въ особливыхъ комнатахъ и не имѣть никакого сообщенія съ прочими ученицами; надобно удалять отъ нихъ все то, что̀ *можетъ отвлекать ихъ отъ ученія.*

Пища ихъ должна быть простая, но здороваго и хорошаго качества. Кофе гораздо предпочтительнѣе чая, ибо неослабляетъ груди.

Непремѣнно возить учениць въ концерты къ отличнымъ музыкантамъ, равнымъ образомъ и въ спектакли (*): то и другое можетъ служить и наградою за особенное прилѣжаніе.

Когда усмотрѣно будетъ, что воспитанницы уже приобрѣли желаемую степень совершенства въ пѣніи и въ другихъ частяхъ сценическаго искусства; тогда надобно думать о появленіи ихъ на публичномъ театрѣ, но предварительно увѣрившись въ ихъ успѣхѣ, и никакъ не прежде четырехъ или пяти лѣтъ постояннаго образованія несомнительныхъ талантовъ. Первый дебютъ воспитанницы долженъ быть первымъ ея тріумфомъ; удовольствіе зрителей послужитъ вѣрнымъ ручательствомъ того отличнаго мѣста, какое со временемъ она займетъ на сценѣ. Она съ самаго начала должна покорить себѣ публику, а неожидать одобреній отъ ея снисходительности, всегда упрямой. Для зрителей несуществуютъ тѣ успѣхи, которые ученица, при началѣ неловкая, можетъ приобрѣсти въ послѣдствіи времени. Новая актриса, показываясь на театрѣ, уже приняла на себя обязанность нравиться публикѣ: первое впечатлѣніе рѣдко изглаживается изъ памяти.

(*) Но не за кулису, а именно въ назначенныя для нихъ ложи. *Соч.*

Впечатлѣніе, невыгодное для дебютирующей актрисы, оставляетъ по себѣ весьма вредныя слѣдствія. Вотъ весь плодъ, какой получитъ она отъ своихъ трудовъ и стараній: объ ней скажутъ: «она теперь не такъ дурна, какъ была прежде.» И тогда уже невозможно выдти изъ круга посредственности, на которую обречетъ ее общее мнѣніе публики.

Очень знаю, что предлагаемыя здѣсь мнѣнія могутъ показаться слишкомъ трудными для исполненія, или слишкомъ тягостными для Дирекціи; но да позволятъ мнѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: мало ли стóятъ воспитанники и воспитанницы обѣихъ театральныхъ школъ со времени основанія сихъ заведеній, и многіе ли изъ нихъ надлежащимъ образомъ успѣли? Изъ одной лишь учтивости можно назвать трехъ или четырехъ человѣкъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, и то, по отношенію къ пѣнію, второклассныхъ, не болѣе. Такимъ образомъ Дирекція, по недостатку въ персонажахъ, всегда принужденною находилась принимать на театръ всѣхъ тѣхъ, кои къ ней являлись, съ совершеннымъ незнаніемъ даже первыхъ правилъ искусства въ пѣніи и со способностями весьма посредственными. Не странно ли, что нѣкоторымъ образомъ по необходимости принимаются на театръ такіе пѣвцы, коихъ послѣ уже дюбета случается отправлять въ школу

и тамъ обучать ихъ пѣнію? Етаго не могло бы случиться, еслибъ при надлежащемъ устройствѣ вокальной школы тщательнѣе выбираемы были голоса̀ молодыхъ людей, назначаемыхъ для оперы. *Панни* безъ сомнѣнія былъ весьма способенъ хорошо образовать учениковъ; но, за исключеніемъ г-на *Лаврова* (*), кого назовемъ, кто бы успѣлъ въ своемъ искусствѣ надлежащимъ образомъ въ продолженіе пятилѣтняго преподаванія уроковъ г-мъ *Панни*? Вообще всѣ тѣ, коихъ мы слышимъ на сценѣ, неимѣютъ даже и признака хорошей, истинной методы въ пѣніи. Между тѣмъ, етотъ недоста-

---

(*) Г. *Лавровъ* одаренъ отъ Природы прекраснымъ голосомъ, и мы къ удовольствію своему замѣчаемъ, что съ нѣкотораго времени талантъ его много улучшился. Но всякой пѣвецъ долженъ помнить, что, какъ бы онъ хорошо ни пѣлъ, ежели не будетъ стараться о внятномъ произношеніи словъ, то пѣніе потеряетъ большую часть своего достоинства. Кажется впрочемъ, наши пѣвцы давно уже утратили надежду, чтобы ихъ пѣніе слышала публика: грамовкучный и всеоглушающій нашъ оркестръ едва ли перекричала бы и покойная Тоди, голосъ коея Италіанцы уподобляли пушечному выстрѣлу; голоса же нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, какъ всѣмъ извѣстно, весьма далеки отъ такого уподобленія. Лучшій директоръ оркестра для пѣнія, какой только можетъ быть, есть неоспоримо Г. *Морини*. Ету справедливость отдавали ему всѣ великіе виртуозы, посѣщавшіе Москву, между прочими: г-жа *Маріорлети*, *Ангелика Каталани*, *Боргондіо*, г-жа *Тарквиніо*, *Сабони* и проч. *Соч.*

токъ не должно относить ни къ покойному *Панни*, ни къ другимъ заступившимъ его мѣсто; ибо до тѣхъ поръ, пока не дадутъ учителямъ всѣхъ необходимыхъ средствъ и въ особенности достаточнаго времени для окончательнаго образованія талантовъ, до тѣхъ поръ небудетъ достигнута цѣль желаемая.

Есть замѣчаніе, весьма важное, относительно теперешнихъ воспитанницъ театральной школы. Большая часть изъ нихъ имѣетъ голосъ *контръ-альто*, едва восходящій до *Ми*. Спрашиваю, что̀ сдѣлаютъ подобные голоса̀ на театрѣ, еслибы они даже и успѣли образоваться надлежащимъ образомъ? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы, какъ бываетъ въ Италіи, сочинить музыку, приличную ихъ *діапазонамъ* — а мы еще не можемъ пуститься на такія предпріятія (*). По недо-

(*) г. *Верстовскій* показался на поприщѣ драматическаго композитора самымъ блистательнымъ образомъ. Надобно быть справедливу: въ его музыкѣ оперы *Панъ Твердовскій* много такихъ мѣстъ, которыя сдѣлали бы честь самому опытному музыканту, и несмотря на пристрастіе нѣкоторыхъ критиковъ, истинные знатоки всегда съ удовольствіемъ будутъ слушать его *цыганскую пѣсню* и другія прелестныя мѣста въ оной оперѣ. Первѣйшая обязанность каждаго критика — безпристрастіе. Унижая хорошій трудъ, можно ввести въ заблужденіе однихъ только несвѣдущихъ; ибо истинные зна-

статку композиторовъ у насъ принуждены давать одни только переводы Французскихъ и Нѣмецкихъ піесъ, въ которыхъ обыкновенинно женскія роли бываютъ самые высокіе *сопрано*; а не должно думать, чтобы легко было понижать цѣлыя роли нѣсколькими тонами. Къ числу прочихъ неудобствъ, могущихъ отъ сего произойти, принадлежитъ главнѣйшее — потеря надлежащаго *дѣйствія* (effet) музыки.

К. Е. Д-нъ.

Выписки.

1. *Картины Императорскаго Ермитажа въ С. Петербургѣ.*

Галлерея картинъ Ермитажа бытіемъ своимъ обязана Екатеринѣ II. Императрица собрала все, что ни осталось во дворцѣ отъ временъ Петра Великаго и его преемниковъ. *Гриммъ* въ Парижѣ, *Рейфенштейнъ* въ Римѣ, Менгсъ и дру-

---

токи ни во что ставятъ критику неблагонамѣренную; и умѣютъ различать истинное отъ ложнаго. Тѣмъ для меня пріятнѣе отдать справедливость прекрасному таланту г-на *Верстовскаго*, что не пользуясь удовольствіемъ знакомства съ нимъ, не могу быть обвиняемъ въ пристрастіи. Впрочемъ и самыя *личныя причины* никогда не заставятъ меня сказать того, что я почитаю несправедливымъ. *Соч.*

гіе имѣли отъ нея препорученіе закупать, гдѣ и какъ можно, все любопытное по рѣдкости своей и достоинству, для Императорскаго Музея. Такимъ образомъ Государыня пріобрѣла состоящее изъ 400 картинъ собраніе Іосифа Антона *Кроззата*, находившееся въ Парижѣ, — кабинетъ Саксонскаго Министра Графа *Брюля* изъ Дрездена, преимущественно богатый отличнѣйшими произведеніями Нидерландскихъ живописцевъ, — и еще другіе изъ Женевы, Парижа, Берлина. Къ симъ сокровищамъ художества вскорѣ присоединено было драгоцѣнное собраніе Гоугтонъ-Галля, купленное за 35,000 фунтовъ стерлинговъ. Туда же въ послѣдствіи времени поступили картины Принца *Конде*, *Брамкампа* изъ Амстердама и другія. Императоръ Александръ I въ 1807 году пріобрѣлъ покупкою большую часть галлереи *Жюстиніани*, въ 1811мъ Испанскія картины *Гопеса* въ Амстердамѣ, годъ спустя потомъ галлерею Мальмезонскую *Іозефины*, и въ бытность свою въ Италіи, во время и послѣ Веронскаго Конгресса, многія изъ произведеній Италіанскихъ живописцевъ. Императорская галлерея нынѣ заключаетъ въ себя до 1800 картинъ превосходныхъ, въ числѣ которыхъ находятся отличнѣйшія *Рубенса*, *Вандика*, *Рембранта*, *Пуссеня*, *Клодъ-Лорреня*. — Все расположено въ 38 залахъ и комнатахъ такимъ образомъ, что многія изъ нихъ вмѣщаютъ въ себѣ произведенія только одного

художника — *Рембранта*, *Теньера*, *Вувермана*, *Рубенса*, *Вандика* и т. д. Въ залѣ подъ No 36 помѣщается галлерея *Ложъ Рафаелевыхъ*, которыя, по волѣ Екатерины, списаны были въ Ватиканѣ съ подлинниковъ. No 19 заключаетъ въ себѣ галлерею съ картинами Русскихъ художниковъ — *Лосенкова*, *Еггинка*, *Иванова*, *Игнаціуса*, *Егорова*, *Кипренскаго*, *Шебуева*, *Воробьева* и проч.

(*Notice sur les principaux tableaux du Musée Imperial de l' Ermitage et cet.* 1828.)

2. *Пенсіи военнослужащимъ во Франціи.*

Изъ предложенія, сдѣланнаго Генераломъ Себастіани Палатѣ Депутатовъ 25 Февраля (н. с.), о прекращеніи вычета изъ пенсій видно, съ какимъ содержаніемъ увольняются въ отставку военнослужащіе. Въ рѣчи его находится между прочимъ слѣдующее: «Законъ, опредѣляющій пенсіи военнымъ и коимъ повелѣвается въ пользу Инвалиднаго дома вычитать по 2 процента съ получающихъ менѣе 900 франковъ и по 5 съ получающихъ болѣе упомянутой суммы, законъ сей довольно старъ: онъ изданъ во время Директоріи и былъ исполняемъ при Консульствѣ. Вамъ извѣстно, что въ тѣ времена были дешевле всѣ потребности для жизни, чему явнымъ доводомъ служатъ и невысокіе оклады, какіе назначены были первымъ сановникамъ государства. Тогда Префектъ получалъ по 8000 франковъ; нынѣ оклады Префектовъ простираются до 20,000, иныхъ до 40,000 и до

50,000, а одинъ получаетъ 100,000 франковъ. Но жребій военныхъ все тотъ же: инвалидъ удѣляетъ частицу на содержаніе инвалида, изувѣченный питаетъ подобнаго себѣ калеку. — Законы объ отставкахъ столь суровы, что военный, недослуживъ нѣсколько дней до назначенныхъ тридцати лѣтъ, получаетъ отказъ и его ничѣмъ не награждаютъ за службу долговременную. — Солдату, прослужившему 30 лѣтъ, назначается отъ 50 до 150 франковъ; подпоручикъ получаетъ не болѣе 300; пенсіи послѣдняго разряда для отставнаго Генералъ-Лейтенанта простираются до 3000, а перваго до 6000 франковъ. Выигравшій нѣсколько сраженій подъ своимъ собственнымъ предводительствомъ, прослужившій десять кампаній, получившій десять ранъ, изувѣченный, для прокормленія своего семейства, для воспитанія дѣтей и для того, чтобъ доживать вѣкъ, проведенный въ трудахъ, опасностяхъ и нуждахъ всякаго рода, получитъ менѣе инаго коммиссіонера, котораго при отставкѣ награждаютъ пенсіею до 7000, а даже до 9000 франковъ. Надобно ли, чтобъ еще и отъ сего столь умѣреннаго, столь недостаточнаго содержанія отдѣляли какую бы то ни было долю? — Мудрая политика и военныя учрежденія полагаютъ основаніе государствамъ, развертываютъ силу ихъ и сохраняютъ оныя. Гдѣ военнымъ людямъ не оказываютъ справедливости должной; тамъ вредятъ

силѣ военной и ея постановленіямъ. Нетребую никакихъ преимуществъ въ пользу благороднаго ремесла воиновъ; но общество, скажу съ Боссюётомъ, никогда недолжно забывать, что именно подъ защитою военнаго званія всякая промышленность дѣйствуетъ свободно, подъ сѣнію покоя и безопасности. Глубокомысленнѣйшій изъ историковъ древности говоритъ намъ: *Grave inter otiosos militare nomen.* — Войска, въ пользу коихъ возвышается мой голосъ, носили побѣдоносныя знамена свои отъ Лиссабона до Москвы (!!), отъ Неаполя до Гамбурга; въ Египтѣ наши легіоны мужествомъ своимъ превзошли Александровы и Цезаревы; на Ѳаворѣ солдаты наши явили себя достойными потомками товарищей Годфреда I, и проч. (*Journ. d. D.*)

3. *Что предпочтительнѣе: бѣдность или богатство?*

Голосъ г-на *Гарбинскаго*, Профессора Варшавскаго Университета, напечатанный въ Газетѣ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе въ читателяхъ, изъ числа коихъ одинъ побуждается изложить свои возраженія противъ слѣдующей мысли: «Пріобрѣтать богатства нужно для того, что они «даютъ намъ средства довольствовать себя всѣмъ «нужнымъ, безъ чего мы никогда не были бы въ «состояніи упражнять и совершенствовать высшія способности разума нашего» и проч. и проч.

Здѣсь представляется вопросъ весьма важный: что сильнѣе побуждаетъ къ подвигамъ великимъ: удовлетворенныя ли нужды, или желаніе удовлетворить оныя? *Вейсъ* доказываетъ, что нужда есть мать промышленности. — Далѣе въ рѣчи г-на Профессора находимъ: «Гдѣ богатства еще «не собраны: умъ человѣческій тамъ безпрестан-«но занятъ заботами объ удовлетвореніи чув-«ственныхъ потребностей» и проч. Изъ вышесказаннаго выводится слѣдствіе, что »богатство «необходимо нужно для приобрѣтенія знаній.« Еще далѣе: «Никогда народъ бѣдный не былъ и про-»свѣщеннымъ въ то же время; никогда богатый «не былъ въ то же, время дикимъ.» Не уже ли Спартане были богаты? а ихъ никто не назоветъ невѣжественнымъ народомъ. Швейцарія, страна убогая, не даетъ ли намъ людей просвѣщенныхъ, и напротивъ Испанія, въ продолженіе двухъ вѣковъ набогащавшаяся Перуанскимъ золотомъ, не дремала ли во глубинѣ мрака? *Магометъ*, который совершенно постигнулъ слабости человѣческія и такъ искусно умѣлъ приспособить ихъ къ своимъ видамъ, не уже ли былъ безъ ума и познаній? А онъ родился въ краю бѣдномъ, и самъ терпѣлъ нужду. *Езопъ*, съ которымъ никто до сихъ поръ несравнился въ остроуміи, былъ рабъ, слѣдовательно и бѣденъ. Богатствомъ ли славны *Димосоенъ*, *Епаминондъ*, *Руссо*

и тысячи имъ подобныхъ? А кто станетъ оспоривать у нихъ умъ просвѣщенный! — Ораторъ говоритъ: «Богатства вынесли Венецію изъ нѣ«дра водъ, изъ песковъ моря, и богатства же »трясины Голландіи, вредныя испареніями своими, «содѣлали храмомъ наукъ и художествъ.» И здѣсь витія принялъ причину за дѣйствіе; ибо тамъ прежде водворилось просвѣщеніе, а потомъ уже богатство. Первыми основателями Венеціи были изгнанники, у которыхъ притѣснителями ихъ было взято все, кромѣ доблести, кромѣ души непоколебимой, кромѣ знаній: онѣ-то суть истинное сокровище, истинное богатство, котораго ни врагъ не отниметъ, ни моль не истнитъ, ни тать не похититъ. — Напослѣдокъ ораторъ, заохочивая молодежъ къ собиранію богатствъ, изъясняется слѣдующимъ образомъ: «Юноши! о «вы, избирающіе путь промышленности! старай«тесь отличаться стремленіемъ къ собиранію «богатствъ, которыя должны быть цѣлію жела«ній вашихъ.» Не тому учитъ вѣра; не такіе уроки преподавали отцы наши и не такія правила внушали своимъ современникамъ.

(Съ Польск.)

4. Любопытная черта въ упражненіяхъ Пикара.

Незадолго передъ симъ умершій во Франціи Пикаръ былъ, подобно Мольеру, сочинителемъ

комедій, въ то же время акmеромъ и вмѣсте директоромъ театра. Естественность и веселость, необходимыя два качества комическаго поэта, ему принадлежали особенно. Не многимъ писателямъ удавалось изображать портреты столь вѣрные; не многіе сотворили столько персонажей, какъ будто дѣйствительно жившихъ въ свѣтѣ, съ именемъ, званіемъ и характеромъ. Вотъ какимъ, по видимому, страннымъ образомъ Пикаръ сочинялъ свои комедіи: онъ имѣлъ обыкновеніе писать въ видѣ романа *исторію главныхъ лицъ піесы*; начиналъ съ рожденія ихъ и доводилъ приключенія до той минуты, въ которую они должны явиться на сценѣ. Если хотѣлъ или дать самому себѣ отчетъ въ красотахъ, какими исполнены отличнѣйшія піесы Французскаго театра, или другимъ показать оныя въ яркомъ свѣтѣ; то и въ такомъ случаѣ прибѣгалъ къ своему любимому способу. Много и много разъ слыхали отъ него исторію всѣхъ лицъ въ *Мизантропѣ*, въ *Тартюфѣ*. Дорина, по его словамъ, была старая служанка, въ безпокойное время *Фронды* оказавшая господину своему преважныя услуги, будто бы ему, Пикару, очень извѣстныя. Онъ разсказывалъ, какимъ образомъ ета служанка благоразуміемъ своимъ помогала господину въ опасныхъ случаяхъ; Дорина же, безъ всякаго сомнѣнія, Дорина, по его словамъ, воспитала и Маріанну: вотъ почему ей не могло приходить на мысль опасеніе, что ее сошлютъ;

отсюда и ся болтливость, которая во всякомъ другомъ случаѣ была бы уже слишкомъ дерзкою. Етотъ присвоенный Пикаромъ способъ, етотъ навыкъ писать предварительную исторію заставляетъ предполагать въ немъ или удивительную незатруднительность, или рѣдкое трудолюбіе. То и другое дѣйствительно было въ Пикарѣ: онъ работалъ часовъ по двѣнадцати въ день и даже по четырнадцати. Такою лишь неутомимостію объясняется возможность сочинить столь много комедій: въ тридцать лѣтъ жизни уже написано было имъ тридцать піесъ; число же всѣхъ вообще простирается до 120. Первоклассными считаются: *les Ricochets*, *les Marionettes*, *la Petite ville*. Слѣдующія, уступая выше наименованнымъ въ достоинствѣ, тѣмъ не менѣе отличаются прекрасными качествами, истинно комическими: *les Capitulations de conscience*, *Mediocre et Rampant*, *le Mari ambicieux*, *les Charlatans* и *les Comperes*.

(*Globe* и *Journ. de P.*)

5. *Обрядъ избранія въ Папы.*

По кончинѣ Папы главный Кардиналъ Двора Его Святѣйшества (Camerlingue) именемъ Апостольской Камеры принимаетъ на себя управленіе текущими дѣлами: описываетъ всѣ наличныя вещи и ставитъ стражу, гдѣ должно, для безопасности города. Потомъ уже звонятъ въ боль-

шой колоколъ Капитолія, и тѣмъ объявляютъ народу о кончинѣ Верховнаго Первосвященника. Изъ сего колокола неделаютъ никакого другаго употребленія.

Похоронные обряды продолжаются девять дней. Въ сіе время Кардиналы нѣсколько разъ собираются для совѣщаній: утверждаютъ или же смѣняютъ военныхъ и полицейскихъ чиновниковъ; избираютъ Губернатора для Конклава; назначаютъ врачей и хирурговъ, долженствующихъ беречь здравіе Кардиналовъ во время выбора, также и аптекаря, который долженъ составлять лѣкарства по ихъ рецептамъ.

Въ продолженіе похоронныхъ обрядовъ Освященный Соборъ принимаетъ посланниковъ чужестранныхъ, которые изъявляютъ свое соболѣзнованіе объ утратѣ Главы Церкви, увѣряютъ Соборъ въ благорасположеніи Государей своихъ къ Святому Престолу, и предлагаютъ всѣ свои средства къ охраненію свободы Конклава. Старшій изъ Кардиналовъ отвѣчаетъ министрамъ отъ имени Освященнаго Собора. Депутаты отъ городовъ и земель Папской области въ сіе же время являются для засвидѣтельствованія покорности своей Собору. Обрядъ заключается надгробнымъ словомъ въ честь умершаго Папы.

На другой день читаютъ литургію и молятъ Св. Духа о низпосланіи помощи своей при

избраніи Преемника умершему Папѣ. Одинъ изъ Прелатовъ произноситъ послѣ того на Латинскомъ языкѣ увѣщательное слово къ Кардиналамъ о томъ, чтобъ избирали особу, достойную отправлять столь святую и важную должность. Потомъ торжественно шествуютъ въ Конклавъ при пѣніи стиха: Veni Creator. Пришедши въ назначенное мѣсто для Конклава, они присутствуютъ въ церкви при чтеніи буллъ, изданныхъ въ разныя времена по поводу избранія въ Папы.

По окончаніи сего обряда, Кардиналы, имѣющіе намѣреніе обѣдать у себя дома, ѣдутъ, но съ тѣмъ чтобы ввечеру возвратиться непремѣнно. Между тѣмъ Губернаторъ и Маршалъ Конклава разставляютъ часовыхъ въ мѣстахъ, гдѣ нужно быть имъ.

Посланники и другія ообы, принимающія участіе въ судьбѣ предполагаемаго ими, будущаго Папы, въ сей первой день имѣютъ право оставаться до 3 хъ или даже до 4 хъ часовъ ночи; симъ временемъ они пользуются: просятъ подавать голоса для своихъ благопріятелей.

Послѣ того всѣ посторонніе выходятъ; церемоніймейстеры осматриваютъ всѣ келліи Конклава; запираются двери, и у всѣхъ выходовъ ставится стража.

Мѣстомъ Конклава обыкновенно бываетъ особая часть дворца Ватиканскаго. Всѣ комнаты

расположены въ одну линію и находятся въ одномъ етажѣ. Лѣтомъ изъ оконъ представляется видъ на дворъ и въ садъ Ватиканскій; но зимою окна закладываются кирпичами, ибо въ комнатахъ Кардинальскихъ не бываетъ каминовъ. Слабой свѣтъ проходитъ въ отверстія надъ окнами. Комнаты убраны бываютъ зеленою или фіолетовою саржей весьма скромно, и надъ каждою выставленъ гербъ пребывающаго въ ней Кардинала. Чиновники Конклава даютъ присягу въ храненіи тайны.

При самомъ входѣ возвышаются двѣ башенки подобныя тѣмъ, какія бываютъ въ монастыряхъ женскихъ. Черезъ нихъ передаются съѣстные припасы; черезъ нихъ равнымъ образомъ Кардиналы и чиновники Конклава могутъ говорить съ приходящими особами, если имъ сіе позволено. Здѣсь даютъ и аудіенцію посланникамъ, которые уже неимѣютъ права входить во внутренность Конклава.

Когда двери уже заперты, младшій Церемоніймейстеръ ходитъ по всему корридору три раза въ часъ; звоня въ колокольчикъ, онъ говоритъ громко: *ad capellam Domini.* Повѣстка сія дѣлается сперва въ шесть часовъ поутру, потомъ въ два часа по полудни. Тогда одинъ изъ конклавитовъ каждаго Кардинала несетъ чернильницу своего начальника въ часовню Сикста IV, которая обыкновенно бываетъ и мѣстомъ избранія; другой

конклавишъ несетъ монашескую простую мантію и клобукъ своего Кардинала.

Полъ часовни, на краю коей находится Страшный судъ, славная картина Микель-Анджела, покрытъ бываетъ сукномъ зеленымъ, равно какъ и скамьи Кардинальскія. На первой случай избираются по жребію три особы для разсматриванія голосовъ, столько же ревизоровъ и столько же больничниковъ, коихъ долгъ есть ходить къ недужнымъ за голосами. На длинномъ столѣ поставлены двѣ урны и другія принадлежности избиранія; тамъ же находится и форма присяги, которую долженъ произнести каждой изъ Кардиналовъ, прежде нежели положитъ въ урну свой голосъ. Форма присяги такова: Testor Christum Dominum qui me judicaturus est, eligere quem secundum Deum judico eligere debere, et quod idem in accessu praestabo (Свидѣтельствуюсь Хрістомъ Господомъ, имѣющимъ судить меня, что избирать буду того, котораго по совѣсти избрать долженствую, и что также поступлю при назначеніи другими избраннаго).

Каждой конклавишъ приготовляетъ для Кардинала своего бумагу, которая скадывается одинаково по образцу, издавна принятому. На бумагѣ Кардиналъ пишетъ *своей рукою*: B. . . Cardinalis N. . .; мѣсто сіе загибается и запечатывается двумя печатями, нарочно для сего сдѣланны-

ми безъ герба фамильнаго. Послѣ того самой голосъ пишется слѣдующимъ образомъ: Ego eligo in summum pontificem reverendissimum et eminentissimum dominum meum Cardinalem N. . . (т. е. избираю такого-то).

Надобно знать, что сіи слова обыкновенно бываютъ писаны рукою конклавита, а не самаго Кардинала, если избиратель не умѣетъ скрыть своего почерка. Въ семъ случаѣ употребляется превеликая осторожность и всѣ возможныя мѣры, чтобы не узнали, кѣмъ и на кого поданъ голосъ. Всякой между тѣмъ старается проникнуть въ чужія мысли и сдѣлать свои непроницаемыми; всякой боится за себя, чтобы почеркъ руки не обнаружилъ тайны.

На внѣшней сторонѣ бумаги, когда уже она сложена, Кардиналъ приказываетъ написать какой нибудь девизъ или слова произвольныя, на прим. «Spes mea Deus» на тотъ конецъ, дабы могъ узнать свой голосъ въ случаѣ надобности, не распечатывая бумаги.

Кардиналы одинъ за другимъ кладутъ въ урну свои голоса̀; къ больнымъ же посылаются нарочно избранныя для того особы; голоса̀ больныхъ предварительно разсматриваются, повѣряются, и потомъ уже ихъ кладутъ въ общую урну.

Старѣйшины изъ каждаго чина, то есть изъ чина Епископовъ, Іереевъ и діаконовъ, опрокиды-

ваютъ на столѣ урну. Одинъ изъ разсматривателей отгибаетъ бумагу, сколько нужно, и произноситъ въ слухъ имя избираемаго; другіе записываютъ, сколько вышло голосовъ и въ чью именно пользу. Ежели случится, какъ иногда то и бывало, что одинъ изъ Кардиналовъ получилъ двѣ трети голосовъ; тогда почитается онъ законно избраннымъ, и распечатываются бумаги, на тотъ конецъ чтобъ узнать имена подавшихъ свой голосъ.

Если число голосовъ окажется недостаточнымъ; тогда приступаютъ къ порядку такъ называемому *accessit*. Сей способъ избранія состоитъ въ томъ, что, при недостаточномъ числѣ голосовъ, нѣкоторые Кардиналы, оставивъ прежнее свое желаніе, *приступаютъ* къ другимъ, для совокупнаго избранія Папы. Отсюда происходитъ и самое слово *accessit*, употребляемое впрочемъ, хотя въ другомъ смыслѣ, и въ учебныхъ заведеніяхъ. Обыкновеніе сіе по преданію сохранилось отъ древнихъ Римлянъ, которые почти такимъ же образомъ поступали у себя въ Сенатѣ. Ихъ Сенаторы, соглашаясь съ мнѣніемъ одного изъ товарищей, вставали съ мѣста своего, подходили къ подавшему голосъ, или же сидя произносили громко: accedo ad idem (приступаю къ тому же).

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

На аудіенціи 10го Февраля Донъ Мигуель съ нѣкоторыми дамами обошелся весьма сурово, по причинѣ неблаговоленія къ ихъ мужьямъ. Многіе изъ знатнѣйшихъ дамъ около того времени взяты были подъ стражу: почему и женщины начинаютъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Статсъ-Дама вдовствующей Королевы, Донна Леонора де Камара, уѣхала тайно на кораблѣ въ Англію.

— Ескадра въ Лиссабонской гавани получила внезапно повелѣніе отплыть къ Азорскимъ островамъ 15 Февраля. Она высадитъ на островъ Мадеру войско для подкрѣпленія тамошняго гарнизона.

Испанія.

Обнародованъ приказъ, коимъ вызываются всѣ солдаты, желающіе дослужить за моремъ положенныя закономъ лѣта. Сія мѣра очевидно доказываетъ намѣреніе Правительства отправить сильные отряды войскъ въ Америку противъ мятежныхъ своихъ колоній. Сверхъ того въ Мадритѣ вообще говорили о наборѣ 50,000 человѣкъ. Сказываютъ также, что живущіе въ столицѣ молодые люди, которые доселѣ изъяты были отъ военной службы, должны быть теперь принимаемы въ оную. — Въ арсеналахъ и въ портахъ господствуетъ необыкновенная дѣятельность, особливо же въ Барцеллонѣ, Ферролѣ и Кадиксѣ. Дѣло идетъ о покореніи всѣхъ отпадшихъ областей

отъ Испаніи, къ чему нынѣшнія происшествія въ Мексикѣ подаютъ немалую надежду.

— Февраля 21 (н. с.) издано Королевское постановленіе объ открытіи Кадикской гавани для вольной торговли кораблей всѣхъ, состоящихъ въ дружбѣ съ Испаніею, націй. Пошлины взимаемы будутъ только за якорное стояніе, за патенты, въ пользу карантина и проч.

Франція.

Правительство принялось за уничтоженіе лотерей, начавъ оное съ нѣкоторыхъ департаментовъ. Королевскимъ постановленіемъ отъ 22го Февраля (н с.) повелѣвается, чтобы въ 8 департаментахъ, въ которыхъ лотерея не существуетъ, оная никогда не была заводима. Въ другихъ 28 она вовсе прекращается.

— За нѣсколько времени передъ тѣмъ Палатѣ Перовъ предложенъ законъ о дуеляхъ такого содержанія, что рыцари самоуправства должны быть допрашиваемы, и въ свое время подвергаемы аресту и суду присяжныхъ. Въ случаѣ смертоубійства, виновники лишаются на пять или на 10 лѣтъ гражданскихъ и семейственныхъ своихъ правъ, а въ случаѣ нанесенія ранъ противникамъ, они лишаются на 3 и до 5 лѣтъ только нѣкоторыхъ правъ. — За симъ предложено было военное Уголовное Уложеніе касательно судопроизводства и наказаній исправительныхъ.

— По извѣстіямъ изъ Тулона, Французская морская експедиція, стоящая передъ Алжиромъ, имѣла вторично нѣсколько жаркихъ стычекъ

съ Алжирскими кораблями. Французскій флотъ нетерпѣливо желаетъ вступить въ настоящее сраженіе съ корсарами.

— Маршалъ Мезонъ, какъ слышно, возвратится во Францію съ Главнымъ Штабомъ и съ Генераломъ Себастіани, а въ Мореѣ останутся только 6000 человѣкъ, подъ начальствомъ Генерала Шнейдера.

— Всѣ Французскіе Кардиналы отправляются въ Римъ для присутствія въ Конклавѣ при избраніи Папы.

Италія.

Въ общемъ собраніи Кардиналовъ, 13 Февраля (н. с.), были сдѣланы всѣ нужныя распоряженія относительно къ Конклаву; исполненіе возложено на особую Коммиссію, составленную изъ Кардиналовъ Извѣстному своею ученостію Библіотекарю Анжело Маи поручено произнести надгробную рѣчь умершему Папѣ.

— По 21 Февраля бо́льшая часть внѣ Рима находящихся Италіанскихъ Кардиналовъ прибыла въ столицу. 18го Числа въ собраніи Кардиналовъ по жребію назначена была для каждаго изъ нихъ особая келья. Виконтъ Шатобріанъ присутствовалъ при семъ собраніи. Французскій посолъ останется въ Римѣ, хотя по обстоятельствамъ и долженъ былъ, какъ говорили, возвратиться во Францію.

— Е. В. Король Баварскій, прибывшій въ Римъ Февраля 17го, посѣтилъ мастерскую славнаго Торвальдсена и пожаловалъ его Кавалеромъ ордена Баварской Короны.

Австрійская Имперія.

Е. В—о Императоръ, въ удовлетвореніе желанію Венеціанъ, даровалъ ихъ гавани право на вольную торговлю (porto-franco).

Великобританнія.

Ожидаютъ дня, въ который представленъ будетъ Парламенту билль о дарованіи католикамъ гражданскихъ правъ наравнѣ съ протестантами. Между тѣмъ въ обѣ Палаты поступаютъ прозьбы въ пользу и противъ сего уравненія, а въ верхней происходятъ жаркія пренія. Нарочно прибывшій съ твердой земли въ Англію Герцогъ Кумберландскій сильно возставалъ противъ католиковъ; напротивъ того Герцоги Кларанскій и Суссекскій вступились за нихъ и благодарили Министерство за столь человѣколюбивое, столь полезное для отечества предложеніе. Въ жару спора дѣло доходило до размолвки между высокими Особами.

— Католическое Общество 12 го Февраля (н. ст.), въ день своего закрытія, издало объявленіе, въ которомъ оно, ввѣряя свое дѣло народу Англійскому, проситъ содѣйствія націи къ достиженію справедливыхъ своихъ требованій.

— По извѣстіямъ изъ Мексики, тамъ происходятъ ужасные безпорядки. Въ Сентябрѣ прошлаго года, Конгрессъ, намѣсто Викторіи, избралъ въ Президенты Союза Генерала Гомеза Педразу, принадлежащаго къ партіи Ескозезасовъ, или Шотландскихъ масоновъ; противная партія Іоркиносовъ, или масоновъ Іоркской секты, представила кандидатомъ президентства Мулат-

скаго Генерала Гверреро. Вспыхнулъ бунтъ, начались драки и грабительства. Кризисъ продолжался въ первые дни Декабря и кончился 6 числа. Іоркиносы одержали верхъ въ столицѣ; но внутри областей готовятся идти противъ нихъ и возстановить прежнее правительство.

— По случаю отраженія Португальскихъ выходцевъ отъ острова Терсейры пушечными выстрѣлами съ Англійскихъ кораблей, пребывающій въ Лондонѣ Бразильскій Повѣренный въ дѣлахъ подалъ Лорду Ебердину жалобу на Командора Вальполя. Увѣряютъ, что въ Терсейру посланъ корабль съ повелѣніемъ, которымъ отмѣняется запрещеніе недопускать туда Португальцевъ.

Турція.

Наименованный Великимъ Визиремъ Сераскиръ Румелійскій Решидъ-Мегметъ-Паша готовился предпринять путь въ Шумлу, а Иццетъ-Мегметъ-Паша, его предмѣстникъ, получилъ повелѣніе отправиться въ Родосто. Полагаютъ, что онъ будетъ употребленъ въ Азійской арміи.

— Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ около половины Января становился весьма ощутительнымъ въ столицѣ, и блокада Дарданеллъ вѣроятно достигаетъ своей цѣли. Изъ Греціи въ то же время доходили извѣстія весьма неблагопріятныя для Порты: Греки, подъ начальствомъ Ипсиланти, оказываютъ значительные успѣхи, приближаясь чрезъ Таланду, по берегу, къ Термопиламъ, кажется, съ намѣреніемъ тамъ укрѣпиться.

Извѣстія и замѣчанія.

Ежели *туннель* въ Лондонѣ названъ произведеніемъ идеи исполинской, то еще *болѣе колоссальною* покажется мысль пребывающаго въ Мюнхенѣ Профессора Грюйтгюйсена — провести туннель или подземную дорогу сквозь горы первородныя (Альпы) на тотъ конецъ, дабы подъ ними, въ земной глубинѣ, можно было при движеніи маятника наблюдать вліяніе небесныхъ тѣлъ на землю нашу. Чтобы еще и другую пользу извлечь изъ сего великаго предприятія, г. Грюйтгюйсенъ въ своихъ *Аналектахъ* предлагаетъ кстати уже провести и устроить подъ горами же покойныя дороги; наконецъ почтенный астрономъ изъявляетъ желаніе, чтобы въ предполагаемомъ туннелѣ, или, говоря его словами, *катахѳоніумѣ*, учреждена была обсерваторія, посредствомъ коей могли бы мы видѣть звѣзды днемъ, при солнечномъ свѣтѣ.

— Балетмейстеръ Гардель, выступившій на сцену 1774 года въ оперѣ *Союзъ любви съ искусствами*, давно уже увѣнчанный Славою, нынѣ награжденъ еще и прекраснымъ подаркомъ отъ Фортуны: бенефисъ принесъ ему 25,000 франковъ. Но Фортуна на сей разъ не была слѣпою и глядѣла въ оба. *Телемакъ*, *Психея*, *Даносманія* и десятокъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ балетовъ, сочиненныхъ симъ отличнымъ хореграфомъ, очень много содѣйствовали усовершенствованію во Франціи театральныхъ танцовъ и вообще балетовъ.

— Вотъ и еще виртуозъ отличный изъ Поляковъ. Албертъ Совиньскій, композитеръ весьма уважаемый, піанистъ первоклассный, объявляетъ въ Парижѣ о своемъ концертѣ, и всѣ артисты, наиболѣе любимые публикою, наперерывъ стараются содѣйствовать успѣхамъ своего собрата по таланту. Совиньскій, извѣстный уже въ Германіи, въ Италіи, восхищалъ въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ Парижа самыхъ строгихъ знатоковъ и любителей.

— Съ нѣкотораго времени находится въ Варшавѣ Италіянскій пѣвецъ Цезарь Гобби, отличающійся необыкновеннымъ даромъ: онъ поетъ и *soprano* и *basso*.

— Любопытныя и поучительныя описанія путешествій *Крузенштерна* и *Лангсдорфа* вокругъ свѣта, *Головнина* къ берегамъ Японіи (равно какъ и плѣнъ сего знаменитаго мореходца), *Россійскаго Посольства* изъ Оренбурга въ Бухару, *Муравьева*, сухимъ путемъ черезъ землю Трухменцовъ въ Хиву, и нѣкоторыя другія, будучи переработаны соотвѣтственно общему плану, вошли въ составъ очень занимательнаго собранія въ 10 томахъ, напечатаннаго для Германскаго юношества и прочихъ читателей на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Лейпцигѣ. Такимъ образомъ и наши Одиссеи, *много странствовавшіе по свѣту и много видавшіе чуднаго*, будутъ, вмѣстѣ съ Франклинами, съ Макензіями, занимать многочисленнѣйшую публику повѣствованіемъ о своихъ приключеніяхъ.

— *Горацій Смитъ*, творецъ нѣкоторыхъ историческихъ романовъ на статъ Волтера Скот-

та и Купера, какъ слышно, мастерски живописующій нравы и обычаи даннаго времени, написалъ повѣсть, взятую изъ *Іудейской Исторіи*. Заглавіе книги — *Зилла*; мѣстомъ происшествій служатъ попеременно Іерусалимъ и Римъ — градъ святый и градъ вѣчный; временемъ дѣйствія избрана та епоха достопамятная, когда Маркъ Антоній и Октавій Цесарь совокупно обладали міромъ. Почти всѣ знаменитѣйшія лица являются передъ читателемъ. Портреты вѣрны, описанія плѣнительны.

— Генералъ *Герреро*, играющій нынѣ столь важную ролю въ мятежахъ Мексики, былъ въ молодости своей пастухомъ, или лучше сказать работникомъ въ крестьянскомъ домѣ и стерегъ хозяйскую скотину въ окрестностяхъ города Мексики. Тогда еще верхомъ на конѣ (а коней усмирялъ самъ же) любилъ онъ съ арканомъ въ рукѣ преслѣдовать дикихъ быковъ, чрезвычайно свирѣпыхъ. Герреро отличался потомъ въ продолженіе войны Индѣйцевъ за независимость. Собственная храбрость и внутреннія смятенія дали ему возможность возвыситься до нынѣшней степени. Будучи вовсе безграматенъ, онъ обладаетъ даромъ проницательности и отличнымъ разсудкомъ; говоритъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ народу, который любитъ качество сіе въ вождѣ, возвысившемся изъ толпы простолюдиновъ. Одинъ Французскій офицеръ, служившій въ артиллеріи, весьма опытный, повсюду сопутствуетъ Герреру и помогаетъ ему своими совѣтами.

— Пишутъ изъ Мадрита отъ 23 Февраля: «Одинъ молодой человѣкъ изъ Валенціи, ремесломъ

чревовѣщатель и большой мастеръ подражать пѣнію птицъ разныхъ, вступилъ было въ переговоры съ содержателемъ театровъ, имѣвъ намѣреніе дать нѣсколько представленій; но корреджидоръ нашъ Донъ Тадео Жиль отказалъ въ своемъ дозволеніи по предмету чревовѣщательства, которое сей почтенный мужъ находитъ *близкимъ къ магіи.»*

— Въ засѣданіи 2 го Марта Французской Академіи наукъ было читано письмо отъ г-на де Ко, военнаго министра. Вотъ что случилось въ Байоннѣ: минувшимъ лѣтомъ молнія ударила въ пороховой магазинъ, надъ которымъ *былъ громовой отводъ,* — и порохъ вспыхнулъ. Министръ, приступая къ построенію новыхъ магазиновъ для пороха, проситъ Академію какъ можно скорѣе увѣдомить его, какія средства употребить должно будетъ для предотвращенія новыхъ опасностей, которымъ подвержены магазины, несмотря на громовые отводы.

— Вакансіи послѣ умершихъ трехъ членовъ разныхъ Академій Французскихъ, г-дъ Оже, Гайля и Госсе, прочатъ слѣдующимъ: *Етьеню* собственно въ такъ называемой Французской; Тьери, извѣстному автору книги о Норманскихъ завоеваніяхъ и Писемъ о Французской Исторіи, въ Академіи надписей; *Оберу,* сочинителю музыки для 14 оперъ, въ Академіи искусствъ изящныхъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

№ 6.

МАРТЪ. 1829.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Надгробное слово Лудовику XVIII, Королю Французскому и Наваррскому (*).

Азъ убію, и жити сотворю; поражу, и азъ изцѣлю; и нѣсть иже изметъ отъ руку моею.

Второз. Гл. 32, ст. 39.

Ваше Высочество (**)!

Безъ сомнѣнія, Исторія вѣковъ протекшихъ представляетъ намъ удивительныя происшествія, долженствовавшія оставить за собою слѣды долговременные и глубокіе; но я не знаю, представляютъ ли лѣтописи міра что нибудь по-

(*) Произнесенное Епископомъ Гермопольскимъ въ Королевской церкви Св. Діонисія 25 Октября 1824 года.

(**) Обращеніе къ Дофину.

добное тому, что Европа видѣла въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ; не знаю есть ли другая епоха, равная по пространству, столь же поразительная по многочисленности, по быстротѣ, по самому свойству происшествій? Сверхъ того, гдѣ искать въ столь краткомъ времени столь великихъ бѣдствій для народовъ; столь неожиданныхъ, великихъ перемѣнъ для Царей, и вмѣстѣ для тѣхъ и другихъ толико чудныхъ возстановленій послѣ такихъ ужасныхъ переворотовъ? И какъ легко сердце Христіанина здѣсь обращается къ Тому; Котораго малѣйшее мановеніе есть непреложный законъ для вселенной, Который также управляетъ судьбою народовъ, какъ движеніемъ звѣздъ; и единъ имѣетъ власть сказать: *Азъ убію, и жити сотворю; поражу, и азъ изцѣлю; и нѣсть иже изметъ отъ руку моею!*

Сначала видимъ нашу Францію раздирающую себя собственными руками, переходящую отъ самаго крайняго въ своеволіи къ самому крайнему въ тураннін; оживляющую всю доблесть древнихъ мучениковъ употребленіемъ всей жестокости древнихъ мучителей; видимъ ее ужасаю-

щую міръ своими побѣдами и злодѣяніями, сокрушающую, прежде обожаемаго ею, кроваваго идола свободы, дабы подклонить главу свою подъ иго властителя; и, что не менѣе удивительно, видимъ ее заключающую все сіе торжественнымъ принятіемъ того Короля, который, послѣ двадцати-пятилѣтняго изгнанія, возсѣлъ на тронѣ своемъ подобно отцу семейства, послѣ долговременнаго отсутствія возвратившемуся въ среду дѣтей своихъ.

А внѣ нашего отечества? — Три раза ниспроверженъ и три раза возстановленъ тронъ Папскій. Древнія династіи падаютъ, дабы снова возстать, и новые Цари мгновенно являются на позорище свѣта токмо для того, дабы навсегда исчезнуть. Народныя войны влекутъ, кажется, цѣлыя племена на поле брани, и угрожаютъ обратить въ пустыню страны, ими обитаемыя. Просвѣщеніе, равно какъ и Христіанство, повсюду являются на краю своей гибели; Европа потрясена, ниспровержена; какъ бы разрушена; и внезапно возсоздана на древнихъ своихъ основаніяхъ. Наконецъ религія, перешедши всѣ роды испытаній и бѣдствій, съ святѣй-

шимъ своимъ Главою торжествуетъ, возвращается съ нимъ въ столицу Христіанскаго міра, и еще можетъ вѣщать изъ среды того Рима, который въ продолженіе осмнадцати вѣковъ былъ всегда *воюемъ* и всегда оставался побѣдителемъ, и который, не имѣя уже силы властвовать оружіемъ, но будучи предназначенъ царствовать силою Еvангелія, есть поистинѣ градъ вѣчный.

Пускай матеріализмъ не видитъ въ сихъ происшествіяхъ ничего, кромѣ игры, я не знаю, какого-то слѣпаго случая; ето заблужденіе ума человѣческаго. Пусть политика ограничивается изслѣдованіемъ тайныхъ пружинъ и сцѣпленія причинъ *вторичныхъ*, долженствовавшихъ соединиться, дабы произвести явленія столь необыкновенныя. Не презирая сихъ послѣднихъ изысканій, философъ - Христіанинъ простираетъ далѣе свои мысли: онъ возвышается къ престолу Того, Который въ могущественныхъ своихъ дланяхъ держитъ бразды міра, и когда Ему угодно, наказуетъ Царей чрезъ народы, и народы чрезъ Царей. — Такъ! научимся познавать во всемъ Провидѣніе, Которое располагаетъ

судьбою царствъ, равно какъ судьбою каждаго человѣка; смиряетъ опытомъ народы непослушные разуму, приводитъ ихъ, какъ бы противъ воли, ко власти — своеволіемъ, къ законамъ — безначаліемъ, къ религіи — неслыханнымъ и ужаснымъ нечестіемъ; Которое, поразивъ своимъ правосудіемъ, врачуетъ милосердіемъ; научимся и повторимъ снова съ Моvсеемъ слова, кои влагаетъ онъ въ уста самаго Господа: *Азъ убію*, и пр.

Небесамъ было угодно, слушатели, чтобы Монархъ, преимущественный нынѣ предметъ нашихъ благоговѣйныхъ сѣтованій, не былъ чуждъ сихъ необыкновенныхъ происшествій, и безпрестанно въ нихъ участвовалъ; чтобы онъ былъ свидѣтелемъ ихъ, жертвою или орудіемъ; чтобы занималъ въ нихъ мѣсто, которое будетъ незабвеннымъ въ Исторіи. Несчастіе научило его царствовать со славою. Посмотримъ на него и въ злополучіи и въ счастіи, какъ на замѣшаннаго въ судьбы Провидѣнія строгаго, Которое наказуетъ, и какъ на исполнителя судебъ милосердаго, Которое прощаетъ. — Французы всѣхъ состояній и всѣхъ возра-

стовъ! не страшитесь устремлять своихъ взоровъ на него во всѣхъ случаяхъ его жизни: всегда найдете вы его достойнымъ удивленія и любви, всегда какъ Царя — въ несчастіи великодушнымъ, на тронѣ мудрымъ. Вотъ слово, посвящаемое нами памяти Высочайшаго, Державнѣйшаго и Пресвѣтлѣйшаго Государя, Лудовика XVIII, Короля Французскаго и Наваррскаго.

Въ половинѣ истекшаго вѣка нечестивая и возмутительная секта, возвысивъ свой голосъ, звукамъ бранной трубы равный, проповѣдывала народамъ, что Христіанство есть суевѣріе, а достоинство Государя тираннія. Она привела въ дѣйствіе все, что буйство ума изобрѣсти могло, дабы оправдать развращеніе сердца, дабы внушить ненависть къ религіи, презрѣніе къ ея служителямъ, и возбудить живѣйшую страсть къ независимости. Такимъ образомъ всюду потрясена древняя вѣра; связи подчиненности ослабляются, своевольство сочиненій производитъ своеволіе во нравахъ. Казалось, стремятся свергнуть съ себя всякое иго, не хотятъ имѣть властителя ни на небѣ, ни на землѣ; и можно сказать необинуясь, что тронъ и

олтарь прежде были ниспровергнуты въ умахъ, нежели на самомъ дѣлѣ.

Во время сихъ-то бѣдственныхъ обстоятельствъ рожденіе призываетъ на тронъ Государя съ толико чистою душою, съ такимъ здравымъ умомъ, съ толико добрымъ воспитаніемъ, со столь истинною любовію къ своему народу — того блаженной памяти Государя, которому надлежало содѣлаться мученикомъ доброты своей столько же, какъ и вѣры. Никогда не было Монарха, болѣе достойнаго наслаждаться счастіемъ, и никогда Монархъ не былъ низринутъ въ столь глубокую бездну несчастій и бѣдствій. Его политика была у него въ сердцѣ: удивительно ли, что она могла быть иногда обманута его нѣжнымъ человѣколюбіемъ! Благодѣянія, разсыпаемыя имъ въ началѣ своего царствованія, желаемыя преобразованія, имъ сдѣланныя, показывали, что онъ для Французовъ болѣе отецъ, нежели властитель. Все, казалось, обѣщало ему судьбу блистательную, какъ вдругъ нѣкоторыя замѣшательства въ дѣлахъ общественныхъ обратили вниманіе на щекотливые вопросы о началѣ и предѣлахъ власти. Привычка долго еще бо-

рется съ новымъ ученіемъ; но повиновеніе, слишкомъ разборчивое, неосталось постояннымъ: духъ вѣка одерживаетъ верхъ; вскорѣ раздается вопль, долженствовавшій быть какъ бы предвѣстіемъ бурь продолжительныхъ и ужасныхъ. Требуютъ собранія прежнихъ политическихъ нашихъ обществъ (*); буйными кликами оное сзываютъ: — мудрые въ страхѣ, возмутители упоены радостію.

И вотъ наилучшій, самый довѣрчивый изъ Королей окружается подданными, какъ отецъ дѣтьми своими. Но лишь только составился великій Совѣтъ національный — революція вспыхнула. Я не для того здѣсь, слушатели, чтобы обвинять людей. Наименовать лица, изобразить ихъ красками истины безпристрастной, привести ихъ всѣхъ, безъ различія рода и чина, предъ судилище потомства на судъ по ихъ ученію и дѣламъ — ето дѣло Исторіи. Я не забуду, что уста служителя вѣры должны быть *хранилищемъ* любви столько же, какъ

(*) Собранія *Генеральныхъ штатовъ*, которое было открыто 5 Мая 1789, а 17 Іюня того же года приняло названіе *Національнаго собранія*.

и разума (*). Вы не услышите съ каѳедры служителя мира и предъ священными останками Государя миролюбиваго, неуслышите словъ злобы и раздора; но я равно не буду столько слабъ, чтобъ умолчалъ о злодѣйствахъ и пощадилъ духъ злонравія, — вѣчный позоръ временъ новѣйшихъ!

Какимъ образомъ могло статься, что въ нѣдрѣ собранія, заключавшаго въ себѣ столько ума, столько талантовъ и даже столько добродѣтелей, составились бури, ниспровергшія тронъ и олтарь, послѣ долгаго надъ ними завыванія? Отъ того, что большая часть членовъ собранія сего, болѣе или менѣе зараженныхъ ложными правилами, предали себя во власть безбожной и крамольной толпѣ, равно ругавшейся и Богомъ и людьми, замышлявшей совершенно разрушить общество. Безъ страха начали говорить явно, что все измѣнить должно: измѣнить законы, измѣнить нравы, измѣнить людей, дѣла, языкъ; что все надобно разрушить, потому что, говорили, все надобно пере-

(*) *Понеже устнѣ іереовы сохранятъ разумъ.* Малах. Гл. 2 ст. 7. *Перев.*

создать. Отсюда-то произошло оное буйственное обнародованіе *правъ*, которое могло только заглушить чувство обязанностей и превратить Францію въ кучу развалинъ. Дайте симъ началамъ раздора и алчности угнѣздиться въ умахъ: увидите, что люди, имѣвъ безуміе посѣять злыя наставленія, будутъ имѣть несчастіе пожинать одни токмо злодѣйства; увидите оправданными слова́ знаменитѣйшаго изъ ораторовъ, что тамъ всѣ рабы, гдѣ всѣ властелины.

Напрасно мудрый Монархъ, встревоженный угрожающими государству бѣдствіями, старается предупредить ихъ царскою снисходительностію (*), долженствовавшею, согласно съ желаніями всѣхъ провинцій, облегчить для народа бремя налоговъ государственныхъ и, казалось, удовлетворить умамъ самымъ недовольнымъ. Его власть равно презрѣна, какъ и благость, и въ милостяхъ Короля осмѣлились видѣть только дары тиранніи. *О роде невѣрный и развращенный!* ты оскорбляешь отеческую спасающую тебя руку; но всемогущая Десница отяготѣетъ

(*) Объявленіе намѣреній Короля, читанное въ засѣданіи 25 Іюня 1789.

надъ тобою; долго ты будешь нести наказаніе за свою безумную дерзость; растерзанный, окровавленный отъ собственныхъ своихъ неистовствъ, угнетенный своими законами, угнетенный своими различными правленіями, ты будешь влачиться отъ перемѣны къ перемѣнѣ, отъ одной крайности къ другой, отъ бездны къ безднѣ, и вѣрный покровъ безопасности найдешь токмо подъ сѣнію учрежденій, сходственныхъ съ тѣми, кои отвергаешь отъ руки Государя своего, и кои нѣкогда дастъ тебѣ Августѣйшій Братъ его.

Побуждаемая какъ бы нѣкіимъ демономъ нечестія и разрушеній, Франція ужè не знала, гдѣ остановиться. Все, что̀ ни есть ужаснѣйшаго, — грабежъ, святотатство, всеобщее развращеніе, убійства — содѣлалось системою; бѣдствія и крайности осми вѣковъ, казалось, во время осми лѣтъ совокупились въ нашемъ отечествѣ. Но между сими толико ужасными злодѣяніями есть ужаснѣйшее всѣхъ другихъ; языкъ мой отказывается наименовать оное; повторю только вдохновенныя слова служителя Бога живаго: *Сынъ Св. Лудовика!*

гряди на небеса (*)! Такъ, я вижу его въ небесахъ между доблественною своею сестрою и святѣйшимъ изъ своихъ предковъ; вижу его, нѣкогда жертву любви своей ко Франціи, содѣлавшимся, подобно имъ, охранительнымъ Божествомъ нашего отечества.

Казалось, что сія новая Франція, искавшая возрожденія своего въ злодѣяніяхъ, посреди просвѣщеннаго міра старается погрязнуть въ невѣжествѣ: столько силилась она не имѣть ничего общаго съ прочими народами! Ея поступки, обыкновенія, языкъ получаютъ отвратительное свойство; имя самаго гнуснаго доносчика сдѣлалось почетнымъ наименованіемъ; все измѣнено, даже названія мѣсяцевъ и дней; всѣ признаки общественнаго богослуженія исчезли; Богъ не имѣетъ уже храма, и тогда впервые уразумѣли, что̀ значитъ народъ безъ религіи.

Такъ! Франціи нѣтъ уже во Франціи: ее надобно искать за ея предѣлами; въ ней злодѣянія, слава внѣ ея, — она ищетъ убѣжища среди военнаго стана. Но, о

(*) Слова, произнесенныя при несчастной кончинѣ Лудовика XVI духовникомъ его, Аббатомъ Еджвортомъ де Фирмонъ. *Перев.*

плачевное дѣйствіе толико нечестивыхъ раздоровъ! я вижу Французовъ возставшихъ противу Французовъ, брата противу брата, отца противъ сына. Отечество у нихъ одно, силы ихъ равны, — умы различны. Но придетъ время, когда стѣна раздора, ихъ раздѣляющая, падетъ навсегда: не будетъ у нихъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго; — будутъ одни Французы; мечи ихъ соединятся подобно ихъ сердцамъ; они будутъ покоиться подъ одною и тою же сѣнію, соберутся подъ однимъ и тѣмъ же бѣлымъ перомъ Внука Генриха IV, и будутъ ратовать совокупно при одномъ и томъ же гласѣ чести и вѣрности.

Но кому обязаны мы симъ чудомъ примиренія? Сему самому Государю, котораго слишкомъ долго я теряю изъ виду (за что вы, можетъ быть, меня осуждаете) и который столь великъ былъ въ несчастіи! Поистинѣ, слушатели, прекрасное зрѣлище видѣть Государя падающаго безъ униженія; но что я говорю? Государя, который въ несчастіи находитъ источникъ славы. Исторія возвѣститъ, каковы были поступки и поли-

тические виды Лудовика въ тѣ первыя кампаніи, коихъ окончанію надлежало быть толико пагубнымъ для ихъ виновника; и потомство узнаетъ, что хотя счастіе измѣняло знаменамъ его; но онъ чрезъ то никогда не былъ ниже своего высокаго назначенія. Послѣдуйте за нимъ въ различныя страны Юга и Сѣвера — въ Верону, на берега Рейна; въ Бланкенбургъ, Митаву, Варшаву; Гартвель — вездѣ найдете его, и тогда какъ былъ онъ братомъ Короля; Регентомъ государства и наконецъ Королемъ, — вездѣ найдете его исполненнымъ силы и великодушія.

Хотите ли знать, какъ онъ мыслилъ о достоинствѣ Государя? Онъ самъ вамъ скажетъ. По смерти отрока - Короля; того, чьи трогательныя свойства — чистосердечіе и невинность — не могли смягчить убійцъ его; Лудовикъ писалъ къ Принцу; котораго пріятно было ему называть своимъ сыномъ: «Кровавая корона; недавно покрывшая главу мою, по всей вѣроятности перейдетъ нѣкогда на твою. И такъ теперь, болѣе нежели когда-либо, помысли о будущей своей судьбѣ, и чаще повторяй: жребій двадцати пяти милліоновъ

людей будетъ нѣкогда зависѣть отъ меня.» Слова не менѣе высокія, сколько исполненныя наслѣдственной доброты въ поколѣніи Государей, всегда видѣвщихъ въ царскомъ достоинствѣ своемъ обязанности дѣлать счастіе народовъ!

Принужденный оставить Италію, гдѣ искалъ убѣжища, Лудовикъ поставляетъ себя на мѣстѣ, болѣе достойномъ своего сана — является среди арміи, называвшейся по имени Героя, управлявшаго ею (*); но и здѣсь надежды его не исполнились. По крайней мѣрѣ онъ имѣлъ случай показать не одинъ разъ неустрашимость, быть можетъ, большую той, съ которою одерживаютъ побѣды. Я приведу на сіе только одинъ примѣръ. Во время пребыванія его въ Диллингенѣ, близь Дуная, рука убійственная поражаетъ его въ голову — кровь льется; вѣрные служители его стекаются въ страхѣ. «Ахъ, Государь!» восклицаетъ одинъ изъ нихъ: «если бы ударъ злодѣя палъ ниже хоть одной половиною линеи!...» — Ну чтожь, другъ мой! —

(*) Армія Конде, которая въ послѣдствіи принята была въ Россіи. *Перев.*

отвѣтствуетъ онъ хладнокровно: — тогда Король Франціи назывался бы Карломъ X (*).

Найдетъ ли изгнанникъ гдѣ нибудь мѣсто покоя? Павелъ I даетъ ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, и Лудовикъ останавливается въ Митавѣ.

Здѣсь-то Небо посылаетъ ему сладостное утѣшеніе посреди столь великихъ несчастій. Сердце Лудовика со всею отеческою заботливостію занималось участію Августѣйшей дщери Короля, его брата; онъ призывалъ всею силою моленій ту минуту, когда увидитъ ее и соединитъ съ юнымъ Принцемъ, которому она была предназначена. Наконецъ она тамъ. «Она съ нами!» восклицаетъ Король: «мы не разстанемся съ нею; счастіе уже болѣе намъ не чуждо.» Сколько умилительныхъ, радостныхъ слезъ проливаютъ, увидѣвъ ее, преданные ему служители и тѣ вѣрные стражи, кои тогда охраняли особу Короля несчастнаго, и кои за нѣсколько

(*) 8 Іюля 1796 года Лудовикъ въ 10 часу вечера стоялъ у окна съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ. Вдругъ пролетаетъ мимо виска его пуля и срываетъ кожу.

лѣтъ предъ тѣмъ презирали смерть для спасенія сей столь же великодушной, какъ и несчастной Королевы, толико ненавидимой и въ тоже время толико достойной любви! Два супруга соединятся подъ кровомъ той священной религіи, которая одна имѣетъ врачевство для всѣхъ болѣзней и утѣшеніе для всѣхъ горестей. Скромный жертвенникъ, украшенный нѣсколькими цвѣтами, принимаетъ ихъ клятвы.

Нѣтъ пышности Двора ихъ предковъ; но я вижу тамъ нѣчто еще большее въ простотѣ своей — соединеніе всего, что несчастіе имѣетъ въ себѣ священнѣйшаго, рожденіе самаго знаменитаго, добродѣтель самаго трогательнаго. Какое зрѣлище! Дщерь Королей и внукъ Франціи принуждены искать убѣжище въ столь далекихъ странахъ, для того чтобы тамъ торжествовать свое соединеніе (*)! Боже Св. Лудовика! Ты будешь бодрствовать надъ

(*) Въ Митавѣ, 10 Іюня 1799 года, Лудовикъ XVIII праздновалъ бракосочетаніе дщери добрѣйшаго и несчастнѣйшаго своего брата съ Дюкомъ Ангулемскимъ, сыномъ Графа д'Артуа, нынѣ царствующаго Карла X. *Перев.*

дѣтьми ихъ, Ты сохранишь ихъ для насъ, и мы увидимъ ихъ на ступеняхъ трона для утѣшенія Августѣйшаго отца ихъ и для счастія нашего отечества.

Между тѣмъ Франція, изможденная своими беззаконіями, желаетъ перемѣны, и все принимаетъ видъ новый. Юный военачальникъ, покоривъ Италію, носившій пламенникъ войны на Востокъ, является въ предѣлахъ Франціи, и взоры всѣхъ устремляются къ нему, какъ къ избавителю. Быстрая, но не кровавая революція дѣлаетъ его распорядителемъ дѣлъ общественныхъ подъ скромнымъ наименованіемъ, которое вскорѣ показалось недостаточнымъ для его ненасытнаго честолюбія; презирая славу Монка (*), онъ захотѣлъ быть Карломъ Великимъ и по могуществу и по титламъ. Можетъ быть, никто столь дерзко не замышлялъ о всеобщей монархіи. Ничто не противится его неодолимымъ легіонамъ; въ большую часть столицъ Европы онъ входитъ побѣдителемъ. Онъ хочетъ, чтобы

(*) Генералъ при Кромвелѣ. Онъ, по смерти сего похитителя, содѣйствовалъ восшествію на престолъ Карла II. *Перев.*

поколѣніе его изгладило самыя древнѣйшія династіи. Его братья дѣлаются Королями, его сестры Королевами, самодержавные владыки — его данниками. Одно имя его внушаетъ ужасъ, и къ нему примѣнить можно сіи священныя слова: земля въ его присутствіи содѣлалась безгласною, неподвижною отъ удивленія и ужаса: *и умолче земля предъ нимъ.* Часъ его еще не пришелъ: онъ возвышается, не смотря на всѣ препятствія; но онъ падетъ, не смотря на всѣ свои усилія.

И вотъ онъ на самой высшей степени величія и могущества; но при всемъ томъ одного имени Лудовика XVIII, безоружнаго Государя, скитающагося изъ страны въ страну, одного имени онъ страшится. И сей страхъ его есть какъ бы невольная дань справедливости. Онъ дѣлаетъ предложеніе, на которое Государь, хотя бы доведенъ былъ до послѣдней степени несчастія, никогда не долженъ соглашаться (*). Европа знаетъ отвѣтъ Лудовика, столь

(*) Наполеонъ въ 1803 году всѣми мѣрами старался принудить Лудовика XVIII, находившагося тогда въ Варшавѣ, къ отреченію отъ престола. *Перев.*

часто повторявшійся, отвѣтъ, о коемъ и теперь не могу я умолчать, не подвергнувъ себя справедливому нареканію. «Мнѣ «невѣдомы» говорилъ онъ «судьбы Бога «вразсужденіи меня и моего народа; но я «знаю тѣ обязанности, кои Онъ возложилъ «на меня: какъ Хрістіанинъ, буду ис-«полнять должности Хрістіанина до по-«слѣдняго часа жизни; какъ сынъ Св. Лу-«довика, въ самыхъ узахъ буду уважать «себя; какъ преемникъ Франциска I, на-«всегда хочу сохранить право сказать съ «нимъ: все потеряно, кромѣ чести (*).»

Сіе чувство царской гордости никогда не оставляло Монарха. И сколько бы я могъ привести на сіе примѣровъ, еслибъ имѣлъ довольно времени! — Теперь долженъ я вамъ показать его въ убѣжищѣ Гартвеля (**), которое оставилъ онъ для того, дабы возсѣсть на престолѣ своихъ предковъ. Блистательность Государя

(*) Францискъ I, послѣ сраженія при Павіи находясь въ плѣну со всѣми своими Генералами, писалъ къ своей матери: *tout est perdu hormis l'honneur. Перев.*

(**) Замокъ въ Графствѣ Букинггамъ, въ Англіи. *Перев.*

здѣсь исчезаетъ, но достоинства его всегда съ нимъ. Лудовикъ, не бывъ окруженъ пышнымъ величіемъ, пользовался всѣмъ уваженіемъ, какое можетъ доставить громкая слава о мудрости, просвѣщеніи и познаніяхъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ другъ наукъ и искусствъ, онъ занимался ими столь же ревностно, какъ и успѣшно. Ни что не укрылось отъ его прозорливаго ума, и что̀ имъ однажды было замѣчено, то навсегда оставалось въ его памяти. Какое разнообразіе познаній! какая приятность въ его разговорахъ! какая тонкая вѣжливость! сколько счастливыхъ словъ и повѣствованій, исполненныхъ остроты и сладости, изливтихся изъ устъ его! Все просто и тихо въ его царскомъ уединеніи; чего онъ не приказывалъ, какъ властитель, то исполнялось ради личныхъ его достоинствъ. И особенно замѣтить надобно, слушатели: Государь, низведенный съ трона, еще привлекаетъ къ себѣ взоры и удивленіе народовъ, являясь на поляхъ брани, ознаменовывая себя побѣдами или славными отступленіями — вотъ, что̀ видѣли не однажды; но Государь, которому не суждено прославить такимъ образомъ своихъ несчастій, но который, не

смотря на то, умѣетъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ сохранить все достоинство Монарха — вотъ что, можетъ быть, необыкновенно въ исторіи Государей несчастливыхъ. Безъ сомнѣнія несчастіе само по себѣ есть уже нѣчто священное; но можно ли думать, что одно оно достаточно заставить постоянно уважать себя? Чѣмъ далѣе отъ Франціи было мѣстопребываніе Лудовика, тѣмъ бо́льшую онъ получилъ возможность хорошо узнать ее. Во время благородныхъ и ученыхъ своихъ досуговъ онъ размышлялъ о средствахъ загладить ея бѣдствія и мудро управлять ею. Его поступки всегда являли въ немъ Государя, болѣе и болѣе дѣлали достойнымъ трона, который ожидалъ его въ отечествѣ.

Наконецъ минута, назначенная въ предвѣчномъ совѣтѣ, настаетъ; дѣти Св. Лудовика близки ко вступленію въ свое наслѣдіе. Но какимъ образомъ совершается сіе чудо? Здѣсь-то Провидѣніе является торжественно. Послѣ толикихъ завоеваній, послѣ ниспроверженія толикихъ троновъ и покоренія столь многихъ націй, властелинъ Франціи, по-

добно гордому Царю Ассvрiйскому, упоминаемому Пророкомъ, кажется, говоритъ: «Я совершилъ дѣла великiя; моя му«дрость была мнѣ совѣтомъ. Я измѣнилъ «предѣлы государствъ, похитилъ сокро«вища Царей, исторгнулъ у владыкъ тро«ны. Ужаснѣйшiе народы земли были для «меня подобны гнѣзду малыхъ птицъ подъ «рукою обрѣтшаго его: они были поко«рены мною, и никто изъ нихъ не дерз«нулъ открыть уста свои для жалобъ (*).» Но Богъ, какъ говоритъ тотъ же Пророкъ, зритъ надменное сердце побѣдителя и гордыню высокихъ очесъ его. Побѣды ведутъ его къ предѣламъ Россiи. Гордящiйся побѣдами своими, а наипаче упоенный начальствомъ надъ прекраснѣйшею изъ армiй, какую когда-либо свѣтъ видѣлъ, онъ предается въ своемъ безумiи всѣмъ очарованiямъ властолюбiя, въ неслыханномъ ослѣпленiи, не смотря на время мразовъ, упорно продолжаетъ путь — и столица древняя Царей въ первый разъ видитъ Французскую армiю въ стѣнахъ своихъ. Будучи принужденъ бѣжать, онъ пропускаетъ счастливую минуту. Вы

(*) Исаiи глава 10.

знаете, какимъ образомъ погибли сіи ужасные легіоны въ странахъ льдистыхъ; каждый изъ насъ помнитъ, сколько Франція трепетала отъ ужаса при достовѣрныхъ слухахъ о семъ величайшемъ несчастіи, какое только сохранила Исторія.

Богъ правитъ судьбою народовъ. Великодушный Александръ идетъ съ береговъ Невы; приближается къ южнымъ странамъ Европы. Колеблется Германія, все движется отъ Ельбы до Дуная, и три могущественные Союзника идутъ вмѣстѣ къ Рейну, ведя за собою и властителей и народы. Послѣ многихъ сраженій, выигранныхъ или потерянныхъ, они переходятъ наши границы, овладѣваютъ нашими провинціями, и столица повергается ихъ власти.

Но для чего же всѣ сіи несчастія, всѣ сіи брани? Для чего сіе волненіе народовъ и Царей ихъ? Для того, что Богъ хощетъ возстановить Августѣйшій Домъ Франціи. Европа готова произвести сіе чудное возстановленіе. Гласъ справедливости и любви, призывающій Лудовика на тронъ прародительскій, достигаетъ до его убѣжища. Великобританнія приходитъ

въ движеніе; Принцъ любезный и правосудный (*), управляющій ею, радуется, и сію радость сообщаетъ своимъ подданнымъ. Его царственный градъ украшается всѣми знаками и емблемами Королей нашихъ, и цѣлая нація сдѣлалась націею Французовъ. Между тѣмъ высокій сынъ Франціи уже между нами; среди лилій и бѣлыхъ перьевъ онъ продолжаетъ путь свой съ какою-то радостію, которая сіяла на немъ самомъ, и которую разливалъ онъ на свое шествіе. Прекрасный день, за коимъ надлежало слѣдовать дню еще прекраснѣйшему! Король Французовъ наконецъ является. Я не знаю, какой восторгъ овладѣлъ неизмѣримымъ градомъ, узрѣвшимъ его въ своемъ нѣдрѣ. Первымъ попеченіемъ Лудовика было воздать благодареніе Тому, Имъ же Царіе царствуютъ, а чрезъ сіе возвѣстить своему народу, что, восходя на тронъ свой, онъ явитъ себя на немъ живымъ образомъ Божества, и водворитъ съ собою судъ и милость.

Обратимся теперь, слушатели, на минуту къ тѣмъ происшествіямъ, о ко-

(*) Принцъ - Регентъ, нынѣшній Король Великобританніи. *Перев.*

ихъ упомянулъ я, и послѣдуемъ за Провидѣніемъ въ исполненіи Его превѣчныхъ совѣтовъ, относящихся къ монархіи, къ Королевской Фамиліи и Религіи.

Ложная политика, совершенно отличная отъ нынѣшней, приводитъ въ заблужденіе другія державы, внушивъ имъ гордыя мысли относительно Франціи — и Небесамъ было угодно, чтобы всегда побѣдоносныя Французскія арміи разрушили ихъ планы; отечественная земля не будетъ раздрана, и Франція Лудовика XIV есть Франція Карла X.

Враги вѣры, желая сдѣлать ее ненавистною и презрѣнною, безпрестанно твердили, что она ослабляетъ мужество, что Хрістіане со своими чаяніями и дѣлами не могутъ побѣждать: и Небесамъ угодно было явить Хрістіанскую Вандею землей героизма, показать въ ней соединеніе всего, что̀ благочестіе имѣетъ самаго простаго и смиреннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ мужество можетъ имѣть самаго отважнаго и предпріимчиваго.

Два чудовища — одно нечестія, другое безначалія — казалось, всегда должны были опустошать церковь и державу;

но Небо возставило человѣка, который крѣпкою своею рукою смиряетъ ихъ, возстановляетъ низверженные олтари, уничтожаетъ общества, тѣмъ болѣе вредныя для народа, чѣмъ болѣе они назывались народными, и такимъ образомъ, неумышленно устрояетъ для Бурбоновъ и Монархію и Религію во Франціи.

Философизмъ, почитавшій себя мудростію, говорилъ, что религія уже не имѣетъ основанія въ вѣрѣ народовъ, что она пала бы, еслибъ была оставлена самой себѣ; онъ даже чаялъ найти ложными вѣчныя обѣтованія, дарованныя церкви Христіанской Божественнымъ ея Основателемъ. И вотъ святилище разграблено, Первосвященникъ его въ нищетѣ, его служители истаеваютъ въ изгнаніи, или умираютъ на ешафотахъ, святыня сдѣлалась предметомъ всеобщаго посмѣянія; всѣ подпоры человѣчества сокрушены, все внѣшнее великолѣпіе исчезло — и при всемъ томъ, когда настало время, Религія исходитъ во всемъ могуществѣ изъ глубины сердецъ, гдѣ скрывалась, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ. Сего недовольно. — Глава церкви плѣненъ. Но да не обманываются: вселенная видитъ его; темница

его блистательнѣе Ватикана при всемъ его великолѣпіи; его узы славнѣе тіары. Слава добродѣтелей его распространяется въ другихъ исповѣданіяхъ, и цѣлый свѣтъ изумляется, видя себя согласнымъ съ католиками по чувству невольнаго удивленія. Наконецъ Первосвятитель возвращенъ Римскому народу въ ту самую епоху, когда дѣти Св. Лудовика, дѣти Генриха IV, возвращены народу Французскому. Такимъ образомъ Богу было угодно симъ утѣшить свою церковь и вразумить людей; — и такъ теперь-то болѣе, нежели когда-либо, надобно повторить священныя слова, произнесенныя Боссюетомъ при гробѣ несчастной Королевы (*): *и нынѣ Царіе, разумѣйте; накажитеся, вси судящіи земли.*

Теперь я перейду ко днямъ милосердія; покажу Лудовика на тронѣ, котораго онъ столько достоинъ по своей высокой мудрости.

(Слѣдуетъ окончаніе.)

(*) Генріетты Маріи, Королевы Великобританской. *Перев.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Маруся (*).

(Баллада.)

Звечера пидъ новый годъ
Дивчата гадалы:
Выбигалы въ огородъ,
Въ викна пидслухалы;
Зъ тиста бгалы пышечкы;
О'лыво топылы;
Слухалы собакъ; въ пусткы
Опивничъ выхрылы:

(*) „Т. е. *Марья*. Это есть подражаніе, или лучше, „переводъ Жуковскаго *Свѣтланы*: ежели въ немъ
„Очень мало складу,"
„то принесу въ извиненіе бѣдность полузабытаго „нарѣчія моей родины" — говоритъ скромный переводчикъ; а мы прибавимъ, что его *Маруся* доставитъ многимъ читателямъ нашимъ удовольствіе, какъ нѣкогда *Твердовскій* г-на Г. А-го. Сіе прекрасное подражаніе извѣстной піесѣ Мицкевича было напечатано сперва въ Вѣстникѣ Европы (1827 No 6), потомъ незамедлило явиться въ Славянинѣ, а въ слѣдъ за тѣмъ и въ одномъ изъ Варшавскихъ Журналовъ (Dziennik). Успѣха подобнаго желаемъ и Малороссійской соперницѣ *Свѣтланы*. *Изд.*

Вискъ топылы на жарку́
И зъ водо́ю въ черепку́
До́лю выливалы;
Бигалы на шляхъ воны́;
Зъ прыказка́мы въ комены́
Су́женыхъ пыта́лы.

*

Те́мно. Ми́сяць надъ лиско́мъ
Въ хма́ры завернувся . . . .
Прыгорну́вшысь, пидъ викно́мъ
Рю́мала *Мару́ся.*
«Ты жъ, сестры́це, ты чого́
Зъ на́мы не гада́ешъ? —
Пидъ вико́нечкомъ кого́ —
Ви́дкиль выгляда́ешъ? . . . —
Встань, голу́бко, не журы́сь:
Вы́йды зъ ха́ты — подывы́сь,
Де кага́нчыкъ свитытъ —
Ви́дтиль бу́де мы́лый твій . . . .
Пидъ вико́нечкомъ постій —
Слу́хай, хто одви́тытъ . . . .«

*

— «Охъ, сестры́ци, якъ мыни́
Зъ ва́мы ворожы́ты:
Въ да́льній мы́лый стороні́,
Якъ безъ іого жы́ты!
Годъ мыну́въ — а все не чутъ
Де, чи жывъ мій мы́лый?

Дни, недилонькы плывуть —
    Свитъ гиркый, остылый!
Слова, висточкы нема;
А безъ любого сама
    Горе я горюю! —
Дежъ мыни оіго найты,
Що робыть, куда питы,
    Де я помандрую? —

*

Въ хати каганецъ блыщыть;
    Жаръ пидъ пичью тліе;
Повна мысочка стоить — —
    Вискъ Маруся гріе:
Ну, Марусю, загадай,
    Вискъ на воду вылый;
Що тамъ выллецця — пизнай,
    Якъ жыве твій мылый:
Чи жыве винъ, чи мертвецъ . . . .
Чи зъ тобою пидъ винецъ
    Пиде зъ старостамы:
Звяжуть рукы рушныкомъ,
Коло столыка кругомъ
    Обведуть зъ свичкамы . . .

*

Вискъ шкварчыть — а въ серци тіохъ!
    Къ печи пидбигае:
Ухватыла черепокъ —

Въ во́ду вылыва́є. . .
Ты́хо въ ха́ти; пидъ кутко́мъ
Разъ цвирку́нъ цвири́нькнувъ;
Пи́вничъ: тры́чи пидъ викно́мъ
Пи́вень кукури́кнувъ; —
А Мару́сенька дрожы́ть:
Стра́шно, стра́шно ворожы́ть,
Тру́сыцця небо́га;
Слу́ха — мо́въ що въ ха́ту йдѐ,
Мовъ бала́ка, мовъ гудѐ. . .
Ры́пнуло въ поро́га. . . .

*

Що́ жъ Мару́ся? — На води̇̀
Плы́тка во́ску пла́ва
И дивчы́нонька тоди̇̀
На ній прочыта́ла:
Домувы́на, хре́стъ, свичкы́,
За́ступъ, дви лопа́ты,
По́ясъ, я́ма, рушныкы́,
Ма́ры, скле́пъ дощáтый. . . .
«Го́ре! — мы́лый мій мертве́ць!« —
Загасы́ла кагане́ць —
Ди́вка лы́хо чу́е. . .
Си́ла, би́дна, у викна́,
Се́рце бьє́цця, се́рце зна̀,
Се́рце щось вищу́е. . .

*

Цс! — Пидъ хатою скрыплять
Санкы на прычилку:
Въ двиръ, бояры гомонять —
Йидуть сватать дивку.
Тыхо дверчыкы скрыплять,
Молодый уходыть:
»Пипъ насъ жде, свичкы горять»
(Дивчыни говорыть)
«Въ церкви вже ревуть дякы,
Ждуть свитылкы, ждуть дружкы,
Ждуть хусткы весилни.» —
За вгородомъ санкы ждуть,
Кони - зміи съ серця рвуть
Поводы ременнии.

*

Силы въ санкы: кони мчать,
Ажъ искрять ногамы,
Полозочкы ажъ шумлять,
Снигъ летыть клочкамы;
Ззаду такъ якъ дымъ курыть,
Степъ кругомъ сыніе;
Мисяць изъ-за хмаръ блыщыть —
Тилко - тилко мріе.
Серце въ дивчыны дрожыть:
«Щожъ мій молодый мовчыть? —
Забалакай, мылый!»
Ни пивслова: все мовчыть

И насу́пывшись сыды́ть —
Такъ якъ глы́на би́лый.

*

Ко́ни по́ полю летя́ть:
Зъ по́ля ви́теръ віє;
А нави́тшыбъ — гинъ за пять —
Це́рква бованіе:
Две́ри вы́хоръ видхылы́въ:
Лю́ды въ це́ркви; тліють
Ставныкы́ и видъ кады́лъ
Ти́лко-ти́лко мріють. —
Середъ це́рквы чо́рный гри́бъ
И надъ нымъ спива́е пипъ:
«Бу́де ви́чна память!»
Ги́рше ди́вчына дрожы́ть;
Ко́ни мы́мо; все мовчы́ть
Бли́дный мы́лый въ са́няхъ.

*

Заверю́ха пиднялась;
Рве́цця снигъ клочка́мы;
Чо́рный во́ронъ ра́зъ-ура́зъ
Кря́че надъ санка́мы:
Чо́рный во́ронъ не добро́
Ди́вчыни вищу́е!
Лы́хо въ ду́шу залягло́,
Лы́хо се́рце чу́е.
На́ поли ого́нь блыщы́ть:
Мижъ заме́тамы стои́ть
Хутиро́къ чима́лый:
Ко́ни швы́дче понеслы́

Дымъ ногáмы пиднялы —
    Къ хýтору прымчáлы.

*

Прылетíлы до дверéй,
    Зупыны́лысь, стáлы:
Кóни, сáнкы, молодыи
    Якъ у вóду впáлы!
Сыпле снигъ — якъ зъ рукавà;
    Крýтыть заверюха;
Въ пóли вíтеръ завывà,
    Надувáе фýга . . .
Ђий вернýтця? — Шляхъ пропáвъ?
Отъ, кагáнчыкъ заблыщáвъ —
    И, перехрестывшысь,
Двéри тыхо видвелà,
Поподýмала, ввійшлà
    Бóгу помолывшысь.

*

Щóжъ найшла? — Мертвéць лежыть:
    Въ головáхъ у тíла
Свíчка восковá горыть —
    Дíвка обимлíла!
Передъ мéртвымъ на столѝ
    Образъ Бóжа Маты . . .
Страшно въ хáти буть самій,
    Страшно кыдать хáты!
Въ пóли вíтеръ все свыстыть. . .
Дíвка блíдная стоíть —
    Бóгу помолы́лась.
Страшно пидійты къ столý:

Передъ прыпичкомъ въ углу
Тыхо прыслоныласъ.

*

Витеръ стыхнувъ, все мовчыть;
Буря утыхае:
Свичка тилко-що блыщить —
Свичка догоряе.
Темно въ поли; въ хутирку
Змовкло, занимило:
Сумно въ хати . . цс! . . въ кутку
Щось залопотило —
Мовъ-бы витеръ зашумивъ —
Глядь: изъ покутя злетивъ
Голубокъ биленькый:
Крылечкамы замахавъ,
Дивчыни на груды павъ,
Прыгорнувсь легенько.

*

Змовкло впять усе кругомъ. . .
Блидная Маруся
Глядь: — пидъ билымъ полотномъ
Мертвый повернувся. . . .
Впало полотно: мертвецъ
(Тварь — темнита ночи)
Звився: на лоби винецъ,
Видимкнулысь очи. . . .
Хоче ногы розвесты,
Хоче мертвый росплесты

Рукы омертвили;
А Марусенька? — Дрожыть:
Лыхо блызьке; а не спыть
Голубокъ биленькый.

*

Стрепенувся, розвернувъ
Крылычка легенько:
Къ мертвому на стилъ порхнувъ —
Сивъ на нимъ тыхенько: —
Застогнавъ, заскрегошавъ
Билымы зубамы,
На Марусю загарчавъ
Тыхымы словамы — —
Знову мертвый поблиднивъ
Зъ столу голубъ излетивъ —
Дивка прыглядилась:
Хто жъ? — «О Боже мій святый!» —
То Марусынъ молодый —
»Охъ!» — и пробудылась.

*

Дежъ? — На лави, у викна,
Въ хати, де гадала,
Де, задумавшысь, вона
Вчора задримала.
День сиріе; за лискомъ
Жовтый мисяцъ зныкнувъ;
Трычи, ранній, пидъ викномъ
Пивень кукурикнувъ — —

А Маруся не встае —
Ьий покою не дае
Сонъ: щось серце чуе . . . :
«Охъ, чого-жъ-що ждать мыни:
Жывъ мій мылый, чи въ земли —
Що мій сонъ вищуе?«

*

Такъ якъ вкопана, сыдыть
Пидъ викномъ небога
И въ кватырочку глядыть
Въ поле, де дорога;
Скризь сидый туманъ налигъ
На шыроке поле;
А въ садочку иній лигъ
На деревья голе. . . . .
Кони черезъ мерзлый снигъ
Санкы мчать: зъ-пидъ киньськыхъ нигъ
Дымъ пиднявся билый:
Ьидуть, ьидуть до ворить:
Въ санкахъ парубокъ сыдыть —
Хто? — Марусынъ мылый!

*

Що жъ, Марусынько, твій сонъ? —
Суженый зъ тобою!
Изъ далекыхъ винъ сторонъ
Зъ серцемъ и любовью
До дивчыны прылетивъ:
Пипъ васъ обвинчае:

Выбирайте старостивъ,
Хай музыка грае.
Русу косу росплитай,
Хусточкы заготовляй, —
Пидъ винецъ идите! —
Заготовте рушныкы, —
Засьпиваютъ вамъ дякы
Въ церкви: многа лита!

B***

4 — 6 Февр.
1829.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Высокомъ.

(Окончаніе.)

Съ областію *Высокаго*, измѣренною теперь нами по возможности, соприкасается еще все:

А) *Чудесное*;
Б) *Таинственное* и
В) *Многозначительное*.

А) Кругъ *Чудеснаго* составляютъ всѣ тѣ явленія и дѣйствія, коихъ существо-

ваніе изъ дознаннаго порядка и законовъ Природы изъяснено быть не можетъ. Таковыя явленія носятъ на себѣ печать *Высокаго*: поелику возбуждаютъ въ насъ идеи о высшихъ силахъ и о безконечности силы Творческой. Отсюда происходитъ, что *чудесное* не только совмѣстимо съ произведеніями Изящныхъ Искусствъ, но даже составляетъ одно изъ основныхъ началъ ихъ занимательности, и преимущественно въ произведеніяхъ Епической Поэзіи. Епическая поема не можетъ существовать безъ *чудеснаго*: per ambages deorumque ministeria, fabulosumque sententiarum tormentum praecipitandus est liber spiritus; и посему-то Луканова *Фарсалія*, Ерциллина *Арокана* и даже самая *Генріада* Вольтерова суть не что̀ иное, какъ реляціи въ стихахъ, хотя и прекрасныхъ. Только нужно, чтобы употребленіе *чудеснаго* ограничивалось извѣстными предѣлами: иначе оно можетъ перейти въ волшебное (*романтическія поемы*), баснословное (древніе *Миѳы*) и даже сказочное (*народныя сказки и преданія*), кои, имѣя въ своемъ родѣ занимательность, не могутъ однако никакъ принадлежать къ области *Высокаго*.

Б) *Таинственнымъ* называется все то, чего истинное значеніе сокрывается въ высшемъ порядкѣ міра — въ мірѣ духовномъ. Посему къ области его принадлежатъ всѣ тѣ явленія и дѣйствія, кои подъ внѣшнею оболочкою, подлежащею чувственнымъ взорамъ нашимъ, сокрываютъ иный высшій смыслъ, приступный для духовнаго токмо ока нашего. Для просвѣтленнаго вѣрою духа вся вселенная есть святилище таинствъ: каждое малѣйшее звѣно ея, до пылинки, вращающейся въ лучѣ солнечномъ, есть символъ чего-то высшаго, есть капля, отражающая въ себѣ преломленіе лучей вѣчнаго свѣта. Но наивеличайшее изъ всѣхъ таинствъ есть великая благочестія тайна — Религія. Какъ выраженіе отношенія нашего къ Вѣчному и Безпредѣльному, она во всѣхъ странахъ и во всѣ времена облекалась болѣе или менѣе прозрачнымъ покрываломъ таинственности. Въ самыхъ своевольнѣйшихъ порожденіяхъ религіозной мѵѳологіи Греческой завивается часто зерно высшаго, глубокаго знаменованія: и чѣмъ тонѣе и духовнѣе нити, связующія внѣшнюю кору Мѵѳовъ со внутреннимъ духомъ, ихъ оживляющимъ; тѣмъ болѣе они со-

прикасаются съ областію Высокаго. Прекрасная парабола Ерота и Псухеи — въ первообразномъ древнемъ своемъ видѣ, а не въ томъ, который она получила у *Лафонтеня* и *Богдановича* — есть превосходнѣйшій образецъ *таинственно-Высокаго*. *Гимны*, извѣстные подъ именемъ *Орфеевыхъ*, суть также образцовыя произведенія въ семъ родѣ. Но наивысочайшее торжество *таинственно-Высокаго* представляетъ намъ наша Христіанская Религія, основанная на живомъ и дѣйственномъ словѣ Божіемъ, которое есть сокровищница вѣчныхъ таинствъ. Тамъ каждая буква имѣетъ духъ, каждая черта имѣетъ значеніе. И отсюда-то происходитъ тотъ *высокій* мистицизмъ, коимъ проникнуты творенія *Клопштоковъ*, *Галлеровъ* и *Круммахеровъ*, напитавшихся духомъ С. Писанія. Должно только остерегаться, при употребленіи таинственнаго, чтобы оно не переходило надлежащихъ границъ и не обращалось такимъ образомъ въ *фантастическое* и въ *обскурантизмъ*, коимъ страждетъ большая часть новѣйшихъ мечтателей.

В) *Многозначительными* называются тѣ дѣйствія и выраженія, которыя воз-

буждаютъ собою неопредѣленное множество идей, развивающихся одна изъ другой по законамъ сцѣпленія мыслей. Само собою разумѣется, почему таковыя дѣйствія и выраженія принадлежатъ къ области Высокаго: поелику производимое ими въ насъ пробужденіе и разширеніе идей указуетъ на безпредѣльную вмѣстимость умственныхъ силъ нашихъ и слѣдовательно возбуждаетъ въ насъ идею о высокомъ достоинствѣ и назначеніи природы человѣческой. Чѣмъ несоразмѣрнѣе отношеніе между тѣснотою предмета и богатствомъ пробуждаемыхъ имъ мыслей; тѣмъ онъ многознаменательнѣе и возвышеннѣе. Таково молчаніе *Аякса* при видѣ проходящаго *Улгсса*, въ Омировой *Одгссеѣ*, которое, какъ замѣчаетъ прекрасно *Лонгинъ* (*Περι υψ.* IX), несравненно *возвышеннѣе всякаго слова*:

Οιη δ' Αιαντος ψυχη Τελαμωνιαδεω
Νοσφιν αφεστηκει κεχολωμενη εινεκα νικης,
Την μεν εγω νικησα. . . . (*Одсс.* XI, 562).

Такъ первый Дѣеписатель міра изображаетъ безпредѣльную силу всемогущества Божія, воззывающаго вселенную изъ небытія въ бытіе единымъ глаголомъ зиждительнаго слова, краткимъ, но всевыразитель-

нымъ образомъ: «*Рече Богъ: да будетъ свѣтъ! — и бысть свѣтъ*» (Быт. I, 3). Въ Корнелевомъ *Нікомедѣ* боязливый *Прузій*, колеблясь между двумя борющимися крайностями, хочетъ прибѣгнуть къ обыкновенному средству робкихъ и нерѣшительныхъ душъ — совмѣстить то и другое какъ нибудь:

Je veux mettre d'accord l'amour et la nature,
Être pére et mari dans cette conjoncture.

Нікомедъ отвѣчаетъ ему:

Seigneur, voulez-vous bien vous en fier à moi?
Ne soyez l'un ni l'autre. . . .

Прузій

Et que dois-je être?

Нікомедъ.

Roi!

Одно это слово возбуждаетъ во мнѣ тысячу мыслей. Сюда же относится знаменитый отвѣтъ старика *Горація*: qu'il mourût! О! этотъ отвѣтъ говоритъ очень много! . . . И когда, у *Сенеки* въ *Ѳіестѣ*, злобный *Атрей*, видя въ рукахъ несчастнаго брата своего кубокъ, наполненный дымящеюся кровію сына его, спрашиваетъ его съ адскою радостію:

. . . . . Gnatos ecquid agnoscis tuos?

Краткій отвѣтъ Өуеста:

Agnosco fratrem!

выражающій всю безпредѣльность оскорбленія, нанесеннаго Природѣ столь лютымъ злодѣяніемъ, и всю горесть растерзаннаго сердца въ поруганномъ братѣ и отцѣ осиротѣвшемъ, по истинѣ носить на себѣ печать поражающаго и *Высокаго.*

Образъ выраженія *Высокаго* въ произведеніяхъ искусства вообще, а слѣдовательно и въ произведеніяхъ словесныхъ, долженъ быть вполнѣ достоинъ изображаемаго имъ предмета. Иначе самое *Высокое* можетъ ослабѣть и унизиться. Такимъ образомъ искусственное представленіе *Высокаго* должно быть непремѣнно само *высоко.* Сія высокость изображенія состоитъ въ выспреннѣйшей соразмѣрности формъ внѣшнихъ, созидаемыхъ геніемъ художника, съ величіемъ идеи, которую хочетъ онъ осуществить и какъ бы воплотить въ своемъ произведеніи: въ противномъ случаѣ онъ будетъ производить только каррикатуры. Само собою разумѣется, что таковая соразмѣрность наружныхъ формъ съ высокими идеями,

кои выражаются ими, предполагаетъ необходимо въ самомъ художникѣ соразмѣрность творящихъ силъ его съ высокостію безконечныхъ идей, имъ представляемыхъ. Посему самый духъ его долженъ быть высокъ въ минуты творческаго одушевленія. Умъ возвышенный, воображеніе пламенное, чувство живое и глубокое — вотъ елементы генія, могущаго достойно изображать *Высокое!* При таковыхъ условіяхъ и произведенія искусственныя, какъ отголосокъ возвышенной настроенности духа человѣческаго, естественно должны будутъ получить особенный величественный тонъ, отглашающій таинственную гармонію Высокаго, Божественнаго и пробуждающій въ сердцахъ нашихъ привѣтный отзывъ сочувствія — сладостное воспареніе въ горняя.

Отсюда-то образуется такъ называемый *высокій стиль* въ Изящныхъ Искусствахъ. Онъ составляетъ ту внѣшнюю характеристическую фѵзіономію высокихъ произведеній искусства, которая даетъ зрителямъ вполнѣ чувствовать и какъ бы осязать высокость идей въ нихъ воплощаемыхъ и которая, по словамъ

Лонгина, *разитъ и низлагаетъ, подобно перуну* (*Περὶ ὕψ.* I). Такъ на прим. колоссальный *куполъ С. Петра*, или *Страшный судъ* безсмертнаго *Микель-Анджело* — суть произведенія исполинскаго генія въ *высокомъ стилѣ*. *Стиль* въ произведеніяхъ словесныхъ называется иначе *слогомъ*. Посему *слогъ высокій* есть слогъ единственно достойный высокихъ предметовъ. Совершенства, или лучше, составные елементы его, суть:

А) *Краткость*,
Б) *Простота* и
В) *Сила* или *Енергія*.

А) *Краткость* естественно должна составлять существенную и необходимую принадлежность *высокаго слога*: поелику она доставляетъ духу нашему возвышенное удовольствіе раскрывать собственную свою самодѣятельность при разгадываніи всей полноты высокой идеи и такимъ образомъ какъ бы состязаться и мѣриться съ ея безпредѣльнымъ величіемъ. Тщетно вздумалъ бы художникъ покуситься объять вполнѣ своимъ выраженіемъ необъятную полноту *Высокаго* и передать мнѣ ее во всей цѣлости: она неприступ-

на ни для какихъ человѣческихъ усилій! И такъ, вмѣсто того, чтобы истощаться въ безплодныхъ покушеніяхъ, пусть онъ сдѣлаетъ мнѣ одно только указаніе, одинъ намекъ на нее. Если кисть его вѣрна — я буду умѣть понять его. Такъ напр. одно слово *Едіпа*, у *Озерова*:

Ахъ! я Едіпъ! . . .

выразительнѣе для меня ста краснорѣчивыхъ страницъ, изображающихъ жизнь его. У *Алфіери* въ *Филиппѣ II* есть одна прекрасная сцена, состоящая почти вся изъ однословныхъ вопросовъ и отвѣтовъ и заключающая въ себѣ болѣе силы и духа, чѣмъ цѣлыя трагедіи многихъ красноглаголивыхъ писателей:

Fil. Udisti?
Gom. Udii!
Fil. Vedesti?
Gom. Jo vidi!
Fil. Oh rabbia!
Dunque il sospetto? . . .
Gom. . . . E omai certezza . . .
Fil. E insulto
Filippo è ancor! . . .
Gom. Pensa . . .
Fil. Pensai! . . . Mi segui (*)!

(*) *Фил.* Ты слышалъ?
Гом. Слышалъ.

Вотъ истинно *высокій слогъ!*

Б) *Простота* есть совершенное отсутствіе изысканности и принужденности въ изображеніяхъ. Ничто столько не наскучиваетъ намъ, какъ чрезмѣрная роскошь въ искусственныхъ украшеніяхъ, за которыми мысль едва бываетъ примѣтною. Она возбуждаетъ въ насъ недовѣрчивость къ художнику и заставляетъ подозрѣвать, не думаетъ ли онъ прикрыть пышною одеждою блестящихъ украшеній, скудость собственныхъ силъ, или малость изображаемаго имъ предмета. Но ежели неумѣренная расточительность искусственныхъ прелестей становится часто приторною въ обыкновенныхъ родахъ изящныхъ словесныхъ произведеній; то въ *высокомъ слогѣ* она всегда бываетъ отвратительна. Всѣ мишурныя блестки, которыми столько любитъ прикрываться посредственность, что̀ значатъ въ сра-

---

Філ. Ты видѣлъ?
Гом. Видѣлъ.
Філ. О ярость! и такъ мое подозрѣніе? . . .
Гом. Обратилось въ достовѣрность.
Філ. И Філиппъ не отмщенъ еще? . . .
Гом. Размысли. . . .
Філ. Размышлено! . . . слѣдуй за мною!

Atto II, sc. V.

вненіи съ безпредѣльнымъ и божественнымъ величіемъ высокихъ предметовъ? Ето что же, что блудящіе метеоры для величественной картины звѣзднаго неба! Неизмѣримое разстояніе между необъемлемостію *Высокаго* и всѣми тщетными усиліями искусства человѣческаго растравляетъ только болѣе въ насъ болѣзненное чувство нашей малости и такимъ образомъ вредитъ еффекту *Высокаго*. Посему *простота* есть необходимое совершенство *слога высокаго*. Такова н. п. знаменитая надпись на *памятникѣ Петра Великаго*, воздвигнутомъ въ С. Петербургѣ: «*Петру Первому Екатерина Вторая.*» Что можетъ быть простѣе ея? и что можетъ быть выше?

В) *Сила* или *енергія* выраженія состоитъ въ особенно счастливомъ и вѣрномъ соотвѣтствіи изображеній съ идеею, ими представляемою. Ето бываетъ тогда, когда мысль, облекаясь въ формы, созидаемыя для нея геніемъ художника, не теряетъ ни мало внутренней своей значительности и передается съ точностію, во всей полнотѣ своей. *Слогъ высокій* безъ *енергіи* не возможенъ: ибо можетъ ли быть

Высокое безъ *силы?* . . . Сія сила производится:

а) Счастливымъ *выборомъ выраженій*,

б) Особенною *смѣлостію и оригинальностію* ихъ *сочетанія*.

а) Какъ *Высокое* по существу своему необыкновенно и единственно въ своемъ родѣ: то и *выраженія*, преимущественно способныя къ достойному изображенію его, должны также быть ознаменованы печатію возвышенности и единственнаго, особеннаго качества. Геній художника, овладѣвая идеею, заимствованною изъ міра высшаго и далеко превышающею кругъ обыкновенныхъ понятій, властенъ располагать по своей волѣ всѣми сокровищами языка, не стѣсняясь скудными границами непостояннаго употребленія, и даже восполнять бѣдность его творческимъ образованіемъ новыхъ словъ и выраженій, сообразныхъ съ его духомъ и законами. Посему часто слова и выраженія древнія, давно уже вышедшія изъ употребленія, и даже простыя, взятыя изъ народнаго разговорнаго языка, въ устахъ геніевъ получаютъ особенную силу и выразительность и содѣйствуютъ удивительнымъ образомъ къ возвышенію рѣчи. Такъ н. п. у *Ломоносова:*

Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ
И съ суши *сдвинулъ* Океанъ?

или у *Державина:*

На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы *треснули* подъ нимъ.

Для насъ Русскихъ древній Славянскій языкъ есть богатая сокровищница высокихъ выраженій, если только мы будемъ умѣть благоразумно пользоваться ею.

б) Сила и оригинальность генія, объемлющаго Высокое, должны также отпечатлѣваться и въ самомъ *сцѣпленіи* и оборотахъ *словъ.* Ето бываетъ тогда, когда геній, проникнутый и объятый величіемъ своего предмета, низвергаетъ съ себя оковы ограниченности, дабы, такъ сказать, съ нимъ соразмѣриться, и возвышается надъ обыкновеннымъ порядкомъ сцѣпленія мыслей и словъ нашихъ посредствомъ смѣлаго и небывалаго сопряженія между собою такихъ понятій и выраженій, коихъ взаимная связь для посредственнаго взора казалась бы совсѣмъ невозможною. Таково н. п. сіе высокое сопряженіе понятій у *Державина:*

Я Царь, я червь, я рабъ, я Богъ!

Такъ царственный Пророкъ изображаетъ быструю скоротечность счастія нечестивыхъ симъ по истинѣ божественно-оригинальнымъ образомъ, поражающимъ дивно сердца всѣхъ:

Видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія: и мимо идохъ и — се не бѣ! (Пс. XXXVII, 35.)

Сія высокая мысль не потеряла ни сколько своей силы, бывъ усвоена двумя изъ знаменитѣйшихъ нашихъ Стихотворцевъ и представлена каждымъ изъ нихъ въ собственной своей, равно высокой, формѣ; именно — *Мерзляковымъ*:

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло:
Сего дня смотрятъ — блескъ исчезъ!

и *Жуковскимъ*:

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ
И мнилъ: земли имъ мало!
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ — враговъ не стало!»

Само собою разумѣется, что употребленіе всѣхъ исчисленныхъ теперь качествъ,

составляющихъ сущность *высокаго* стиля, должно быть управляемо благоразумiемъ и заключаться въ должныхъ границахъ. *Omne nimium nocet*: и посему каждое изъ трехъ представленныхъ совершенствъ рѣчи, бывъ простерто сверхъ мѣры, обращается въ порокъ, не токмо несовмѣстный съ *Высокимъ*, но даже отнимающiй у рѣчи всякую прелесть, занимательность и превращающiй ее въ скучное пустословiе. *Краткость*, простертая до излишества, производитъ *темноту*; *простота*, несодержимая въ надлежащихъ границахъ, обращается въ *низость* и *вялость*; *сила*, распростертая сверхъ всякой мѣры и неуправляемая благоразумiемъ, раждаетъ *надутость* или *напыщенность*. Сихъ трехъ подводныхъ камней наипаче долженъ избѣгать художникъ въ *Высокихъ* изображенiяхъ: ибо они сколько пагубны, столько и непримѣтны для недальновиднаго взора. Такъ разсуждаетъ о семъ великiй законодатель вкуса *Горацiй*, оправдавшiй вѣрность началъ своихъ собственными генiальными произведенiями:

Decipimur specie recti. Brevis esse laboro,
Obscurus fio. Sectantem levia, nervi

Deficiunt animique. Professus grandia turget;
Serpit humi, tutus nimium timidusque procellae.

Н. Н.

Бѣлой Омутъ.
1828.

Борскій, соч. А. Подолинскаго. (С. П. Б. въ типографіи Х. Гинца. 1829.)

Nunc satis est dixisse: «ego mira poëmata pango!»
Horat.

Еще новые роды на нашемъ Парнассѣ: еще новая *романтическая* поемка! — Отъ всего сердца поздравляемъ Русскую Поезію! Ея *епическое* богатство приумножается безпрестанно: оно растетъ не по днямъ, а по часамъ! — Не успѣли еще мы износить *Дурацкаго колпака*, осмотрѣться въ *Пещерѣ Кудеяра*, побесѣдовать съ *Марьей Власьевной Томской* и *Фроломъ Савичемъ Калугинымъ*, прогуляться съ *Бала* на кладбище и совершить вторично шумную ночную експедицію съ *Графомъ Нулинымъ* — какъ на небосклонѣ Словесности нашей выкатывается новое

романтически-епическое свѣтильце — *Борскій!* . . Не наводя кріпическаго телескопа, литтературные верхогляды по одному наружному виду могущъ легко догадаться, къ какой системѣ принадлежитъ сія новая блестка, и вокругъ какого солнца она вращается. Ето есть также небольшое галантерейное стихотвореньице, изукрашенное, *по обычаю,* всѣми прелестями типографическаго искусства! Тонкая веленевая бумага, живописный шрифтъ, сіяющая обертка — все показываетъ, что *Борскій* есть достойный сопутникъ *Евгеніевъ.* — Налюбовавшись досыта его внѣшнею доброзрачностью, мы позволяемъ себѣ теперь заглянуть и внутрь его сквозь стекло кріпики. Работа для глазъ не очень легкая! . . На *осмидесяти двухъ* тоненькихъ страничкахъ, составляющихъ всю матеріальную толщу сей поемки, умѣщаются цѣлыя *двѣ* части, состоящія изъ *двѣнадцати* главъ. Ето стоитъ публикуемыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ чтеній, уписываемыхъ на пространствѣ серебрянаго пятикопѣешника! . . Но — дѣлать нѣчего! На чтожъ и глаза, какъ не на то, чтобы смотрѣть и *видѣть?* —

Борскій есть *романтическая поемка!* Такъ по крайней мѣрѣ предполагаемъ пока называть всѣ подобныя поетическія произведеньица, въ коихъ необузданное самовластіе генія посмѣевается всѣмъ доселѣ существовавшимъ размежеваніямъ поетическаго міра. Не смотря на смѣшеніе всѣхъ родовъ поезіи, составляющее отличительный характеръ таковыхъ *поемокъ,* не льзя однакожъ не различить, что во всѣхъ ихъ *разсказъ* составляетъ канву, изузориваемую *лирическими* цвѣтами и *драматическими* картинами. Ето даетъ имъ рельефъ *епическій!* . . Да не оскорбляются тѣни Гомеровъ и Виргиліевъ! *Βατραχομυομαχία* и *Culex* развѣ не слывутъ *Епопеями*? . . Шутки на сторону! Но — такой *епической* урожай на безплодной почвѣ нашей литтературы заслуживаетъ вниманіе. Было время, когда наши поеты, упоенные *лирическимъ* одушевленіемъ, за недостаткомъ лиръ, бренчали даже на балалайкахъ — и все . . . *лирически*? . . *Одамъ* и *Гимнамъ* — продору не было! Не проходило ни одного храмоваго праздника, который не былъ бы воспѣтъ приходскимъ рифмачемъ въ торжественной *одѣ;* не случалось ни одного благодар-

ственнаго молебствія — хотя бы то было послѣ долговременнаго безведрія — при которомъ бы звонъ колоколовъ не аккомпанируемъ былъ хорами *Гимновъ*. Вакхическое упоеніе масляничныхъ подвижниковъ проторгалось въ шумныхъ *Діѳирамбахъ*; и печальное безмолвіе чистаго понедѣльника настроивало поетическія души къ заунывнымъ *Елегіямъ*. Все ето прошло, все миновалось! . . . Ни на одной табачной obертке не сыскать теперь заглавнаго имени: *Ода*, — имени, которое приучалась выводить рука всякаго новиціата, посвящающаго себя на служеніе рифмѣ! — *Лирическая* манія, обуевавшая всю нашу литтературу, испустила свой последній вздохъ въ *Балладахъ*, епидемически также свирѣпствовавшихъ на нашемъ Парнассѣ: и съ тѣхъ поръ — переходъ конечно, не очень далекій! — въ Поезіи нашей воцарилось рѣшительно *епическое* направленіе. Что бы ето значило? . . . Не по системѣ ли *плодопеременнаго хозяйства*, економныя Музы, чтобы предотвратить совершенное истощеніе поетической нашей почвы, благоразумно прибѣгнули къ подобному *сѣво-обороту*? . . . Или нѣтъ ли въ національномъ характерѣ нашей Поезіи

особеннаго внутренняго предрасположенія къ *Епопеѣ*? . . Разбирая внимательно метрическія книги поетическаго нашего міра, мы не можемъ не согласиться, что оригинальныя произведенія нашей чисто народной Поезіи носятъ характеръ *епическій*. *Еруслань Лазаревичь*, *Бова Королевичь*, *Илья Муромецъ* — чѣмъ не *Епопеи*? . . Кто знаетъ, не попала ли теперь наша Поезія въ свою колею, и не настоящій ли *Русскій духъ*, укрывавшійся доселѣ въ скромномъ уединеніи посидѣлокъ, нынѣ опять *въ очью проявляется*? . . .

. . . .

Но — ежели *епическое* направленіе, господствующее въ настоящей нашей Поезіи, носитъ признаки національности; то съ другой стороны не льзя также не признаться, что художническое исполненіе произведеній, въ коихъ оное замѣчаемъ, отзывается совершенно *не Русскимъ* духомъ. Наши народныя сказки и присказки отличаются истинно *епическимъ* спокойствіемъ и хладнокровіемъ: онѣ запутываютъ нити приключеній тише, безузорнѣе, животолюбивѣе; не обрываютъ ихъ насильственно, а распутываютъ легохонько, обыкновенною поговоркою ра-

душныхъ нашихъ прадѣдовъ: *«стали жить и поживать, да добра наживать!»* То ли теперь въ нашихъ поемкахъ? . . Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая бы не гремѣла проклятіями, не корчилась судорогами, не заговаривалась во снѣ и на яву, и кончилась бы *не* смертоубійствомъ. Подрать морозомъ по кожѣ, взбить дыбомъ волосы на закружившейся головѣ, облить сердце смертельнымъ холодомъ, однимъ словомъ — бросить и тѣло и душу въ лихорадку. . . . вотъ обыкновенный еффектъ, до котораго добиваются настоящіе наши поэты! *Душегубство* есть любимая тема нынѣшней Поезіи, разыгрываемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: *рѣзанья, стрѣлянья, утопленичества, давки, замороженья* . . . et sic in infinitum! Самый изобрѣтательнѣйшій инквизиторъ вѣка Филиппа II подивился бы неистощимому разнообразію убійствъ и самоубійствъ, измышляемыхъ настоящими геніями въ услажденіе и назиданіе наше! — Сей поэтической кровожадности, составляющей отличительную черту нашего литтературнаго вѣка, не смотря на наружную свою миловидность, не чуждъ и — *Борскій!* Его содержаніе есть слѣдующее.

Владимiръ Борскiй любитъ *Елену*, происходящую изъ рода враждебнаго и ненавистнаго *Борскимъ*. Отецъ *Владимiровъ* не благословляетъ страсти сей: и несчастный три года скитается по Европѣ съ безнадежно болящей душею. Возвратившись домой, онъ не застаетъ въ живыхъ отца; но получаетъ изъ рукъ *священника*, присутствовавшаго при его кончинѣ, письмо, заключающее въ себѣ прощенiе *Владимiру*, если онъ не будетъ мыслить объ *Еленѣ*, и — *проклятiе*, если послѣдняя воля отца не будетъ для него священна. *Владимiръ* не можетъ противиться искушенiю любви, распаленной еще болѣе увѣренностью въ нерушимой *Елениной* вѣрности. Онъ женится: но — въ самый часъ вѣнчанiя совѣсть пробуждается въ груди виновнаго. Онъ смущается, трепещетъ; съ мрачнымъ безчувствiемъ отвѣчаетъ на первое лобзанiе юной супруги, и — *Елена* съ перваго дня брака разочарована! Она преслѣдуетъ своими подозрѣнiями *Владимiра*: и въ омраченномъ сердцѣ его на подозрѣнiя откликаются подозрѣнiя. Въ одну несчастную ночь, когда сонъ бѣжалъ отъ возмущеннаго ревностiю *Владимiра*, *Елена*

. . . . Вдругъ встаетъ . . .
Какъ призракъ, въ сумракѣ проходитъ;
И тихо стала у окна —
Все видитъ *Борскій* — онъ не сводитъ
Съ нее дозорливыхъ очей,
Онъ притаился, онъ чуть дышетъ —
Вотъ слышитъ шопотъ — и яснѣй;
Потомъ *Елены* голосъ слышитъ:
«Мой другъ! постой! постой! побудь
Со мной еще одно мгновенье!
Позволь прижать уста и грудь
Въ послѣдній разъ! — мое моленье
Ты отвергаешь — ты молчишь!
Жестокій! Стой! куда бѣжишь?
Я за тобой готова всюду;
Какаябъ ни была страна,
Тебя преслѣдовать я буду!» (69)

Владиміръ, изступленный, бросается на свою жертву. По несчастію *мѣсяцъ* освѣтилъ *висящій надъ нимъ кинжалъ*.

Стой! грянулъ голосъ — стой, не далѣ!
И вотъ сверкнуло лезвее
И кровь Елены на кинжалѣ —
И рана въ сердцѣ у нее! (70)

Убійца вторгается въ хижину *священника*, прерываетъ его благочестивыя размышленія на мирномъ ложѣ и получаетъ отъ него изъясненіе ужаснѣйшей тайны:

. . . . Твоя жена
Невинна! знай: — была она —
Лунатикъ. . . . (76)

Всѣ конечно ахнутъ; всѣ воскликнутъ съ *Борскимъ*:

Лунатикъ! . . . (*Ib.*)

И мы должны будемъ, пожавъ плечами, повторить отвѣтъ *Священника*:

Знае*мъ* —
Ударъ жестокій доверша*емъ* —
Но *мы* не *лжемъ* — свидѣтель Богъ! . . . (*Ib.*)

Мудрено ли послѣ того, что *Владиміра* нашли подъ снѣгомъ замерзшаго у могилы *Елены*? . . У кого не застынетъ и среди жаркаго лѣта кровь въ жилахъ при столь ужасной катастрофѣ? — Зарѣзать добрую жену — ни за что, ни про что! . . Воля ваша, Гг. Романтики! — а жаль, что не существуетъ поэтической *Уголовной палаты!* . . . .

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

СМѢСЬ.

Въ типографскій ящикъ Сына Отечества и Сѣвернаго Архива (*).

1. *Образчикъ наказаннаго обезьянства.*

Разсказываютъ, что однажды обезьяна, вздумавъ передразнить брившагося своего хозяина, изрѣзала себѣ все рыло. То же случилось съ одной изъ *особъ*, *желающихъ сохранить строгое инкогнито*, коея лепта, ввергнутая въ хозяйственный ящикъ Издателей С. О. и С. А., изгребена ими оттолѣ съ такимъ сердечнымъ радушіемъ. Сіе таинственное существо, желая передразнить *правописаніе и слогъ Вѣстника Европы*, обличило собственное свое невѣжество не только въ правописаніи, но и въ правоглаголаніи и въ правомысліи. Оно называетъ В. Е. *Ессѳетическимъ*, какъ бы желая вознаградить настоящее разсугуб-

(*) Не имѣя возможности адресоваться лично къ новоявленному *типографскому ящику* Издателей С. О. и С. А. и не желая притомъ *сохранять строгое инкогнито*, я прошу всякаго, кому позволенъ доступъ къ таинственной корванѣ, потрудиться вметнуть въ нее сіе малое приношеніе. Можетъ быть найдутся нѣкоторые *любители словесности*, для которыхъ не *безполезно* будетъ найти оное въ сору *типографскаго ящика*. По крайней мѣрѣ я отъ всего сердца желаю, чтобы они имъ *воспользовались*.

Н.

ніе *Сына Отечества* и *Сѣвернаго Архива* усугубленіемъ *свистящей* согласной: *С*; принимаетъ въ простотѣ и незлобіи сердца *ѵссопъ* — растѣніе, употреблявшееся у Евреевъ для кропленія — за ликеръ, перегоняемый изъ струй *Іппокрены*; претыкается, или хочетъ преткнуть другихъ, *вопросительнымъ знакомъ* объ именительный падежъ множественнаго числа женскаго рода (*) мѣстоименія личнаго *онѣ*, согласеннаго съ предидущимъ существительнымъ именемъ *правилъ*, въ силу всѣхъ *пространныхъ*, *сокращенныхъ*, *краткихъ* и *кратчайшихъ* Русскихъ грамматикъ. *Не смѣйся молодецъ сестрицѣ — своя дѣвица!*

2. *Отвѣты Екс-Студента Надоумка Г-ну Рыцарю хозяйственнаго ящика.*

Милостивый государь мой! Хотя я и не могу доселѣ еще добраться, по какому праву благоугодно вамъ было почтить меня столь обстоятельнымъ допросомъ о всемъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ моемъ; не смотря на то, спѣшу удовлетворить сколько возможно любопытство ваше, въ надеждѣ, что и вы не откажетесь отплатить мнѣ равнымъ снисхожденіемъ. Вмѣняя себѣ въ удовольствіе подражать *меѳодѣ*, коей почитаю васъ *корѵѳеемъ* (**), спѣшу приставить отвѣты къ вашимъ почтеннымъ вопросамъ:

(*) Да не осудятъ насъ въ грамматической маніи! Что дѣлать! Мы имѣемъ дѣло съ *грамматѣями!* *Н.*

(**) *Вѣстникъ Европы* въ правописаніи слѣдуетъ опредѣленнымъ правиламъ, о которыхъ не легко сообщить ясное понятіе г-ну Рыцарю *ящика*. Онъ не пишетъ никогда: *Корѵѳей*, *Омиръ*, *дѵсармоническій*. А почему... Отгадай самъ — не скажу! *Н.*

Вопросъ. За чѣмъ поселились вы на Патріаршихъ прудахъ, да еще и съ почтеннымъ вашимъ дядюшкой, которому стукнуло пятьдесять лѣтъ, и съ двоюродной вашей сестрицей, которой невступно еще шестнадцать?

Отвѣтъ. За тѣмъ что мнѣ такъ захотѣлось, государь мой! Между нами будь сказано, я человѣкъ со слабостями: имѣю свои прихоти, хотя и небольшія. Люблю пугать *грачей*, которые водятся больше по захолустьямъ, и бить острогою *сомовъ* и *Булгарскихъ* угрей, до которыхъ я страстной охотникъ. Пока еще въ Москвѣ у насъ стоитъ холодъ, *грачи* не прилетали, и *Булгарскіе* угри и *сомы* подо льдомъ кроются. Но живы будемъ — дождемся весны, и тогда я надѣюсь потѣшиться въ свое удовольствіе; о чемъ не премину увѣдомить и васъ, какъ принимающаго во мнѣ сердечное участіе. Любопытство ваше касательно моего дядюшки, которому стукнуло пятьдесять лѣтъ, и двоюродной моей сестрицы, которой невступно еще шестнадцать — для меня что-то подозрительно. Не вздумалось ли вамъ сдѣлать спекуляціи на преклонный возрастъ перваго и на невступныя шестьнадцать лѣтъ дѣвочки? . . . Въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ, по расположенію моему къ вамъ, предувѣдомить васъ, что сіи спекуляціи не принесутъ вамъ такого барыша, какъ литтературныя. Мой дядюшка настоящій Гарпагонъ; а моя сестрица сердитѣй Натальи Павловны. Не мудрено будетъ и вамъ *облизнуться.*

В. За чѣмъ, когда сами вы думаете, что помянутая ваша сестрица можетъ быть соблазнена демономъ дѣвическаго любопытства, за чѣмъ держите вы тамъ повѣсть Пушкина *Графъ Нулинъ*, въ незапертомъ бюро?

О. Не безпокойтесь, сударь! не безпокойтесь! Держалъ я тамъ ее прежде, а теперь не держу болѣе. Держалъ же за тѣмъ, чтобъ имѣть всегда подъ руками, для раскуриванья моей трубки. Надобно вамъ знать, что я страстной охотникъ до табаку и не выпускаю изо рта трубки. Бюро же у меня такое уютное, такое укладистое: ящиковъ куча! Изъ нихъ я выбралъ одинъ для помѣщенія письменныхъ и печатныхъ листковъ, назначаемыхъ мной для домашняго обихода. Тамъ-то лежалъ нѣкогда и блажной памяти *Графъ Нулинъ*, ожидая своей очереди: и я въ сію самую минуту вытаскиваю оттуда 252 страницу 11 No С. О. и С. А. на нынѣшній 1829 годъ, и, во здравіе ваше, закуриваю имъ свою корневую трубку въ серебряной оправѣ, на которой вырѣзано мудрое правило: *мечи соръ въ огонь!* Помянутая сестра моя благодаритъ васъ за нѣжное участіе, принимаемое вами въ охраненіи ея отъ всякаго соблазна и искушенія.

В. За чѣмъ, если у вашаго бюро нѣтъ замка, не купите вы его?

О. О! государь мой! государь мой! какъ вы заботливы о малѣйшихъ бездѣлкахъ, до меня касающихся!... Ето дѣлаетъ честь вашему сердцу. Но — успокойтесь! ваши заботы не имѣ-

ютъ основанія. Вы вѣрно *обоглись* немножко. Мое бюро только что *не запирается:* а у него есть замо̀къ — и замо̀къ прекрасный. Но — увы! можно ли на что̀ положиться на свѣтѣ? . . . . Етотъ замокъ, изъ замковъ замо̀къ, чудо - замо̀къ — свернулся, испортился! Ключь вертится въ немъ на обѣ стороны: щелкаетъ — да и только, а дѣла ни на волосъ! Довершите ваше доброжелательство ко мнѣ, указавъ мнѣ хорошаго слѣсаря, который бы направилъ его на истинный путь. Повѣрьте — я бы въ долгу у васъ не остался! —

В. За чѣмъ, если у васъ нѣтъ денегъ на покупку, не берете вы съ Издателя Вѣстника Европы платы за ваши критическія статейки?

О. Помилуйте, помилуйте, благодѣтель мой! ето уже начинается другая пѣсня! Ахъ! я простакъ, простакъ! и не примѣтилъ, что ко мнѣ обувшись въ ротъ лѣзутъ! . . . Мнѣ все думалось съ простоты, что ети распросы происходятъ отъ доброжелательства и расположенія; а меня хотятъ лишь вывѣдать! . . . Нѣтъ, государь мой! етаго вамъ не удастся. Я начинаю теперь понимать васъ. Такъ вамъ, безъ шутокъ, нужно знать, не получаю ли я платы съ Издателя В. Е. за мои критическія статейки, и навѣрное уже, поскольку именно за каждую? Понимаемъ! . . . Грозите критиками, сулите похвалы — новымъ Поетамъ и Поемкамъ: но оставьте въ покоѣ смиреннаго Екс-Студента, трудящагося по возможности для общей пользы, не изъ постыднаго корыстолюбія! — Не всѣ вѣдь купцы: не всѣ торгуютъ литтературою! —

В. За чѣмъ ходите вы, съ *Патріаршихъ прудовъ*, въ дурное общество, каково описанное вами подъ именемъ *Сонмища Нигилистовъ?*

О. Вотъ уже и начинаются придирки!... «Онъ-де ходитъ въ дурное общество — въ *Сонмище Нигилистовъ:* стало быть онъ и самъ *Нигилистъ!*» — Е! государь мой! побойтесь Бога! За чтожъ оглашать такъ честнаго человѣка!... Вѣдь вы сами знаете, что я тамъ былъ не по собственной волѣ: меня затащилъ туда вѣтренникъ *Флюгеровскій*, который не знакомъ ли полно и съ вами. Притомъ же, что̀ и за бѣда, если я побывалъ тамъ однажды? ... Право, *Нигилистическаго* ничего ко мнѣ не пристало!.... Еслибъ случилось мнѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, забрести какъ нибудь въ то почтенное общество, которое вы собой украшаете; то не уже ли бы я въ одинъ разъ напитался тамъ вашимъ духомъ и возвратился оттуда *Рыцаремъ ящика?* ... У меня, слава Богу! натура не имѣетъ особеннаго предрасположенія къ епідеміи! —

В. За чѣмъ подслушиваете тамъ всякой вздоръ, за чѣмъ помните его, и пухлымъ, дурнымъ слогомъ передаете другимъ?

О. Охъ! почтеннѣйшій мой! да какъ же не слышать того, что̀ силою лѣзетъ въ уши? Вѣдь вы, чай и нѐ хотя, слышите же теперь мои отвѣты, равно какъ и я слышалъ ваши вопросы. Въ наши времена, отъ вздора ушей не назатыкаешься! — «*За чѣмъ помните его?*» — Странной вопросъ! Затѣмъ, что имѣю памяти. — Чтожъ касается

до моего слога, который имѣлъ несчастіе показаться вамъ *пухлымъ* и *дурнымъ;* то я очень жалѣю, что доселѣ не имѣлъ удовольствія быть короче знакомымъ съ вами и научиться у васъ секрету измождать краснорѣчивой чахоткой пухлый слогъ свой. Прекрасная фигура *Единоначатія*, продолженная столь искусно въ предлагаемомъ мнѣ вами допросѣ, ручается за вашу глубокую опытность въ Словесности. Что̀ дѣлать? Прошедшаго воротить не льзя. Примемъ благоразумнѣйшія мѣры на будущее! —

В. За чѣмъ перенимаете у Чадскихъ, Угаровыхъ, Вѣтрогоновыхъ et autres gens de cet acabit, грубыя мужицкія поговорки, площадныя выраженія, шутовскую игру словъ и другія замашки дурнаго тона?

О. Е! любезнѣйшій! любезнѣйшій! Вы походите теперь на человѣка, который, зарекшись клясться, обыкновенно говаривалъ: «нѣтъ! я никогда не клянусь! ей Богу, никогда не клянусь! будь я проклятъ, никогда не клянусь!» — Съ позволенія вашего, вы упрекаете меня въ употребленіи грубыхъ мужицкихъ поговорокъ — еще болѣе грубою мужицкой рѣчью. Етакъ между добрыми людьми не водится! Прежде чѣмъ другихъ учить, надобно самому выучиться! — Да и что̀ ето за *площадныя выраженія*, оскорбившія такъ чувствительно нѣжный слухъ вашъ?... *Фальшивыя потуги!* — Ето слово, не въ осудъ вашей милости, доводилось мнѣ не рѣдко слыхать на паркетныхъ *площадяхъ* гостиныхъ, отъ многихъ почтенныхъ дамъ, испытавшихъ на себѣ печальныя

слѣдствія проклятія, заслуженнаго прабабушкой нашей Евою. Развѣ не приняли ли вы етаго слова въ другомъ какомъ смыслѣ? Въ такомъ случаѣ виновато ваше чутье, которому вездѣ чуется *площадное*! — Чтожъ касается до прочихъ, засеквестрованныхъ вами выраженій; то ето не что иное, какъ старинныя присловія и поговорки нашихъ добрыхъ дѣдовъ, которыхъ отнюдь не должно стыдиться и презирать, но которыя напротивъ слѣдуетъ чтить и хранить, какъ родное наслѣдственное наше богатство. Такъ по крайней мѣрѣ — я думаю! У васъ свой царь въ головѣ: и ни кто не мѣшаетъ вамъ быть покорнымъ его слугою! —

В. За чѣмъ все ето набираете вы въ ваши критики, и щеголяете такими диковинками въ Вѣстникѣ Европы?

О. Ето правда, почтеннѣйшій мой! сущая правда! — Мои крітики суть точно диковинки въ наше время: потому что въ нихъ слышится голосъ истины, слишкомъ рѣдко раздающійся нынѣ на литтературныхъ торжищахъ. Гдѣжъ бы вы мнѣ посовѣтовали лучше пощеголять етими диковинками? Ужь не въ *Сынѣ* ли *Отечества* и *Сѣверномъ Архивѣ?* . . . Въ такомъ случаѣ, сами вы можете согласиться, что ихъ *пухлость* потѣснила бы не на шутку *кащейскую сухощавость* вашихъ замѣчаній! —

Сдѣлавъ всевозможное удовлетвореніе вашему любопытству, я позволяю себѣ въ свою очередь предложить и вамъ нѣкоторые вопросы:

А. За чѣмъ вы, объявивъ себя столь ревностнымъ поборникомъ правописанія, учинили орѳографическое насиліе моему фамильному имени, превративъ *Надоумко* въ *Недоумко?* . . . Зная, сколь вы *велики на малыя дѣла*, я не думаю, чтобы ето была простая описка. Не хотѣлось ли вамъ блеснуть етѵмологическимъ остроуміемъ?.. Можетъ быть, вы хотѣли намекнуть тѣмъ, что я долженъ буду *недоумѣвать* о томъ, кто вы таковы? .. Но я увѣряю васъ, что по вашему полету безошибочно можно догадаться, что̀ вы за птица! — Или не намѣревались ли вы тѣмъ вразумить меня, что я *недоумѣю* сговорить съ вами и перекричать васъ? . . Но ето должно будетъ показать время и опытъ! — Хотѣлось бы мнѣ объ етомъ повѣрнѣй *надоумиться*! —

Б. За чѣмъ вы, великій мужъ Букваристики, не пощадившій, въ пылу грамматоманскаго своего гнѣва, невиннаго мѣстоименія *онѣ*, за чѣмъ вы сами чините уголовное преступленіе противъ Грамматики? за чѣмъ бѣдное мое имя, кончащееся на О и слѣдовательно принадлежащее по новой грамматической сѵстемѣ ко *второму* склоненію, склоняете по *третьему?* . . Вѣдь я не женскаго рода! .. Развѣ не нашли ли вы исключенія на мое имя въ небывалой Грамматикѣ *Іоанна Дамаскина*, коея Славянскій переводъ, сдѣланный будто бы въ X вѣкѣ несуществовавшимъ никогда *Іоанномъ, Екзархомъ Болгарскимъ* (*), извѣстенъ почтенному

(*) Зри *Добровск.* Кириллъ (слѣдовало бы Кѵріллъ) и Меѳодій. Москва. 1825, стран. 43.

творцу разныхъ Русскихъ Грамматикъ (*)... Или, что гораздо вѣроятнѣе, можетъ быть, вамъ не понравилось то, что дательный падежъ, въ какомъ надлежало вамъ употребить настоящее мое имя, по удивительной игрѣ случая, представляетъ истину, не очень для васъ приятную: *«Надо умку! Надо умку!»* — Какъ бы то ни было, все однако, мнѣ кажется, не слѣдовало бы вамъ такимъ образомъ насиловать чужое имя. —

В. За чѣмъ вы, думая удружить типографскому *ящику* Издателей С. О. и С. А., неумышленно вредите ихъ економическимъ интересамъ? . . . Объявляя гоненіе на круглобрюхую Ѳ и распрубистую Ѵ, вы забываете, что одинъ изъ Издателей С. О. и С. А. имѣетъ собственную типографію; и что если голосъ вашъ принятъ за голосъ орѳографическаго оракула, бѣдныя *ѳ* и *ѵ*, коими по несчастію обремененъ алфавитъ нашъ, должны будутъ залеживаться въ кассахъ безъ всякаго употребленія, слѣдственно оставаться мертвымъ капиталомъ и неприносить никакого доходу; ибо, извольте разсудить, часто ли встрѣчаются слова *Сѵнодъ* и *мѵро*, въ коихъ корректоры терпятъ забытую букву *ѵ*? — Такъ то излишняя услужливость обращается во вредъ принимающимъ оную — не между одними только *пустынниками* и *медвѣдями!* —

Здѣсь конецъ моимъ pourquoi! Благосклонные ваши на нихъ отвѣты будутъ служить для

(*) Зри *Простр. Русс. Граммат.* т. I, с. 41.

меня доказательствомъ вашего ко мнѣ расположенія и желанія продолжить начинающееся между нами знакомство. За любовь вашу не премину платить равною любовію.

Вашъ покорный слуга
Екс-Студентъ *Н. Надоумко.*

Москва.
Марта 26,
1829.
На Патріаршихъ
Прудахъ.

P. S. *Пигмаліонъ Амфиѳеатровъ*, послужившій вамъ къ столь удачному и живописному сравненію, со мной еще не видался. При первомъ случаѣ я не умедлю извѣстить его о вашемъ къ нему вниманіи.

Выписки.

1. *Обрядъ избранія въ Папы* (*).

По сочтеніи и повѣркѣ голосовъ прежнихъ и вновь объявленныхъ, старшій Кардиналъ-Епископъ провозглашаетъ имя избраннаго Папы; посаждаетъ его на уготованномъ престолѣ; вручаетъ

(*) Окончаніе статьи, коей начало въ предыдущей книжкѣ, смотр. стран. 73.

ему перстень Рыбаря, и вопрошаетъ новаго Первосвятителя, какое имя онъ желаетъ себѣ присвоить. Послѣ того первый изъ Кардиналовъ-Діаконовъ открываетъ окно, показываетъ крестъ народу и произноситъ громогласно: Annuntio vobis gaudium magnum: Papam habemus; reverendissimus dominus Cardinalis N . . . electus est in summum pontificium, et elegit sibi nomen N . . . (т. е. возвѣщаю вамъ радость великую: Папу имѣемъ; достопочтеннѣйшій господинъ Кардиналъ N . . . избранъ на верховное первосвятительство, и принялъ себѣ имя N . . .)

Непосредственно за тѣмъ Кардиналы-Діаконы, снявъ съ новоизбраннаго обыкновенную одежду, облекаютъ Святаго Отца въ санъ Первосвященническій, состоящій на ту пору изъ бѣлой длинной робы, изъ червленныхъ сандалій со златыми на нихъ крестами, изъ червленнаго же пояса съ золотою бляхой и проч. Папа возсѣдаетъ на томъ же престолѣ и пишетъ рѣшенія свои на многихъ прозьбахъ; непосредственно за тѣмъ Святаго Отца облекаютъ въ багряную мантію и возлагаютъ на главу его драгоцѣнную митру.

Обрядъ поздравленія совершается слѣдующимъ образомъ. Папа возсѣдаетъ на престолѣ; всѣ Кардиналы по старшинству подходятъ къ нему, произносятъ поздравленіе, лобызаютъ ногу его, руку и уста.

Въ продолженіе сего обряда отворяются всѣ двери Конклава; ломаютъ и разрушаютъ всѣ перегородки, всѣ стѣны, которыми задѣланы были входы, двери и окна. Солдаты входятъ въ Конклавъ безъ всякаго порядка, съ шумомъ; берутъ и грабятъ все, что́ ни найдутъ изъ вещей, принадлежащихъ новому Папѣ; а народъ расхищаетъ домъ его. Изъ Конклава новаго Папу несутъ въ церковь Св. Петра, въ сопровожденіи канониковъ и пѣвцовъ сего храма, которые во время шествія поютъ: Ecce Sacerdos magnus (се Іерей великій). По прибытіи въ церковь Св. Петра поютъ: Te Deum (Тебе Бога хвалимъ).

Новый Папа посаждается тогда на своемъ престолѣ въ церкви Св. Петра, гдѣ Кардиналы, Епіскопы, Прелаты и другія знатныя особы воздаютъ ему должное поклоненіе въ присутствіи всего народа. По окончаніи обряда, Папа даруетъ общее разрѣшеніе, и благословляетъ всѣхъ предстоящихъ. Спустя мало времени потомъ, его несутъ во дворецъ.

Послѣ сего перваго и главнаго обряда, которымъ совершается избраніе (ибо въ утвержденіи нѣтъ никакой нужды) наступаетъ другой — именно обрядъ посвященія въ Папы, если избранный непринадлежитъ къ чину Епіскоповъ; въ противномъ случаѣ приступаютъ прямо къ коронаціи — обряду, независящему отъ избранія, и кото-

рой относится болѣе къ сану Государя, нежели Первосвященника. Папа вѣнчается обыкновенно спустя восемь дней послѣ избранія, и въ продолженіе сего времени онъ не отправляетъ своей должности и ничѣмъ не распоряжаетъ; слѣдственно междуцарствіе до толѣ не прекратилось. Обрядъ вѣнчанія совершается въ томъ же храмѣ Св. Петра съ великою пышностію; нѣсколько разъ начинаютъ производить пальбу съ крѣпости Св. Ангела, а ввечеру весь городъ освѣщается яркими огнями.

2. *Опасенія Французскихъ классиковъ.*

«Слышу ежедневные вопли о томъ, что надобно поддержать достоинствó Французскаго Театра (du Théatre Francais); ибо оно уже на краю опасности. Но кто въ состояніи опредѣлить, гдѣ начало, гдѣ конецъ етому достоинству? Если принять слово въ строгомъ его значеніи, то уже надобно согнать со сцены и *Пурсоньяка*, *Мѣщанина во дворянствѣ* и *Больнаго по воображенію*. Что̀ за важность, что̀ за достоинство? Въ самой вѣкъ Лудовика XIV, послѣ прекрасныхъ сценъ *Андромахи*, *Цинны*, *Тартюфа* какими фарсами не забавляли сановитыхъ царедворцевъ? Пускай себѣ Театръ смѣшитъ публику, ни сколько не боясь унизить благородныхъ предковъ. Истинное, прямое достоинство Театра — забава. Бы-

ло время, когда дворяне, вмѣняя въ безславіе себѣ заниматься торговлею, умирали съ голоду; теперь они же принимаютъ участіе въ выгодахъ отъ мануфактуръ, отъ заводовъ, и—набогащаются. Поучительный примѣръ для Французскаго Театра! Захочетъ ли онъ пользоваться выгодами отъ фабрики піесъ занимательныхъ — сдѣлаетъ свою фортуну; оградится ли своимъ арістократическимъ чванствомъ — будетъ голодать въ благородной своей бѣдности. Перейдемъ теперь къ романтизму. . . Не пугайтесь, читатели: я нестану объ немъ распространяться, во первыхъ потому что самъ хорошенько его не понимаю, а во вторыхъ потому, что добрымъ людямъ и безъ того уже страшно надоѣли безполезные объ немъ толки. Скажу лишь, что если публика желаетъ новаго, хотя бы то было и во вредъ такъ называемому хорошему вкусу; если неправильную, своеобразную литтературу Шекспира и Шиллера предпочитаетъ благороднымъ, умнымъ твореніямъ Корнеля и Расина — пускай. етотъ потокъ идей преходящихъ стремится путемъ естественнымъ, и его никакъ останавливать недолжно: его не остановятъ ни прошенія на имя Короля, ни представленія въ Палаты. — И о какомъ посредничествѣ Его Величества теперь хлопочутъ? Король щедротами своими покровительствуетъ искусства; публика судитъ ихъ. Королю свой-

ственно издать военный Уставъ; партеръ воленъ сочинить уставъ драматическій. Можно ли просить Государя, чтобъ онъ однимъ ударомъ скипетра своего сокрушилъ романтизмъ, а другимъ возвратилъ жизнь классической системѣ? Если большинство публики останется при любезномъ своемъ романтизмѣ, что̀ въ такомъ случаѣ дѣлать Коронѣ? Не уже ли вышлетъ она Королевскую гвардію усмирять приверженцевъ Шекспира? Не уже ли отрядитъ баттарею артиллеріи, съ тѣмъ чтобы подкрѣпить ѳеорію Лагарпа? Противники новой школы, если хотятъ они разрушить нетвердыя основанія етой школы, должны отнестись съ прошеніемъ своимъ не къ Королю, а къ публикѣ: т. е. представить ей хорошую трагедію. Но пока етаго еще не сдѣлано, охотники до зрѣлищь не перестанутъ забавляться картиною Двора *Генриха III* и брать участіе въ любовныхъ приключеніяхъ Дюшессы де Гизъ.» (Извѣстно, что новая ужасно-романтическая трагедія *Генрихъ III*, нынѣ любимая піеса въ Парижѣ, до того разсердила нѣкоторыхъ писателей, что они нашли себя въ необходимости вступиться за честь литтературы и подать Королю жалобу на романтическое своевольство: по сему поводу написана журнальная статейка, изъ которой предложено выше извлеченіе.)

3. *Результатъ наблюденій надъ самовозгорающимся тѣломъ живаго человѣка.*

Люди, умершіе отъ самовозгорѣнія, *большею частію* были изъ числа пристрастившихся къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Бѣдствіе сіе постигаетъ впрочемъ гораздо рѣже мущинъ, чѣмъ женщинъ, и между послѣдними подвержены оному почти всегда пожилыя; есть однако же примѣръ, что одна семнадцатилѣтняя дѣвушка внезапно сгорѣла. Самовозгорѣніе случается больше зимою, нежели лѣтомъ, и имъ обыкновенно истребляется все тѣло; впрочемъ оно *можетъ* быть и частнымъ. Огонь распространяется мгновенно и въ немногіе часы пожираетъ все тѣло, при чемъ страждущій ощущаетъ въ себѣ жаръ чрезвычайный; туловище и внутренности бываютъ обыкновенно добычею пламени; руки, ноги, черепъ, напротивъ того, по большей части остаются. Совершенно никакихъ нѣтъ доказательствъ, чтобы при возгорѣніи въ подобныхъ случаяхъ участвовали тѣла посторонніи, и всѣ обстоятельства свидѣтельствуютъ противное; замѣчательно, что и вода не только не служитъ здѣсь угасительнымъ средствомъ, но по видимому еще болѣе она питаетъ пламень. Огонь пылаетъ внутри тѣла, когда снаружи совсѣмъ его невидно. Чтобы превратить обыкновеннымъ образомъ трупъ въ золу,

для того потребно значительное количество дровъ. При самовозгорѣніи же тѣло превращается въ пепелъ, хотя бы вблизи никакого сгараемаго вещества не находилось. И то не менѣе странно, что при одномъ до чрезвычайности рѣдкомъ случаѣ, когда бывшія въ одной комнатѣ двѣ особы сгорѣли обѣ вмѣстѣ, огонь ни до какихъ вещей или приборовъ не прикоснулся. При полномъ самовозгорѣніи донынѣ еще ни одинъ человѣкъ не могъ быть избавленъ отъ смерти; но при частномъ оказанная помощь иногда имѣла свое дѣйствіе. Послѣ сгорѣвшаго тѣла обыкновенно остается жирной пепелъ и марка сажа весьма неприятнаго, далеко распространяющагося запаха, которымъ напитываются стѣны и всѣ приборы въ комнатѣ.

(Изъ разн. Журн.)

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Со времени бывшаго въ Лиссабонѣ 1755 года большаго землетрясенія городъ сей неиспытывалъ такихъ бѣдствій, какъ 22-го Февраля мѣсяца. Множество кораблей брошено на мѣль, многіе погибли въ гавани. Съ домовъ сорвало крыши, на церквахъ обрушились куполы; большая часть людей, находившихся на кораблѣ Іоаннъ VI, въ который ударила молнія, убита, а въ церкви Естрельскаго монастыря, наполненной

народомъ, также многіе лишились жизни. Все сіе воспослѣдовало въ самой день торжества по случаю воспоминанія, прибытія Дона Мигуеля въ Португаллію ровно за годъ передъ тѣмъ.

— Съ нѣкотораго времени аресты повторяются довольно часто. 26 Февраля (н. с.) вновь прибыло въ Лиссабонъ 10 повозокъ съ арестантами, которые, судя по виду, должны быть хорошаго состоянія. 3 го Марта въ полдень было схвачено и посажено въ тюрьму 18 Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ пѣхотнаго полка. Передъ тѣмъ за сутки взято было подъ стражу нѣсколько богатыхъ купцовъ. Графиня Фикальо полицейскими солдатами отвезена въ Грилльскій женскій монастырь. Цѣлыя семейства заключены въ тюрьмахъ.

— Лиссабонскою Придворною Газетою объявлено, во всеобщее свѣдѣніе, что Терцейра находится въ блокадномъ состояніи. Есть впрочемъ слухи, что ескадра, посланная Дономъ Мигуелемъ для покоренія упомянутаго острова, была разбита бурею 22 го Февраля, на третій день послѣ отплытія.

Франція.

Слухи не утихаютъ, что Генералъ Мезонъ возвратится во Францію весьма въ непродолжительномъ времени. Въ Морее же останутся артиллерія, корпусъ инженеровъ и три полка пѣхотные. При командирѣ сего корпуса, Генералѣ Шнейдерѣ, Начальникомъ Штаба назначенъ Полковникъ Жюшеро де Сенъ-Дени.

— Изъ Мореи пишутъ, что Полковникъ Фавье въ скоромъ времени возвратится во Фран-

цію, равно какъ и Адмиралъ Риньи, который однакожъ не замедлитъ отправиться обратно въ Левантъ для принятія по прежнему команды надъ Французскимъ флотомъ. Увѣдомляютъ также, что Паша Египетскій снаряжаетъ експедицію противъ острова Кандіи, и съ великою дѣятельностію занимается приведеніемъ флота своего въ состояніе немедленно выступить въ походъ.

Италія.

Священная Коллегія по комплекту должна бы состоять изъ 70 Кардиналовъ, именно: изъ 6 Кард. Епископовъ, 50 К. Іереевъ, 14 К. Діаконовъ; но число сіе рѣдко бываетъ полнымъ. Нынѣ всего навсе считается 58 Кардиналовъ. Младшій изъ нихъ, Ерцгерцогъ Рудольфъ Австрійскій, имѣетъ 41 годъ; старшій, Кардиналъ Феррао, 93 года отъ рожденія. Сіи Князья западной церкви, собравшіеся въ Римѣ, уже составили Конклавъ и занялись великимъ дѣломъ избранія.

Великобританнія.

Наконецъ, 6 Марта, Министръ Внутреннихъ дѣлъ Г. Пиль предложилъ Нижнему Парламенту мѣры, которыя правительство вознамѣрилось принять въ пользу католиковъ. Сущность длинной рѣчи, продолжавшейся болѣе 4 часовъ, состоитъ въ томъ что, по мнѣнію Министра, величіе и благоденствіе Англіи тогда только сдѣлаются непоколебимыми, «когда дозволено будетъ католикамъ засѣдать въ обоихъ Парламентахъ.“ Сверхъ сего Г. Пиль совѣтовалъ допустить ихъ даже къ преніямъ, которыя будутъ происходить въ Парламентѣ «о предметахъ, до господствую-

щей церкви касающихся," и разрѣшить имъ «занятіе всякихъ должностей въ государственой службѣ, исключая Намѣстника въ Ирландіи и Лорда-Канцлера Великобританскаго.»

— Португальскій Генералъ-Лейтенантъ Стубсъ отданнымъ 4-го Марта (н. ст.) приказомъ требуетъ отъ находящихся въ Плимутѣ Португальскихъ выходцевъ, чтобы они въ теченіе 24 часовъ дали отвѣтъ, куда хотятъ отправиться, въ Бразилію, или на островъ Терсейру. Недавшій отвѣта будетъ исключенъ изъ списковъ. Офицерамъ совѣтуютъ ѣхать преимущественно въ Бразилію, гдѣ Императоръ готовитъ експедицію для возвращенія Португальскаго трона своей дочери. По новѣйшимъ письмамъ изъ Ріо Жанейро, тамъ уже назначены корабли для експедиціи противъ Португалліи.

Турція.

Изъ Константинополя увѣдомляютъ отъ 10-го Февраля (н. ст.), что тамъ все пришло въ сильное волненіе, по случаю чрезвычайнаго набора рекрутъ, продолжающагося уже десять дней, для укомплектованія Дунайской арміи. Визирямъ Боснійскому, Сербскому и Албанскому велѣно отправить всѣ войска въ Ливадію, и послать нѣсколько отрядовъ къ Дунаю.

— Въ Арзрумѣ собираются значительныя силы изъ окрестныхъ Пашалыковъ. Увѣряютъ даже, будто бы сынъ Египетскаго Паши долженъ прибыть съ своимъ регулярнымъ войскомъ. — По всему видно, что Турки весьма рано намѣрены

открыть наступательныя дѣйствія. Между тѣмъ они занимаются укрѣпленіемъ Арзрума: углубляютъ рвы, исправляютъ стѣны, дѣлаютъ палисады и строятъ во многихъ мѣстахъ баттареи.

Грецiя.

Отъ имени Президента Грецiи обнародовано 2 го Января постановленіе объ устройствѣ военной части. Французскіе военные законы остаются въ своей силѣ въ регулярныхъ войскахъ, равно какъ и Французская екзерциція. Учреждается рота кадетъ, подъ именемъ Евклипидовъ, коихъ число на первый случай ограничивается пятьюдесятью. Всякой солдатъ обязанъ прослужить три года сряду.

— Военныя дѣйствія въ Ливадіи подъ начальствомъ Князя Ипсиланти идутъ успѣшно.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ гостинницѣ *Лидсъ*, въ Лондонѣ, недавно появилось прибитое къ стѣнѣ слѣдующее воззваніе г-на Кобетта: «Англичане! выслушайте меня! Во времена католическія не было убогихъ въ Англіи. Католики содержали бѣдныхъ, старцевъ, вдовъ, сиротъ, странныхъ, немощныхъ, именно посредствомъ десятины и другихъ доходовъ церковныхъ. Духовенство католическое сооружало и поддерживало храмы посредствомъ десятины и доходовъ церковныхъ же. Въ тѣ счастливыя времена не было податей съ убогихъ людей и съ домовъ рабочихъ. Тогдашними опредѣленіями

Парламента говядина, свинина, баранина и телятина объявлены были всегдашней пищею людей бѣднаго класса. Католиками сооружены всѣ наши каѳедральные соборы, учреждены всѣ наши, донынѣ существующія училища, огромныя человѣколюбивыя заведенія, и онѣ же обезпечены фундушами. Въ католическія времена Англія, не имѣя еще постояннаго войска, завоевала Францію; она удерживала за собою Булонь и Кале до тѣхъ поръ, пока не вступили на тронъ Короли протестантскіе. Въ католическія времена нетребовали пошлинъ съ пива, свѣчь и солода; не имѣли также понятія и объ государственномъ долгѣ. Англичане! разсудите лишь обо всемъ томъ хорошенько, и я увѣренъ, что вы будете дѣйствовать, какъ слѣдуетъ.“

— *Газета Польская* извѣщаетъ о вышедшемъ въ свѣтъ третьемъ томикѣ *Стихотвореній Мицкевича,* печатаемыхъ — въ Парижѣ. Мудрено спорить противъ знаменитости такого писателя, котораго творенія издаются друзьями и недругами, то есть въ пользу и во вредъ автору, по его желанію и совершенно безъ его воли, почти въ одно и тоже время — въ Москвѣ, въ Петербургѣ, во Львовѣ, въ Краковѣ, въ Познани, въ Парижѣ. Г. Мицкевичь находится теперь въ Москвѣ. Имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что сей достойный любимецъ Польской публики будущею весною отправится за границу — освѣжить прекрасный талантъ свой поэтическимъ воздухомъ Авзоніи.

— Вотъ имена нынѣшнихъ дамъ, писательницъ Польскихъ: *Княгиня Изабелла Чарторыская, Принцесса Виртембергская, Графиня Шуазель Гуфье, Графиня Ржевуская, дѣвица Таньская* (первокласная между писательницами: ея *Память доброй матери* превосходно переведена на Рус-

ской языкъ, также дамою, нашей сотечественницею), г-жа *Бялопіотровнгова*, г-жа *Видулинская*, дѣвица *Корженіовская* и г-жа *Малецкая*. Имена сихъ дамъ-писательницъ внесены въ таблицу о Польшѣ, принадлежащую къ *Атласу литтературы разныхъ народовъ*, издаваемому г-мъ Жарри-де Манси. Сіе новое сочиненіе, говоря собственно, есть не что иное какъ дополненіе къ славному историческому Атласу Лесажа, иначе Графа Ласъ Казеса, въ которомъ оказались многіе недостатки и невѣрности.

Теперь, когда начинаютъ у насъ поговаривать о ненадобности выдѣлывать сахаръ изъ свекловицы, которую съ большею выгодою замѣнить можетъ сахарный песокъ, вывозимый изъ за границы, кстати сообщимъ читателямъ нашимъ любопытное извѣстіе, что есть надежда намъ обойтись безъ того и безъ другаго. Писано было, что одинъ арестантъ въ Вѣнѣ изобрѣлъ способъ дѣлать сахаръ *изъ сѣна*. По сему поводу объявляютъ, что лѣтъ за 30 передъ симъ жившій въ окрестностяхъ Люблина весьма искусный Химикъ, прозваніемъ *Страссеръ*, дѣлалъ сиропъ и сахаръ изъ какой-то травы, прозябающей единственно на низменныхъ берегахъ рѣки Вѣпра. Растѣніе сіе занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между тростникомъ и травой, бываетъ вышиною въ полтора локтя и оно составляетъ самую лакомую пищу для лошадей и рогатой скотины. Ботаническаго названія сему полутростнику незнаютъ; вообще онъ тамъ извѣстенъ подъ именемъ *надъ-Вѣпрнаго сѣна*; крестьяне Польскіе называютъ его Szuwarem miodowym (куколемъ медовымъ), а Русины тамошніе *Солодицсю*. Сорванный стебель, сжатый пальцами, даетъ изъ себя сокъ клейкаго качества и на вкусъ отмѣнно сладкій. Страссеръ, какъ увѣряютъ,

говаривалъ, что *солодица* дала бы сахару немногимъ чѣмъ менѣе противъ тростника Американскаго.

— Краковскаго воеводства, Мѣховскаго повѣта въ селѣ Яксицахъ, изъ горы, коей полуденная сторона отмыта проливными дождями, вдругъ высыпалась большáя куча полуистлѣвшихъ костей темнаго цвѣта. Распоряжающій селомъ, г. Яновскій, начавъ рыть въ горѣ, откуда высыпались кости, футахъ въ 20 отъ вершины, досталъ изъ земли между прочимъ огромную челюсть, съ двумя уцѣлѣвшими зубами. Оказалось, что она принадлежала къ животному изъ рода мамонтовъ или *слоновъ сѣверныхъ*. Открытіе рѣдкое въ краяхъ Польскихъ!

Увѣдомленіе.

Инспекторскій Департаментъ Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволилъ отношеніемъ своимъ, отъ 9 числа минувшаго Марта подъ No 375 ымъ, извѣстить Издателя о томъ, что двѣсти рублей ассигнаціями, пожертвованные разными лицами въ городѣ Троицкѣ, что на Оренбургской линіи, для сиротъ нижнихъ чиновъ убитыхъ въ сраженіи (В. Е. 1829 No 3* стран. 279), отосланы къ *Начальнику Штаба военныхъ поселеній*, господину Генералъ-Адъютанту Клейнмихелю, для употребленія соотвѣтственно желанію благотворителей.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 7.

АПРѢЛЬ. 1829.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Надгробное слово Лудовику XVIII, Королю Французскому и Наваррскому.

(Окончаніе.)

Година правосудія уступила мѣсто годинѣ милосердія: фамилія нашихъ Королей возвращена любви нашей; она принадлежитъ намъ, равно какъ мы ей принадлежимъ; она столько необходима для бытія, для политическаго существованія отечества нашего, что по всей справедливости можемъ именовать ее національною. Начинается новая ера; она будетъ извѣстна у потомковъ подъ тѣмъ именемъ, которое носитъ нынѣ, — подъ именемъ возстановленія законнаго порядка.

Здѣсь-то, Слушатели, надобно быть справедливымъ безъ излишней строгости и безъ слабости. Если лесть не должна пресмыкаться у гроба владыкъ; то и оскорбительные вопли злобы и зависти равно тамъ не должны быть слышимы. Цари такіе же люди, какъ и мы: но чѣмъ обязанности ихъ обширнѣе и труднѣе; тѣмъ менѣе надобно удивляться, что и они подвержены общимъ слабостямъ. Будемъ справедливы, и чтобы лучше судить о дѣлахъ, поставимъ себя въ средȣ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился Лудовикъ, восходя на тронъ своихъ предковъ.

Пресыщенная бранями, пресыщенная славою, стоившею толикихъ слезъ, крови и столь часто вносившею въ семейства смятеніе и плачь, утомленная скиптромъ, долго тяготившимъ ее, Франція пожелала вдругъ и болѣе покоя и болѣе свободы. Она была населена *старыми* поколѣніями, платившими справедливую дань прошедшему своимъ сожалѣніемъ, и *новыми*, кои знали одно настоящее (*). Не младенчествующій

(*) Подъ *старымъ* поколѣніемъ во Франціи разумѣются бывшіе въ зрѣлыхъ лѣтахъ 1789 года, т. е. при началѣ революціи; люди, послѣ сего

народъ, начинающій познавать цѣну гражданственной жизни, надлежало привести въ порядокъ; не народу набожному и послушному, послѣ нѣкоторыхъ небольшихъ проступковъ, надобно было показать обязанности его: надлежало управлять народомъ, въ продолженіе вѣка руководствовавшимся правилами своеволія и нечестія, раздѣлившимся на партіи, смотря по выгодамъ и мнѣніямъ; народомъ, испортившимся отъ самаго просвѣщенія, отчуждившимся, по крайней мѣрѣ въ большей части, отъ порядка вещей, которой устарѣлъ для него и единственно извѣстенъ ему изъ Исторіи; народомъ, приходившимъ въ бѣшенство отъ врачеваній слишкомъ суровыхъ, и впадавшимъ въ слабость отъ слишкомъ пріятныхъ. — О! сколь осторожная, сколь искусная рука потребна для уврачеванія толикихъ бѣдствій! Франція представляется Лудовику не такою, какъ онъ ее оставилъ; но какою сдѣлала ее революція. Такъ представляется прежнему владѣтелю своему домъ, разрушенный временемъ и опустошенный пожаромъ.

времени начавшіе понимать и мыслить, составляютъ *новое* поколѣніе. *Перев.*

По истинѣ, Слушатели, я не изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что должно воздвигнуть мѣдную стѣну между тѣмъ что̀ было и что̀ имѣетъ быть; считать за ничто преданія и опыты вѣковъ; отрицаться нѣкоторымъ образомъ отъ своихъ предковъ, отказываться отъ наслѣдія ихъ славы и добродѣтелей, и предаться съ безпечностію, слѣпо и безъ разсужденія, бурному потоку новыхъ мнѣній. Первая обязанность правительства — бороться со страстями, отвергающими иго законовъ; со своеволіемъ, нарушающимъ свободу общественную; со страстію къ перемѣнамъ, возмущающею общественное спокойствіе; съ нечестіемъ, воюющимъ противъ религіи — единственнаго охраненія нравовъ и законовъ. Посему-то мужъ государственный, преимущественно предъ прочими, можетъ по справедливости сказать, что жизнь его есть брань безпрерывная.

Но я равно знаю, что есть случаи, когда по необходимости должно уступить бурѣ времени; что не въ волѣ живыхъ вызвать изъ могилъ покойниковъ; что самое время внушаетъ въ умы тѣ распо-

ложенія, надъ коими человѣкъ не имѣетъ никакой власти; что послѣ продолжительныхъ потрясеній, послѣ опустошеній въ религіи и политикѣ, столь же не возможно бываетъ возстановить по прежнему общественное зданіе, какъ безумно было бы не сохранить чего нибудь изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ. Что же дѣлаетъ Лудовикъ? Исключительно ли руководствуется наставленіями, привычками, обыкновеніями, въ коихъ воспитанъ и возросъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ? Или, какъ любитель новаго, презрѣвъ обыкновенный для Монарховъ путь, вдается въ тѣ пустыя умозрѣнія, кои всегда сулили миръ и безопасность, но никогда ихъ не давали? Нѣтъ, онъ не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Онъ не отваживается совершенно возобновить древнее зданіе: большая часть камней, составлявшихъ оное, не токмо разсѣяна, но даже обратилась въ прахъ. Онъ слишкомъ далекъ и отъ того чтобы презрѣть минувшее: это значило бы отказаться отъ надежды на будущее. Онъ старается обновить юностію древнюю монархію, крѣпче связать, а не расторгнуть цѣпь поколѣній. Лудовикъ зналъ, что если въ политикѣ, рав-

но какъ и въ нравственности, есть свои правила ненарушимыя; то приложеніе ихъ ничего не имѣетъ безусловнаго; зналъ, что политика измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, обыкновеніямъ, духу и нуждамъ народа. Какъ непоколебимаго и вмѣстѣ мудраго законодателя, его ничто не заставило преклониться предъ тѣмъ ученіемъ безначалія, которое, предавая власть прихотямъ толпы народной, вноситъ въ общество безпрерывное броженіе революцій; но въ то же самое время тамъ, гдѣ требуетъ общественная польза, онъ признаётъ необходимость уступить силѣ происшествій. Слѣдуя правилу мудреца древняго, онъ даетъ Франціи законы удобоисполнительные, открывающіе предъ глазами ея тѣ необходимые законы, кои имѣлъ намѣреніе дать ей Лудовикъ XVI. Онъ предоставляетъ времени только принадлежащее времени — открытіе совершенства или недостатковъ своего дѣла. Такимъ образомъ государственный корабль подъ искусною рукою кормчаго, имъ управляющаго, будетъ плавать по волнующемуся еще морю, не страшась подводныхъ камней. Застигнетъ ли его буря снова, — она пройдетъ, вновь наста-

нетъ тишина, духъ злобы сокроется и навсегда исчезнетъ.

И такъ Лудовика будутъ почитать возстановителемъ Монархіи Французской. Но сколько трудностей при самомъ еще вступленіи на поприще! Во первыхъ, какимъ образомъ освободитъ онъ страну отечественную отъ чужестранныхъ армій, владѣющихъ крѣпостями, и, кто знаетъ, можетъ быть, готовыхъ предписывать намъ законы? — Нѣтъ ничего, Слушатели, невозможнаго для мудрости, для усилій истиннаго обладателя Французскаго трона: законность торжествуетъ надъ умами; она тѣмъ болѣе ограждаетъ безопасностію государство, чѣмъ менѣе дѣйствуетъ съ насиліемъ; она ознаменована характеромъ правоты, которая ужасаетъ и самое могущество. Всѣ Государи познали общую пользу отъ уваженія правъ взаимныхъ и, къ счастію для спокойствія Европы, законность есть первая изъ силъ, управляющихъ ею.

Конечно Франція долго будетъ чувствовать тѣ глубокія раны, которыя нанесены ей; но время изгладитъ слѣды ихъ. И здѣсь-то, Слушатели, какъ не гордить-

ся тѣмъ, что мы Французы? Гдѣ страна, въ которой послѣ толикихъ потрясеній внутреннихъ, послѣ такого пролитія крови, истощенія толикихъ сокровищь, послѣ толикихъ опустошеній и разрушеній, такихъ ужасныхъ злодѣйствъ и несчастій, послѣ неизбѣжнаго продолженія внутреннихъ раздоровъ, послѣ двукратнаго завоеванія, — гдѣ страна, говорю я, въ которой, послѣ всѣхъ сихъ продолжительныхъ бѣдствій, искусства явились бы въ новомъ блескѣ, промышленность — съ удивительными успѣхами, законы — въ прежней своей силѣ, общественное благоденствіе на такой степени счастія, какого Франція никогда не видала; въ которой знанія и науки всѣхъ родовъ процвѣтали бы въ столь многихъ училищахъ, религія обрѣла бы народъ, съ такою радостію принявшій ея служителей, тишина и безопасность царствовали бы во всѣхъ мѣстахъ? — Французы! вотъ дары возстановленія законной Монархіи!

Но отдавая справедливость тому, что̀ имѣемъ, я не долженъ ослѣпляться симъ блескомъ общаго благоденствія: священный санъ, которымъ облеченъ я, присутствіе Бога истины, любовь къ моимъ согражданамъ,

все побуждаетъ меня наименовать, оплакать при семъ торжественномъ случаѣ, зло тѣмъ болѣе страшное, чѣмъ менѣе обращаютъ на него вниманія; то зло, которое, питая каждодневно въ тѣлѣ государства самыя возмутительныя страсти, хранитъ и раскрываетъ въ ономъ дѣятельнѣйшее начало разрушенія и смерти; то зло, которое одно могло разстроить и разрушить всѣ связи политики: я хочу сказать о круговращеніи безчисленнаго множества книгъ пагубныхъ, которыя, вмѣстѣ съ худыми правилами, вносятъ въ нѣдра семействъ развращеніе, ими одобряемое. Все извратили въ семъ вѣкѣ: обезобразили нашу Исторію, собравъ въ ней однѣ лишь черты невѣжества или соблазна, показавъ происшествія въ ложномъ видѣ, и юношество такимъ образомъ научается только презирать нашихъ предковъ, какъ людей ненавистныхъ и достойныхъ посмѣянія! Исказили религію, приводя на память бѣдствія, коихъ будто бы она была иногда виною, и покрывъ завѣсою безчисленныя благодѣянія, отъ нея проистекающія. Ничего не забыли, что̀ можетъ ослабить или даже расторгнуть связи, должен-

ствующія соединять насъ съ монархическими и Хрістіанскими правилами вѣковъ прошедшихъ. Во всѣхъ сихъ произведеніяхъ понятія о благѣ и злѣ извращены: благочестіе сдѣлано слабостію, повиновеніе — рабствомъ, уваженіе къ духовенству — суевѣріемъ, презрѣніе ко всѣмъ религіямъ — благородною независимостію. И какой же плодъ всего етаго просвѣщенія, которое столько стараются распространить, даже въ низкихъ классахъ народа? Ето значитъ подавлять въ сердцахъ сѣмена добродѣтели, заглушать гласъ совѣсти, дѣлать людей злыми по системѣ! Ето значитъ посреди насъ образовать семейства безъ всякихъ правилъ религіи — семейства, производящія тѣхъ молодыхъ злодѣевъ, кои въ самыхъ еще юныхъ лѣтахъ знаютъ всѣ тонкости порока! Ето значитъ выставлять ешафотъ для преступниковъ, кои подаютъ народу ужасный примѣръ — умирать въ злодѣяніяхъ безъ страха и угрызеній!

Таковъ былъ, вы знаете, виновникъ того гнуснаго злодѣянія, которое за нѣсколько лѣтъ предъ симъ распространило по всей Франціи плачь и ужасъ. Но уда-

лимъ сіи бѣдственныя воспоминанія и возобновимъ въ нашей памяти токмо Хрістіанскую доблесть царственной жертвы и материнскую твердость Августѣйшей вдовы, носившей въ своемъ нѣдрѣ счастіе Франціи, — приведемъ на память чудесное рожденіе сего втораго Генриха, который нѣкогда явитъ себя достойнымъ своего имени (*).

Привѣтствуемъ тебя, дитя чудесное! Такъ, ты будешь жить, ты возрастешь въ добродѣтеляхъ своихъ предковъ, будешь царствовать надъ нашими внуками. Богъ, Которому угодно было даровать тебя для нашего утѣшенія, будетъ хранить тебя для счастія нашего. Но — если мои предчувствія не обманываютъ меня, если мои желанія исполнятся: ты медленно будешь приближаться къ трону, да созрѣешь отъ тѣхъ опытовъ и великихъ

(*) 1 Февраля 1820 года, какъ извѣстно, Дюкъ Беррійскій, сынъ Графа д'Артуа, палъ подъ ударомъ гнуснаго убійцы. Но Богу было угодно вознаградить сію потерю Дома Бурбоновъ внукомъ Карла X, коимъ разрѣшилась отъ бремени, по смерти супруга своего, Дюшесса Беррійская, и который, получивъ имя *Генриха*, наименованъ Герцогомъ Бордосскимъ. *Перев.*

примѣровъ, кои Небо представитъ очамъ твоимъ. —

Замѣтьте, между тѣмъ, Слушатели, какимъ образомъ Провидѣніе, попускающее зло, по словамъ Св. Августина, только потому, что можетъ изъ него извлечь добро, какимъ образомъ Оно повелѣваетъ злодѣянію служить къ торжеству царскаго дѣла. Устрашенная власть сдѣлалась бдительнѣе; болѣе начали чувствовать, до чего могутъ довести забвеніе религіи и любовь къ дикой независимости, и, бобѣе нежели когда-либо, начали прибѣгать къ олтарю и трону. Пусть мятежники возстанутъ еще: всѣ ихъ усилія будутъ тщетны. Прежде ничто не могло остановить стремленія революціи, сокрушающей все на пути своемъ; отнынѣ ничто не воспротивится силѣ законности.

Царствованіе Лудовика приближалось къ своему концу; но Государь сей не исполнилъ еще всего, ему предопредѣленнаго. Онъ самъ говорилъ, что Небо призвало его затворить бездну революцій, и сіе-то исполняетъ онъ равно непоколебимо и премудро. Испанія сдѣлалась добычею губительнаго безначалія. Жители ея тѣмъ

болѣе стонутъ подъ игомъ рабства, чѣмъ болѣе стараются ихъ обольщать независимостію; Государь ея тѣмъ болѣе становится плѣнникомъ, чѣмъ громче провозглашаютъ его вольность. Всѣ мнѣнія, ниспровергающія порядокъ общественный, тамъ проповѣданы. Ето пожаръ, который, постепенно распространяясь, можетъ еще разъ обнять вселенную. Мудрые Монархи, ею управляющіе, увидѣли опасность, и Франція получила благородное порученіе отмстить за общее дѣло. Вооружись, Принцъ храбрый и мудрый! иди, куда Государь твой посылаетъ тебя, и куда призываетъ слава. Младые и старые воины — все готово слѣдовать за тобою съ одинаковымъ жаромъ. Я вижу: ты протекаешь полуостровъ, какъ мирный побѣдитель; заставляешь любить свои побѣды за свои добродѣтели; преслѣдуешь и наконецъ связуешь кроваваго духа революцій — вижу, ты возвращаешься, какъ вѣрный подданный, повергнуть къ стопамъ Государя своего мечь, врученный имъ тебѣ для чести его престола и для спокойствія цѣлой Европы.

Сказанное нами, Слушатели, очень достаточно къ тому, чтобы озарить славою

царствованіе Лудовика. Но могу ли я умолчать о послѣднемъ дѣйствіи его высокой воли, составляющемъ верхъ его славы, дѣйствіи, которое можно назвать послѣднимъ завѣщаніемъ Короля Христіаннѣйшаго? И не долженъ ли сожалѣть, что настоящее мое положеніе не позволяетъ мнѣ распространиться о постановленіи, толико драгоцѣнномъ для церкви Французской, которое, будучи принято съ благоговѣйною признательностію отъ двадцати девяти милліоновъ католиковъ, не возбудитъ ни въ комъ скрытныхъ опасеній? И такъ религія Государства будетъ имѣть все приличествующее ей достоинство, не нарушая тѣмъ ничего освященнаго законами; всегда неколебимая противъ заблужденій, поелику есть истина, всегда снисходительная къ лицамъ, поелику есть любовь — она будетъ царствовать въ нашихъ сердцахъ не въ духѣ властолюбія и высокомѣрія, но въ духѣ мира и любви.

Политическое поприще Лудовика XVIII окончилось. Съ нѣкотораго времени начали замѣчать въ немъ изнеможеніе, вѣрнѣйшее предвѣстіе близкой кончины. Но не смотря на сіе, въ немъ являлось не-

обыкновенное присутствіе духа: если онъ и ощущалъ тягость, то не былъ побѣжденъ недугомъ; онъ всѣми силами старался съ достоинствомъ нести бремя владычества до конца поприща. Онъ говорилъ, что Государь можетъ умереть, но не долженъ быть недужнымъ. Казалось, что сила души его поддерживаетъ немощь его тѣла; и Французы и чужестранцы, допущенные къ его трону, были изумлены живостію и мудростію его бесѣды. Между тѣмъ силы его измѣняютъ бодрости; ему не позволено уже оставлять одра болѣзненнаго: тогда онъ пожелалъ приобщиться Святыхъ Таинъ. Его назидательное благочестіе утѣшаетъ плачущее семейство. Подкрѣпленный, ободренный божественною помощію, которой его сподобили, Лудовикъ предается размышленію о вѣчности; вскорѣ за симъ возлагаетъ слабѣющую руку на Августѣйшія, любезныя главы, и призываетъ на нихъ небесное благословеніе. Извѣстно, съ какою заботливостію народъ окружалъ его чертоги. Не суетное любопытство въ семъ случаѣ одушевляло его, нѣтъ, искреннее чувство благоговѣнія. Онъ — хранилъ почтительное молчаніе, едва прерывае-

мое только для того, чтобъ увѣдомиться о состоянiи Августѣйшаго больнаго, какъ бы страшась нарушить его спокойствie. Но болѣзнь быстро усилилась; увидѣли, что настала минута читать тѣ умилительныя молитвы, коими Религiя приготовляетъ дѣтей своихъ къ оставленiю жизни, — и Лудовикъ съ спокойнымъ духомъ выслушиваетъ сiи жестокiя для нашей немощи, но исполненныя безсмертiя слова: *гряди, душа Христiанская, гряди* (*). Мало помалу природа истощалась, наконецъ изнемогла, и Государь испустилъ послѣднее дыханiе. — Какой печали, какого отчаянiя здѣсь были мы свидѣтелями! Видѣли Принцевъ и Принцессъ Королевской Фамилiи въ слезахъ; видѣли ихъ, павшихъ на колѣна и съ благоговѣнiемъ лобызающихъ сiю, носившую скиптръ, а нынѣ охладѣвшую отъ смерти десницу. Роковая вѣсть распространяется въ столицѣ, переходитъ въ провинцiи, повсюду производитъ одинаковыя чувствованiя, — и Лудовикъ XVIII какъ бы сокрылся въ жалости и благословенiяхъ цѣлой Францiи.

(*) Одна изъ молитвъ (*prière pour la recommandation de l'ame*), читаемыхъ у католиковъ надъ умирающими. *Перев.*

Сіе, недавно окончившееся, десятилѣтнее царствованіе пребудетъ незабвеннымъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Оно займетъ въ нихъ мѣсто славное какъ для Монарха, такъ и для его народа. Это обширная картина, на которую паче всего надобно смотрѣть съ надлежащей точки зрѣнія. Современники слишкомъ къ ней близки; они могутъ найти въ ней болѣе недостатковъ, нежели красотъ. Потомки будутъ въ надлежащемъ отъ нея разстояніи: для нихъ исчезнутъ орудія добра и зла; имъ будутъ видимы болѣе вещи, нежели люди, все болѣе въ соединеніи, нежели раздѣльно; частныя выгоды, соперничества, различіе мнѣній, виды дружбы и ненависти не будутъ ослѣплять умовъ. Потомство осуждаетъ безъ оскорбленія, хвалитъ безъ лести, ибо оно судитъ безъ пристрастія. Ему нѣтъ нужды всему удивляться; но не изумится ли оно тому по крайней мѣрѣ, что при столь многочисленныхъ и великихъ препятствіяхъ, при стеченіи такихъ несообразныхъ мнѣній, Лудовикъ могъ уврачевать толико глубокія раны, приготовить врачевство для тѣхъ, кои еще незакрылись, успѣшно идти ко всеобщему возрожденію,

располагать и управлять дѣлами такъ, что прохожденіе царствованія, которое для другаго могло показаться столь опаснымъ, совершилось безъ малѣйшаго потрясенія, толико же мирно, какъ въ одной изъ самыхъ лучшихъ Монархій? Лудовикъ оставилъ Францію спокойною внутри, сильною извнѣ; оставилъ на той политической степени, какую она должна занимать въ мірѣ просвѣщенномъ — и взоры его закрылись на Франціи, возстановленной его мудростію.

Но Богъ наказующій, Слушатели, есть равно Богъ и утѣшенія. Мы лишились мудраго и миролюбиваго Государя; но намъ и дарованъ Государь, обѣщающій добрую и сладостную надежду. Онъ царствуетъ, сей Государь столько справедливый, столько благородный, столько близкій къ сердцамъ нашимъ, что, взирая на него, не льзя не любить, — слушая, не льзя не трогаться; ибо въ каждомъ словѣ его есть красота, привлекающая сердца̀, потому что каждое слово его есть внушеніе се́рдца. Онъ восходитъ на тронъ съ глубокимъ познаніемъ людей и событій; какъ Христіанинъ, онъ водворитъ въ своемъ царствѣ Рели-

гію, которая обитаетъ въ душѣ его. Онъ знаетъ, что Богъ народамъ заповѣдуетъ повиновеніе, а Государямъ правосудіе; знаетъ, что, дабы царствовать со славою, надлежитъ водворить царствіе Бога какъ своею властію, такъ и собственнымъ своимъ примѣромъ.

Что касается до насъ, Христіане, то послушаемъ тѣхъ уроковъ, которые преподаетъ сія погребальная церемонія. Чертоги царскіе имѣютъ нѣчто ослѣпительное; яркій блескъ величія скрываетъ ихъ тлѣнность; все очаровываетъ въ нихъ до той минуты, когда смерть приходитъ разсѣять сіи очарованія и показать ничтожность всего человѣческаго. Такимъ образомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Монархъ, окруженный своими вельможами, храбрыми полководцами, первѣйшими людьми Государства, принималъ почести отъ своихъ подданныхъ, отъ посланниковъ цѣлой Европы, — въ семъ самомъ мѣстѣ положены его бренные останки, и даже на самомъ тронѣ его поставленъ — гробъ.

Но для чего въ другихъ мѣстахъ искать намъ примѣровъ бренности дѣлъ человѣчес-

кихъ? Мы видѣли сей *царственный* храмъ (*) нѣкогда наполненнымъ Королевскими гробницами, памятниками, колоннами, надписями, бывшими какъ бы живою хронологiею поколѣнiя нашихъ Королей и различныхъ вѣковъ Монархiи. Но что̀ пощадило время, то истреблено неистовствомъ людей. Памятники сiи исчезли, гробницы разрушены и прахъ сорока державныхъ поколѣнiй поруганъ (**). Все сiе остается въ одной только Исторiи; но придетъ нѣкогда день, которому не будетъ конца и въ который не будетъ самой Исторiи, потому что ужѐ не будетъ болѣе времени, — день, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ достойный, мои братiя, остановить на себѣ желанiя вашихъ

(*) Въ подлинникѣ basilique — *базилика, базиликонъ*. Такъ назывались у древнихъ Римлянъ великолѣпныя зданiя, предназначенныя для торговыхъ сдѣлокъ и судопроизводства въ IV столѣтiи. Планъ сихъ огромныхъ зданiй найденъ удобнымъ для храмовъ Христiанскихъ, и сiи храмы въ честь и память основателя и соорудителя ихъ Константiна Императора названы были *Базиликами* — царственными, или царскими. *Перев*

(**) Извѣстно, что *народнымъ совѣтомъ* было опредѣлено (1793 Iюля 21) родственниковъ Королевской фамилiи выгнать изъ предѣловъ Францiи, а гробницы преждебывшихъ Королей всѣ разрушить. *Перев.*

душъ безсмертныхъ. О если бы я самъ, восходившій безъ сомнѣнія въ послѣдній разъ на Христіанскую каѳедру, могъ сойти съ нея съ сею мыслію, что нѣтъ ничего великаго, кромѣ Бога, и ничего постояннаго, кромѣ вѣчности!

Съ Франц. В. Граховъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Русскія пѣсни.

1.

Росла, росла сосенка
	Зеленѣлась;
Жила, была дѣвушка,
	Все рѣзвилась.

*

Она съ дружкомъ миленькимъ
	Полюбилась,
И сердцемъ съ нимъ дѣвушка
	Подѣлилась.

*

Цвѣтутъ, цвѣтутъ цвѣтики,
	Да невѣчно;
Любилъ дружокъ дѣвушку,
	Да недолго!

*

Любилъ дружокъ дѣвушку
Не годочикъ;
Любилъ дружокъ милую
Лишь денечикъ!

*

Чрезъ денечикъ бѣдную
Онъ оставилъ!
Съ того денька дѣвушка
Сохла, блекла!

*

Печаль и скорбь дѣвушку
Изнурили:
Любовь, тоска бѣдную
Погубили!

2.

Я встрѣчала, я вкушала
Въ жизни радость;
Но узнала, испытала
Грусти тягость!

*

Другъ со мною всей душою
Веселился;
Но иною красотою
Обольстился!

*

Я страдаю, я вздыхаю,
Другъ жестокій!
Унываю, проливаю
Слезъ потоки!

*

Я убила, погубила
Жизни младость;
Позабыла, разлюбила
Счастье, радость.

*

Восхищайся, наслаждайся
Ты съ другою;
Насмѣхайся, издѣвайся
Надо мною!

*

Но приятель — неприятель;
Забавляйся!
Есть Создатель, есть Каратель:
Ужасайся!

Кудряшевъ.

3.

(Посвящается М. Н. Ф — ъ.)

Долголь, долголь станешь, сердце, изнывать?
Долголь будешь ты несчастное страдать?

Ты давно уже спознался съ тоской!
Слишкомъ рано грусть сроднилася съ тобой;

Ты изныло, какъ былинка во цвѣту;
Ты изсохло, какъ песчинка на вѣтру.

Позабудь ты несчастливую любовь!
Понапрасну лишь она волнуетъ кровь.

Безъ надежды, безъ надежды любишь ты,
Безъ надежды любишь дѣву красоты.

Ты несчастливо и счастіемъ своимъ:
Ты любимо, но *«вамъ врозь жить обоимъ!»* . .

Людямъ больно видѣть счастіе другихъ. . .
Люди знаютъ лишь себя только самихъ. . .

Позабудь же ты несчастную любовь!
Понапрасну лишь она волнуетъ кровь!

В **

Октября, 1825.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Борскій, соч. А. Подолинскаго. (С. П. Б., въ типографіи Х. Гинца. 1829.)

(Окончаніе.)

Спрашивается: что̀ за удовольствіе представлять подобныя кровавыя зрѣлища? . . . Таковъ — можетъ быть скажутъ — вкусъ публики! — Но — Поезія, сія священная дщерь небесъ, должна ли быть раболѣпной человѣкоугодницей? . . . Заставлять ее потворствовать людскимъ прихотямъ — значило бы унижать ее до постыднаго скоморошества. Поезія долж-

на не баловать, а очищать вкусъ! — Тѣ, которымъ угодно тѣшиться побоищами, могутъ ѣздить каждое воскресенье за *Тверскую* или за *Рогожскую* заставу и съ высоты размалеванныхъ амфітеатровъ, при громкихъ звукахъ Александровскихъ пѣсельниковъ, любоваться отъ всей души *романтическимъ* остервенѣніемъ косматыхъ *Едиповъ* и *Ахановъ*. Поезія не *по* нихъ и не *для* нихъ! . . . Тогда, какъ среди развращеннаго *Рима*, Колизей, упояемый кровію гладіаторовъ, оглашался всеобщими рукоплесканіями обуявшихъ побѣдителей міра, — Музы, хотя и прикованныя къ ихъ побѣдоносной колесницѣ, никогда не унижались до постыднаго соучастія въ сихъ звѣрскихъ наслажденіяхъ; но, уединяясь отъ шумныхъ воплей толпы неистовой, въ скромной тиши изливали унылыя сѣтованія о настоящемъ развращеніи, или воспѣвали протекшее величіе и доблести вѣковъ древнихъ. Такъ было въ сіи несчастныя времена, представляющія отвратительный образецъ искаженнаго вкуса и грубыхъ нравовъ! — Но у насъ пока — благодареніе Богу! . . . Мы не Римляне, а добрые Русскіе: и подъ жесткой сѣверной корою носимъ сердца̀, исполнен-

ныя радушія, кротости, благолюбія. Ужасныя картины кровопролитія и убійствъ весьма рѣдки въ вещественной нашей жизни: какъ же могутъ онѣ обратиться во всеобщую прихоть вкуса? — Справедливѣе бы, кажется, можно было упрекнуть насъ въ недостаткѣ вкуса, чѣмъ въ подобномъ развращеніи онаго. У насъ доселѣ, не смотря на неослабно распространяющіеся успѣхи просвѣщенія, господствуетъ еще какая-то мудреная апаѳія къ истинно изящнымъ наслажденіямъ. Наши театры полны бываютъ только при представленіяхъ *Кіарини*, и изъ нашихъ періодическихъ изданій больше всѣхъ расходятся — *Московскія Вѣдомости*. Не ета ли слишкомъ замѣтная скудость чувствительности вынуждаетъ нашихъ поетовъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, для пробужденія въ нашихъ непросыпныхъ душахъ привѣтнаго отклика? . . . Но таковой разсчетъ годился бы только развѣ для Британскаго сплина или для флегмы Германской! Мы Русскіе не похвалимся конечно огневою раскаленностію чувства: но за то не позволимъ себя упрекнуть и въ совершенномъ безчувствіи. Сердца наши отверзты для ощущеній прекраснаго и

высокаго: и если не мы, то по крайней мѣрѣ добрые старики наши умѣютъ восхищаться величественнымъ пареніемъ *Ломоносова*, бурнымъ одушевленіемъ *Державина*, таинственною мечтательностію *Жуковскаго*, нѣжной унылостью *Батюшкова* — не смотря на ихъ *классическую* крово-боязнь и *анті-романтическое* миролюбіе. Отъ чего бы нашимъ поетамъ не попытаться прибѣгнуть къ другому менѣе шумному, но болѣе надежному средству возбуждать есѳетическое участіе? ... Отъ чего бы, не допустить имъ въ поетическій машинизмъ свой, кромѣ кинжала и яда, другихъ пружинъ, меньше смертоносныхъ, но не меньше дѣйствительныхъ? ... Не могло ли бы съ избыткомъ замѣнить всю ету *романтическую* стукотню и рѣзню — существенное достоинство и величіе изображаемыхъ предметовъ, наставительная знаменательность драпировки, не ослѣпительная для умственнаго взора свѣтлость мыслей, не удушительная теплота ощущеній? ... А етого-то, по несчастію, и не достаетъ въ нашихъ новыхъ поетическихъ произведеніяхъ! — Они обращаются около предметовъ совершенно ничтожныхъ: одѣваются въ маскерадные

костюмы, представляющіе уродливое смѣшеніе ѳѳнографическихъ и хронологическихъ противорѣчій; блестятъ пошлыми двуличневыми остротами; дышатъ чадными — и не рѣдко смрадными — чувствами. Отъ двухъ первыхъ обвинительныхъ пунктовъ не оправдится и *Борскій*. Что̀ за предметъ для поэмы? . . . Ревнивый мужъ убиваетъ жену-лунатика и замерзаетъ самъ на ея могилѣ . . . Что̀ тутъ интереснаго? . . . И въ психологическомъ отношеніи — ето не великое дѣло, и въ есѳетическомъ — не весьма занимательное зрѣлище! Будь ето событіе историческое, или по крайней мѣрѣ основанное на народномъ преданіи — тогдабъ оно могло имѣть для насъ важность истины или прелесть наслѣдственной собственности — прелесть роднаго! . . . . Но — *сочинять* нарочно такія *исторіи* . . . значитъ изнурять воображеніе надъ пустяками! — Недостатокъ сей можно было бы однако же искупить счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкой поэтическаго *костюма*. Мы разумѣемъ здѣсь подъ *костюмомъ* всѣ тѣ многочисленныя, многоразличныя черты и картины, кои сообщаютъ поэтическую

индивидуальность повѣствованію, опредѣляя *мѣсто* и *время*, къ коимъ оно относится. Ето есть богатѣйшій источникъ занимательности для писателя! — Происшествіе, само по себѣ ничтожное, можетъ служить генію канвою для поетическаго изображенія цѣлой епохи, цѣлой страны, цѣлаго народа: и тогда ничтожность его совершенно теряется изъ виду. Такъ ли поступлено въ *Борскомъ*? . . . *Владиміръ Борскій* и весь причтъ *лицъ*, составляющихъ историческое бытіе сей поемы — суть, какъ видно по именамъ и прозваніямъ, люди *Русскіе*. Перемѣните сіи имена и прозванія — кто узнаетъ въ нихъ Русскихъ? . . . Ни одной малѣйшей черты народнаго характера Русскаго! — Переименуйте *Владиміра* въ *Адольфа* — ето будетъ Французъ во всѣхъ статяхъ! О прекрасной *Еленѣ* и говорить нечего: она отлита въ обыкновенной формѣ *красавицъ*, заказываемыхъ для историческихъ romaновъ *à la Madame Genlis*. А — добрый деревенскій *священникъ*! . . Его дружеское отношеніе къ *Владиміру* у насъ на святой Руси есть совершенный анахронизмъ, взятый изъ будущаго, можетъ быть, XX вѣка! — Но пусть *историческая* живопись

Борскаго слаба, неопредѣленна, безцвѣтна; не замѣняетъ ли онъ ея живописью *ландшафтной?* . . . Кажись бы такъ и слѣдовало! Дѣйствіе совершается на цвѣтущихъ берегахъ широкаго Днѣпра; подъ благословеннымъ Малороссійскимъ небомъ. Какая богатая сцена! Какая неистощимая жатва для генія! . . Сколько поэтическихъ красотъ могло бы представить живописное изображеніе величественнаго *Днѣпра*, носившаго на зыблющемся хребтѣ своемъ младенчествующую Русь въ колыбели! Сіи маститые холмы, на которыхъ возлегаетъ древняя матерь градовъ Русскихъ; сіи сыпучіе пески, разстилающіеся перловою бахрамою вскрай водъ Днѣпровскихъ — не освящены ли на каждомъ шагу воспоминаніями, драгоцѣннѣйшими для каждаго Русскаго сердца? . . И что же? . . .

Владиміръ вышелъ на балконъ.
Вершины горъ и брегъ отлогой
Уже свѣтлѣютъ; за *Днѣпромъ*
Луга пространные кругомъ
Въ туманахъ утреннихъ мелькаютъ;
И, отдѣлившись отъ земли,
Главы Печерскія блистаютъ
Златыми звѣздами вдали.

В раздумьи *Борскій* равнодушно
Глядитъ на все . . . . . (14)

Ето раздумье переливается въ души читателей совершеннымъ бездумьемъ. Величественнаго *Днѣпра* для нихъ какъ будтобъ и не было. Истинно — *Кубра* несравненно его счастливѣе! . . А мирная, *идиллическая* жизнь добрыхъ нашихъ Малороссіянъ, достойная цѣвницы Виргиліевъ и Геснеровъ! . . . объ ней и вовсе ни слуху, ни духу! — Такъ ли надобно поступать поетамъ, провозглашающимъ себя поборниками *Романтизма*? *Романтизмъ*, въ чистѣйшемъ своемъ знаменованіи, тѣмъ преимущественно и отличается отъ *Классицизма*, что исчерпываетъ мощное лоно Природы *всеобъемлющимъ* окомъ, со *всѣхъ* точекъ, во *всѣхъ* направленіяхъ. Посмотрите на творенія чуднаго *Байрона!* . . . Его *Чайльд-Гарольдъ* есть богатѣйшая ткань идеализированной исторіи человѣчества, убранная драгоцѣннѣйшими воспоминаніями, собранными изъ всѣхъ вѣковъ, подъ всѣми земными поясами. Его *Джауръ* дышетъ палящимъ зноемъ Востока; въ его *Мазепѣ* кипитъ буйная кровь Сарматская; его *Каинъ* предстоитъ во всей суровой наготѣ первобытнаго міра. Отъ

чего бы и *Борскому* не окостюмироваться равно полнымъ, равно вѣрнымъ, равно занимательнымъ образомъ? . . Ето, право, сообщило бы ему больше *романтической* прелести и произвело бы живѣйшій и прочнѣйшій еффектъ, чѣмъ подобныя Евменидистическія сцены:

. . . . Изступленный
Онъ далѣ въ бѣшенствѣ бѣжитъ;
То здѣсь, то тамъ кинжалъ блеститъ
Въ рукѣ, луною озаренный —
Нѣтъ жертвы болѣ! — . . . . (70)
. . . .
. . . . Онъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ —
Въ его рукѣ окровавленной
Рука *Елены* — но она
Уже недвижна и хладна
И костенѣетъ постепенно . . . (71)

Отъ чего бы. . . Но, увы! ето легко сказать — но легко ли сдѣлать? . . Чтобы дать полную, опредѣленную, выразительную физіономію поетической картинѣ — не довольно одного юнаго, свѣжаго и мощнаго таланта; нужно еще — *ученіе* . . . проклятое *ученіе*! . . Безъ него — не обогнать ни на шагъ сильнаго могучаго богатыря *Илью Муромца*! . .

Искусство мыслить — ключь къ искуству сочинять.
Философы должны твой умъ образовать:
Сократъ сокровища тебѣ откроетъ новы.
Готовой мысли въ слѣдъ слова всегдя готовы;
Когда во слѣпотѣ, ни сердцемъ, ни умомъ
О Богѣ ни живешь, объ отчествѣ святомъ;
Когда не упоенъ огнемъ любви ѳеирнымъ
Къ родителямъ, къ друзьямъ, къ добротамъ гражданъ мирнымъ;
Когда не знаешь правъ властителей, вождей,
Ни долга важнаго старѣйшинъ и судей:
Тогда возможешь ли приличными чертами
Ты каждое лице изобразить предъ нами?
Нѣтъ! образъ житія и нравы ты познай:
Живыя словеса живой струей свивай!...

Такъ учивалъ въ старину Горацій! — А у насъ теперь?....

Не знавшій грамотѣ—стихи кропаетъ смѣло!...
«И для чего не такъ?... Я вольностью дышу!
Я знатенъ, я богатъ, я баринъ и... пишу!»

Повторимъ снова приведенный нами епіграфъ:

Nunc satis est dixisse: «ego mira poëmata pango!...«

. . . .

Мудрецъ нашъ мыслитъ такъ: «предъ смѣлымъ награжденье!

Погибни всякой трудъ! могу и безъ него
Казаться знатокомъ, не зная ничего!» —

»Но, говорятъ, поэтическій инстинктъ можетъ замѣнить для генія всю школьную пыль учености! — Природа-де познается не изъ книгъ и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, безъ указки Профессорской: посему живописцемъ Природы, исторіографомъ сердца легко сдѣлаться, не прошедши ни Физики Страхова, ни Исторіи Шрекка. Вѣдь *Гомеръ* и *Шакспиръ* не учились въ Университетахъ!» — Просимъ извиненія, мм. гг.! *Гомеръ* учился всю жизнь свою: его Иліада и Одуссея написаны не по однимъ слухамъ, а съ собственныхъ долговременныхъ наблюденій надъ обычаями различныхъ странъ и народовъ. Что до *Шакспира*, то пора бы также перестать ссылаться на него, какъ на образецъ генія-неуча. *Шакспиру* не совсѣмъ была чужда классическая древность, составлявшая издавна родовое наслѣдіе всѣхъ Европейскихъ націй: и едва ли кому изъ нашихъ автодидактическихъ всезнаекъ удалось смести столько пыли со старинныхъ отечественныхъ лѣтописей, какъ творцу

Генриха IV и двухъ *Ричардовъ*. *Гомеръ* и *Шакспиръ* знали слѣдовательно Природу и сердце не по одному только инстинкту. Отъ того-то ихъ творенія дышатъ поетической истиною и составляютъ наслѣдственное богатство всего человѣчества. А наши молодые поеты? . . Они знаютъ Природу и сердце лишь по наслышкѣ: вотъ почему и творенія ихъ представляютъ не исторію Природы и сердца, а различныя исторіи *о* природѣ и *о* сердцѣ. Неестественность и нелѣпость составляютъ ихъ отличительное качество. Возмемся за *Борскаго!* Какъ неудачно состеганы кусочки, изъ которыхъ сшита сія поемка: рука художника не умѣла даже прикрыть швовъ, которые вездѣ въ глаза мечутся. *Владиміръ* есть единственный герой, или лучше единственное живое *лицс* поэмы: ибо всѣ прочія суть *восковыя фигуры*. Его характеръ долженъ слѣдовательно быть средоточіемъ, изъ котораго должна развиваться вся поема. Спрашивается: что ето за характеръ? . . Господь одинъ знаетъ. Въ *первой* главѣ *первой* части *Владиміръ* представляется состарѣвшимся юношею: по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ самъ о себѣ:

Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужь знаю тягость бытія
И сердцу чуждо слово: радость! (12)

Не понятно, отъ чего онъ такъ скоро состарѣлся. Его любовь не была любовь обманутая, разочарованная, безнадежная. Правда, онъ преслѣдуемъ былъ гнѣвомъ раздраженнаго отца; но сей гнѣвъ не разражался еще надъ нимъ въ убійственномъ проклятіи. Это доказываютъ собственныя чувства его при вскрытіи роковаго письма, заключающаго послѣднюю волю отца его.

. . . . Долго онъ,
Въ волненьи страха перемѣнномъ,
Не смѣетъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныя строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты завѣтныя хранятъ,
Быть можетъ, горькіе *упреки*! (21)

Упреки! — слышите ли! не болѣе? . . . Это все, что только могъ онъ представить себѣ ужаснѣйшаго при видѣ таинственнаго завѣщанія. До того — онъ и объ нихъ мало думалъ. Его тревожили

только однѣ любовническія сомнѣнія о вѣрности Елены.

Не разъ, сомнѣньямъ предана,
Моя душа изнемогала;
Теперь . . . опять . . . но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго — *она!* . . . (13)

Статочное ли дѣло, чтобы подобныя сомнѣнія, которыя, по свидѣтельству опытныхъ знатоковъ въ любви, не разрушаютъ, а питаютъ блаженство любящихъ сердецъ, могли разоблачить до *ужасной наготы* всю *жизнь* (12) для *Владиміра*? . . И если бы ето было правда; если, по собственному сознанію *Владиміра*, *въ крови* его уже не было

. . . Жара первыхъ впечатлѣній (27);

то какъ бы онъ, угрожаемый проклятіемъ скончавшагося отца, могъ сказать въ ту же пору:

Но если долго такъ, она (*Елена*)
Обѣту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
Я, на *преступную* (!!!) главу
Проклятій новыхъ (!!!) не сзову! (28)

Нѣтъ! ето не исторія сердца! Какъ бы однако то ни было, при окончаніи *первой*

Части поэмы *Владиміръ женится!* — Замѣтимъ, что сія первая *седмиглавая* часть есть не болѣе, какъ длинные сѣни съ переходами ко второй *пятиглавой* части, составляющей главный корпусъ всего поэтическаго зданія *Борскаго*. И что же сія *вторая* часть? Тѣ же противорѣчія, та же невѣроятность, та же невозможность! — Бракъ для *Елены* есть источникъ несчастія: она не можетъ изгнать изъ своей памяти того страшнаго мгновенія, когда

. . . озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Ея супругъ, у олтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И принялъ, блѣдный и безмолвный,
Лобзанья жаркія ея. (51)

Растерзанное сердце ея предается подозрѣніямъ ревности. Ето очень естественно! Не невозможно также было и *Владиміру*, коего несчастная *подозрительность* уже извѣстна, отозваться подобнымъ чувствомъ на неизъяснимую тоску *Елены*. Но естественно ли, вѣроятно ли, возможно ли по законамъ самаго необузданнаго поэтическаго своеволія, чтобы, послѣ дышущаго истиннымъ огнемъ страсти разговора *Елены* съ *Владиміромъ*, составляю-

щаго содержаніе *второй главы* второй части *Борскаго*, сей послѣдній могъ предаться столь страшному, столь несправедливому, столь неблагодарному гнѣву:

. .. . . . «Въ чемъ еще сомнѣнье?
Я ей наскучилъ — мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстію позорной
Давно душа ея горитъ,
Но мыслитъ: мужа усыпитъ
Она любовію притворной. . .
Да, это вѣрно! мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала — та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня. . .
Ошиблась! — Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной —
Еще *открытіе* одно —
И пусть я гибну — все равно, —
Я не щажу неблагодарной! . . . (63)

И ето *открытіе?* . . Ето *открытіе*, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть — сколь ничтожно! . . Бредъ *лунатика* . . . бредъ безсвязный, безсмысленный, безжизненный — и . . .

И вотъ сверкнуло лезвее
И кровь *Елены* на кинжалѣ —
И рана въ сердцѣ у нее! (70)

Не всякъ ли видитъ, что поэту хотѣлось только довести *Владиміра* до убійства, и до самоубійства, во что бы то ни стало!.. Онъ и успѣлъ въ томъ! — Но какимъ новымъ фактомъ, какимъ новымъ открытіемъ можетъ все это обогатить *исторію сердца*?.. Какъ вамъ угодно, гг. *Романтики*! а — намъ, слѣпымъ людямъ, кажется, что, ежели инстинктуальное знаніе *Природы* и *сердца* разраждается подобными слѣдствіями, то оно — никуда не годится! —

— «Такъ не ужелижъ нѣтъ совсѣмъ ничего въ *Борскомъ*? . . . Не уже ли это есть совершенно пустое явленіе въ нашемъ литтературномъ мірѣ?» — Сказать по совѣсти, сія поэма не приноситъ большой чести нашей литтературѣ; но за то она дѣлаетъ честь — и честь величайшую — таланту поэта, сокрывающемуся въ ней какъ въ первовесенней, едва завернувшейся почкѣ. Прелестная *Галатея* (*), коея тонкому чувству и разборчивости естественно должны быть подсу-

(*) И одна ли Галатея? *Изд.*

димы всѣ туалетныя принадлежности, произнесла уже сужденіе о наружномъ ея достоинствѣ, — сужденіе, въ справедливости коего нельзя не согласиться. Языкъ *Борскаго* дѣйствительно *таковъ*, *какимъ долженъ быть*. Но это еще не составляетъ главнаго достоинства сей поемы. То, что особенно заставляетъ насъ любоваться ею и что не можетъ не радовать всякаго благомыслящаго любителя истинной Поезіи, есть — дѣвственная непорочность чувства, коимъ она одушевлена и проникнута. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ видимъ мы, что сердце Поета, изъ нѣдръ коего излилось сіе твореніе, сохраняетъ цѣломудренную чистоту, не растлѣнную обаяніями сладострастія, свирѣпствующаго въ нашемъ литтературномъ мірѣ. И мы можемъ сказать о творцѣ *Борскаго* его же собственными словами:

Въ его душѣ неомраченной
Таятся миръ и правота,
Какъ бы въ святынѣ, охраненной
Нетлѣннымъ знаменьемъ креста! (11)

Отъ того-то сія поема отличается лучезарною свѣтлостію мыслей и кроткою, не душною теплотою ощущеній. Не воз-

можно безъ сердечнаго услажденія читать начала *шестой* главы *первой* части, гдѣ Поетъ такъ вѣрно, такъ живо изображаетъ развѣтъ *чувства* во мракѣ души запустѣвшей:

Кто рано жизнью утомленъ,
Страстями жаркими измученъ,
Тотъ сердцемъ къ жизни охлажденъ
И съ тайной грустью неразлученъ;
Онъ долго ищетъ, гдѣ нибудь,
Душой усталой отдохнуть,
Ему все дико, чуждо станетъ,
Разлюбитъ онъ людей и свѣтъ
И онъ въ порѣ своей увянетъ,
Какъ въ раннiй хладъ осеннiй цвѣтъ.
Но, если въ грудь его прольется
Вновь чувства свѣтлаго струя,
Въ душѣ родное отзовется —
Онъ снова чувству предается —
И сердце дѣлъ его судья! (38)

Чья душа не откликнется умиленіемъ на сіе прекрасное изображеніе возвращенія *Владимірова* на давно покинутую родину:

Но годы странствій протекли,
И нынѣ *Борскій* видитъ снова
Предѣлы отческой земли
И сѣни дѣдовскаго крова,
Гремя съ воротъ упалъ затворъ,

Они скрыпятъ — и торопливо
Проходитъ *Борскій* длинный дворъ,
Поростшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мертвый сонъ!
Кругомъ былаго нѣтъ и тѣни!
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ;
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ и, съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На етотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И къ верху съ крикомъ понеслась. . . (8, 9)

Ахъ! г. *Подолинскій!* г. *Подолинскій!* Умоляемъ васъ, отъ лица всей Русской литтературы, сохранить въ вашемъ сердцѣ сей священный огнь Весты, коимъ оно исполнено! Изберите только для себя другую, достойнѣйшую васъ дорогу къ святилищу Музъ! Дай Богъ, чтобы *Борскій* былъ послѣднимъ вашимъ шагомъ на распутіи лживаго *Романтизма!* И да увидитъ въ васъ Русская Поезія не дополненіе къ толпѣ гаеровъ, тѣшащихъ по заказу литтературную чернь; но истиннаго Поета, составляющаго ея честь и украшеніе!

Der freisten Mütter freie Söhne,
Schwingt euch mit festem Angesicht
Zum Strahlensitz der höchsten Schöne:
Um *andre* Kronen *buhlet* nicht! —

Съ Патріаршихъ
Прудовъ.
Марта 22.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Правительство и судилища въ Сербіи. (*)

Милошъ есть неограниченный властитель въ Сербіи. Первые послѣ него чиновники суть *Кнези* (**), которыхъ можно раздѣлить на три разряда: 1. на *Кнезей наійскихъ*, которые управляютъ цѣлыми *наіями* (***), каковы на примѣръ Іованъ (Іоаннъ), братъ Милошевъ, начальствую-

---

(*) Изъ книги: « *Милошъ Обреновичъ*, *Князь Сербіи*, *или Градя за Српску Историју нашега времена* « т. е . . . или матеріалы для Сербской исторіи нашего времени. Соч. *Вука Стеф. Караджича*. Въ Будѣ (Офенѣ). 1828.

(**) Князья, начальники.

(***) *Нанја*, или *нахія* — округъ, уѣздъ.

щій въ наіи Рудницкой, и Ефремъ, также братъ Милошевъ, завѣдывающій наіями Шабацкою, Вальевскою и Бѣлградскою...(*); 2. на *Кнезей*, начальствующихъ въ *кнежинахъ* (**)...; 3. на *Кнезей срескихъ* (***)... Прежде и старѣйшины сельскіе назывались *Кнезови сеоски* (сельскими Князьями); но теперь они извѣстны подъ именемъ главныхъ кметовъ (главни кметови). Милошъ сзываетъ Кнезей на обыкновенные съѣзды къ Юрьеву дню и ко дню Димитріеву, когда оканчиваются отчеты и дѣлается расписаніе налогамъ; впрочемъ онъ можетъ и въ другое время собирать ихъ, когда усмотритъ въ томъ надобность.

Сербы мало помалу приобрѣтали силу и власть въ землѣ своей, иные помощію дружбы Милоша съ Али-Пашею, а иные посредствомъ денегъ, которыя въ рукахъ своихъ они удержали. Уже и въ прежніе годы, только лишь въ городахъ Мусселимы Турецкіе судили Сербовъ вмѣ-

(*) Пропускаемъ имена другихъ *Кнезей* главныхъ, равно какъ и названія округовъ, управляемыхъ ими. *Перев.*

(**) *Кнежина* соотвѣтствовать можетъ волости.

(***) Кнежина заключаетъ въ себѣ нѣсколько *срезовъ*, въ которыхъ начальствовали сотскіе.

стѣ съ *Кнезами;* по селамъ же одни Сербы рѣшали дѣла не только маловажныя, но и уголовныя. Но съ 1820 года, когда Милошъ поссорился съ Али-Пашею, Сербы всю власть судебную присвоили себѣ; Мусселимамъ же предоставили право судить единственно Турковъ. Съ того времени введены по всѣмъ наіямъ *магистраты*, а въ 1825 году учрежденъ въ Крагуіевцѣ и *великій судъ народный* (какъ бы заступающій мѣсто Сената). И въ прежнее время тѣ изъ Кнезей, которымъ надлежало бы находиться въ Бѣлградской Канцеляріи, большею частію отправлялись къ Милошу; въ Бѣлградѣ же оставалось ихъ по нѣскольку человѣкъ, или для совѣщаній съ Турками, или для суда и расправы по дѣламъ жителей какъ Бѣлграда (нашего закона), такъ и принадлежащихъ къ округу сего города. Но поелику жителямъ изъ всей наіи Бѣлградской было бы слишкомъ далеко ходить на судъ въ самой городъ; для того магистратъ учрежденъ въ селѣ Рогачѣ, а въ Бѣлградской Канцеляріи остается два или три человѣка, не болѣе, какъ для переговоровъ съ Турками, такъ и для суда надъ жителями города.

Такимъ образомъ первая инстанція суда находится при сельскомъ главномъ кметѣ, которой, съ вѣдома и совѣта прочихъ кметовъ, можетъ наказать виноватаго 25 ударами палки, особливо безпокойнаго человѣка или бродягу, какіе шатаются по винокурнямъ (од казана до казана). Отъ сельскаго суда дѣло переходитъ къ *наійскому* магистрату, отсюда къ Суду великому, и наконецъ уже къ Милошу, которой произноситъ окончательные приговоры. Казнить смертію человѣка, безъ вѣдома Милоша, никто не имѣетъ власти кромѣ Ефрема, брата Княжескаго; по сей-то причинѣ и важныхъ преступниковъ, на примѣръ душегубцевъ или возмутителей, магистратъ не судитъ, а отсылаетъ немедленно къ Милошу и къ Суду великому. Если виновный будетъ приговоренъ къ смерти; въ такомъ случаѣ отправляютъ его обратно для исполненія казни на мѣстѣ преступленія. За малыя вины наказаніемъ бываютъ *побои* и *тюремное заключеніе*; а за кражу взыскивается еще и денежная пеня (глоба) въ казну общественную, именно цѣна украденной вещи; то есть, воръ долженъ *вдвое* заплатить противъ украденной вещи, или же возвратить

вещь и прибавить сверхъ того цѣну, какой она стòитъ.

Зáконовъ писанныхъ еще нѣтъ никакихъ; судятъ же дѣла, основываясь на здравомъ разумѣ и на обычаяхъ. Нерѣдко случается, что судьи купеческія распри передаютъ торговцамъ для предварительнаго разбора. Съ провинившимся священникомъ поступаютъ въ судѣ равно какъ и съ прочими, почти безъ всякаго различія. До учрежденія магистратовъ, *Кнези* были вмѣстѣ и судьями; теперь имъ принадлежитъ власть какъ бы военная, или полицейская, и главная должность ихъ состоитъ въ присмотрѣ за подозрительными людьми, въ собираніи податей и другихъ поборовъ. Главные (*наійскіе*) Кнези суть выше магистрата (въ своей *наіи*); прочіе же подчинены сему присутственному мѣсту. Каждой можетъ принести жалобу на *Кнеза*, начальствующаго въ *кнежинѣ*, и на *Кнеза* же *срескаго* магистрату, а на магистратъ и на главнаго *Кнеза* верховному судилищу. Члены Великаго Суда, какъ совѣтники Милоша, всѣ почти чиномъ выше наійскаго *Кнеза*; не смотря на то, каждой изъ нихъ скорѣе согласился бы быть *наійскимъ Кнезомъ*

нежели членомъ упомянутаго судилища. Въ члены Великаго Суда обыкновенно определяются *Кнези;* отъ того и зовутся они все Князьями (*Кнезови*). Главнаго кмета въ селеніи определяетъ *Кнезъ* (нахійскій, кнежинскій или *срескій*) по согласію съ обществомъ; всѣхъ же другихъ чиновниковъ назначаетъ Князь Милошъ.

Постановленіе о доходахъ Сербскаго духовенства.

(Оттуда же.)

Еще въ 1816 году, 18 Февраля, издано было въ Бѣлградѣ, «изъ Канцеляріи народа Сербскаго» постановленіе (за подписью Милоша, Ужицкаго Митрополита Мелентія Никшича и Вратѣвшницкаго Архімадріта Мелентія Павловича) о томъ, сколько взимать долженъ Владыка и сколько Священникъ; именно:

а) Владыка да взымаетъ:	*грош.*	*пары* (*)
Отъ монастыря ежегодно .	25	—
— церкви	12	20

(*) Одинъ грошъ нынѣ стоитъ 12 крейцеровъ серебромъ; въ грошѣ считается 40 паръ.

	Грош.	*Пары.*
Церкви же отнынѣ да неотдаются въ арендное содержаніе.		
За рукоположеніе	100	—
Отъ каждаго священника ежегодно по	10	—
За 1 е вѣнчанье	2	—
— 2 е	4	—
— 3 е	6	—
Дани отъ дома въ годъ по . .		6
Подымнаго (димница, vectigal pro fumario) отъ каждаго дома ежегодно по	1	4
б) Священникъ да взымаетъ:		
За крещеніе чулки, или . .	1	20
— ——— отъ восприемника .		10
— великое отпѣванье покойника зажиточнаго	10	—
— великое отпѣванье покойника недостаточнаго . . .	5	—
— малое отпѣваніе младенца .	2	—
— елеосвященіе	3	—
или на каждаго священника по	1	—
— великую молитву . . .	1	—
— малую	1	—
— водосвятіе		20
— кажденіе ѳуміамомъ (прекаду)		12

	Грош.	Пары.
За вѣнчаніе 1е (вмѣстѣ со Владычнимъ)	3	—
— ——— 2е (—— — —)	6	—
— ——— 3е (—— — —)	8	—
Хлѣбнаго побору отъ селянина по 12 окъ ржи съ каждаго женатаго (или деньгами по цѣнѣ), а отъ городскаго жителя по	1	20

Въ 1823 году издано слѣдующее постановленіе о доходахъ:

«*Высокопреосвященнѣйшій Господине! Архіпастырю высокопочитаемый!* Поелику народъ въ представленіи своемъ высочайшей Портѣ включилъ между прочимъ и одинъ пунктъ важный, коимъ изъявляетъ *всемилостивѣйшему Султану* свое желаніе, чтобы дань, которую народъ платилъ донынѣ въ разные сроки и подъ разными именами, была приведена въ одну сумму и вносима въ казну подъ однимъ именемъ; то по сему поводу, особливо же для того чтобы пресѣчь издавна продолжающіяся злоупотребленія, достаточно свидѣтельствуемыя и жалобами духовенства нашего, хранящимися въ моей Канцеля-

рiи; призналъ Я за необходимое и о вашихъ Архiерейскихъ доходахъ, прошлаго Декабря 13 го и 14 числъ, посовѣтоваться къ кнезами, старѣйшинами въ нахiяхъ, и съ кметами, посланными отъ народа всего пашалыка. Въ ономъ собранiи всѣ единодушно опредѣлили назначить Архiереямъ пашалыка, вмѣсто взимаемаго донынѣ подымнаго и прочихъ доходовъ:

	Грошей
1) Постоянный ежегодный окладъ, состоящiй изъ	18,000
слѣдственно въ каждой мѣсяцъ по	1,500
2) За рукоположенiе во священника	50
и когда передаетъ сиггелiю (?) священнику	50
3) за антимисъ	12
и за освященiе церкви . .	100

4) Когда посѣтитъ гробъ священника или мiрянина, или отпѣваетъ его по обряду; въ такомъ случаѣ дача будетъ зависѣть отъ условiя между Архiереемъ и сродникомъ усопшаго.

5) Продажу церковныхъ приходовъ священникамъ, сборъ подымнаго и другихъ даней Правительство наше предостав-

ляетъ своему собственному распоряженію; отдача же приходовъ въ аренду совсѣмъ уничтожается.

6) Долгъ, Архіереями Сербіи платимый Святой Великой Церкви (*), господство наше принимаетъ на себя, и будетъ уплачивать оный изъ собственныхъ доходовъ по условію, какое учинено будетъ съ Великою Церковію.

7) Доходъ отъ печатей, которыя Архіерей передаетъ Протопресвутерамъ для вступающихъ въ бракъ, принадлежитъ Протопресвутерамъ въ награду за ихъ трудъ.

8) Господа Архіепіскопы изъ опредѣленнаго имъ оклада да содержатъ пристой-

(*) Долгъ, числящійся на Владыкахъ съ давняго времени, простирается нынѣ до 137,433 грошей; и оба Владыки Сербскіе (Бѣлградскаго пашалыка) должны ежегодно платить за оный процентовъ (съ данью) около 20,000 грошей. Но упомянутый долгъ можетъ и еще увеличиться, а особливо когда поставленъ будетъ новый Владыка, неимѣющій денегъ. Надобно знать, что каждой изъ нихъ беретъ въ займы не на себя самаго, а на епархію, которая такимъ образомъ и остается въ долгу по смерти Архіерея, или когда онъ перемѣщается изъ одной епархіи въ другую. *Соч.*

нымъ образомъ своихъ протосунгелловъ, архідіакрновъ и секретарей.

9) Г. Архіепіскопу Бѣлоградскому, находящемуся при Мнѣ и въ Бѣлградѣ при Визирѣ, поелику онъ издерживаетъ болѣе, нежели Епіскопъ Ужицкій, ради таковыхъ издержекъ, назначается какъ отъ Меня, такъ и отъ Моихъ преемниковъ, сверхъ упомянутыхъ 18,000, еще по 2,000 грошей.

Опредѣляя оный доходъ Господамъ Архіереямъ, мы не рѣшаемся предписывать, или лучше запрещать что-либо касательно добровольнаго имъ приношенія деньгами, или чѣмъ бы ни было, за молитвы о недужныхъ, за освященіе воды и проч. Не только мы не запрещаемъ, но препоручаемъ господамъ Архіепіскопамъ и молимъ ихъ почасту посѣщать епархіи свои ради поученія духовенства и народа.

По таковомъ Моемъ и народа предложеніи, утвержденномъ въ упомянутомъ собраніи, я надѣюсь, что Господа Архіепіскопы наши добровольно согласятся на оное, тѣмъ болѣе что они чрезъ сіе избавятъ себя отъ труда излишняго, особливо же уклонятся отъ всякаго угнете-

нія народа, которое введено было прежними злоупотребленіями.

Просимъ господъ Архіепископовъ отъ имени бывшаго собранія, да объявять письменно, соглашаются ли на оное, сдѣланное имъ предложеніе; или же мы въ противномъ случаѣ постараемся окончить дѣло сіе извѣстными намъ средствами.

Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, остаюсь

(М. П.) *къ услугамъ готовый*
Милошъ Обреновичъ,
Сербіи Князь.»

Въ Крагоевцѣ.
20 Января
1823.
NO 97.

Владыки, недовольные онымъ постановленіемъ, стали жаловаться (особливо же подъ рукою) внѣ Сербіи; ибо каждой изъ нихъ, по прежнему обычаю, отъ одного подымнаго получалъ доходу мало чѣмъ менѣе 30,000 грошей. Святая Великая Церковь въ Царьградѣ сперва было изъявила согласіе, и готова была получить въ уплату долга нѣкоторую сумму денегъ; но послѣ и она отступилась. Та-

кимъ образомъ послѣ немалыхъ споровъ и распрь постановленіе отмѣнено въ 1825 году; вразсужденіи же священническихъ доходовъ снова сдѣлано положеніе того же года, по совѣщаніи съ духовенствомъ обѣихъ епархій, а именно:

	Гроши.	*Пары.*
За молитву надъ родильницею . .		10
— крещеніе чулки, или . .	1	—
— ——— отъ восприемника . .		10
— великое отпѣванье отъ зажиточнаго	10	—
— ——— ——— средняго	5	
— ——— ——— неимущаго	*ничего*	
— ——— ——— младенца	2	—
— елеосвященіе отъ Кнеза и главнаго торговца . . .	6	—
— ——— прочихъ . .	3	—
— великую молитву . . .	2	—
— малую		20
— освященіе воды ежемѣсячно по		12
— кажденіе (прекаду)		12
— ——— въ городѣ, по старому		20
— поминовеніе послѣ 40 дней . .		20
— ——— года	1	—
— ——— въ другое время	1	20

Сборъ хлѣбомъ по старому.

(Съ Сербск.)

СМѢСЬ.

Въ Типографскій ящикъ господъ издателей Сына Отечества и Сѣвернаго Архива.

1. *Ипполитъ Междометный Николаю Ивановичу Гречу здравія желаетъ.*

Благосклонное посланіе клеврета вашего, сотезоименитаго мнѣ Ипполита, къ Издателю В. Е. напомнило намъ другую такой же доброты и качества, хотя впрочемъ стихотворную, посредствомъ вашего Сына Отечества нѣкогда обнародованную, епистолу къ нему отъ *Боало* и *Вольтера* за скрѣпою и рукоприкладствомъ одного изъ *знаменитыхъ друзей* вашихъ. Не льзя правда не пожалѣть, что реченный клевретъ, бывъ наименованъ въ С. О. *Иполитомъ Филипсілювитинскимъ*, едва ли не безвинно претерпѣлъ трикратное порѣзаніе на своей благообразной фигурѣ, и можетъ статься онъ, единственно отъ недосмотра вашего, долженъ будетъ между послѣдователями Еразмова чтенія отнынѣ навѣки прослыть *Еполитомъ*, да еще и *Фелипсіловетинскимъ*. Невзирая на то, сицевое вниманіе ваше къ людямъ, не оказавшимъ никакихъ заслугъ на блистательномъ

поприщѣ Екзарха Болгарскаго и его преемников, и никогда не дерзавшимъ разъѣзжать на конькѣ грамматическомъ, въ нашемъ околоткѣ порадовало всѣхъ будущихъ подвижниковъ, которые ласкаютъ себя животворною надеждою нѣкогда шествовать по стезѣ, вами проложенной и углаженной. Сколько изъ благодарности къ вамъ, столько же, или почти столько, изъ сострадания къ изуродованному въ Сынѣ О. имени сотезоименитаго мнѣ Іпполvта, я не полѣнился забрать справки, для разрѣшенія главныхъ сомнѣній, которыя и прошу, вынувъ изъ ящика, почтительно вручить своему клеврету. Надъ посторонними пунктами, отецъ и благодѣтель! останавливаться не буду: ибо мнѣ ли объяснять совершенно ясное для вашего Іпполvта, пишущаго подъ покровительствующею дланію такого словотолкователя, которой, выпустивъ на свѣтъ, если неошибаюсь, *три* грамматики разной толщины и различнаго качества, быть можетъ, готовится даровать міру еще столько же сихъ драгоцѣнныхъ *діоптръ* языковѣдѣнія! Vitam impendere Grammaticae! Мнѣ ли толковать ему, что подъ *мѣдью звѣнящею и кvмваломъ бряцающимъ* или *звяцающимъ* разумѣется нарядный наборъ словъ на какомъ бы то ни было изъ языковъ человѣческихъ, составленный по правиламъ всѣхъ возможныхъ грамматикъ — словъ щеголеватыхъ, но пустыхъ, внушаемыхъ не тѣмъ благороднымъ чувствомъ,

котораго не замѣняетъ и вѣдѣніе всѣхъ тайнъ! Или опять, какое мнѣ дѣло защищать давно умершаго, въ литтературѣ безгрѣшнаго автора? Профессоръ Елоквенціи въ томъ конечно виноватъ передъ зубоскалами, что, не овладѣвши чуждымъ ему нарѣчіемъ Великороссійскимъ, на которомъ и подражать еще было не кому, онъ вздумалъ забавлять Русскую публику такими произведеніями, какими во Франціи щеголяли умы отличнѣйшіе и какія были написаны тамъ на языкѣ уже обработанномъ и установившемся; но онъ же, трудолюбивый перелагатель Роллена и творецъ ученыхъ трактатовъ, правъ съ другой стороны передъ нашими издателями Сыновъ, Архивовъ и Вѣстниковъ, правъ тѣмъ, почтеннѣйшій Ніколай Ивановичь, что невещественнаго капитала, ему одному принадлежавшаго, достало бы на *всѣ*, взятые вмѣстѣ, наши литтературно-коммерческіе обороты. Побесѣдуемъ теперь о сомнѣніяхъ присснаго клеврета вашего.

Сломленная кость въ живомъ человѣкѣ, если она срощена не надлежащимъ образомъ, ломается снова и сращивается. На временную боль не смотрятъ, когда желаютъ предотвратить недугъ продолжительный и неисцѣльный. Наше правописаніе донынѣ еще не установилось, и къ счастію, съизнова ломать нечего: неоднообразное употребленіе буквъ показываетъ уже, что есть

недовольные чужимъ правописанiемъ, и что, несмотря на издаваемые законы творцами грамматикъ, размышляющiе люди продолжають дѣлать опыты, въ чаянiи когда нибудь попасть на путь истины, или по крайней мѣрѣ подойти къ ней сколько можно ближе. Они говорять, что мы, перенявъ многое у просвѣщенныхъ иностранцовъ, должны бы перенять у нихъ и полезный во многихъ отношенiяхъ способъ отличать слова Греческаго происхожденiя буквами Ѳ и V, для нихъ существующими въ нашей азбукѣ. Вы сами, допустивъ *Ѳиту* для именъ собственныхъ и для нѣкоторыхъ нарицательныхъ (Практ. Грам. стран. 556, 557 и слѣд.), нескрываете отъ насъ, что въ азбучный мiръ допущена *ижица*, и даже съ великодушнымъ безпристрастiемъ показываете примѣры, какъ употребляется она въ письмѣ Церковно-Славянскомъ. Васъ безпокоитъ неутолимая забота о произношенiи словъ точь въ точь по писанному; но ето ни въ какомъ языкѣ невозможно. Самое слово *конекъ*, столько вамъ знакомое, и вы и клевретъ вашъ такъ ли произносите, какъ оно пишется? Почему же недопустить сего необходимаго исключенiя и въ пользу словъ Греческихъ, когда въ алфавитъ нашъ издревле введены и приняты буквы, только лишь въ Греческихъ словахъ и употребляемыя? Выговоръ подверженъ измѣненiю, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ; но письмен-

ныя формы языка установившагося передаются поколѣніямъ, какъ наслѣдственное достояніе народа. Ломоносовъ и Сумароковъ (простите великодушно, что привожу имена авторовъ не модныхъ) желали, чтобы въ написанныхъ словахъ видно было ихъ происхожденіе: первой именно совѣтуетъ наблюдать въ правописаніи, *«чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій»* (*Грам.* § 108); второй, согласно съ мнѣніемъ Ломоносова, предписывая въ предлогѣ *при* неизмѣнять находящейся въ немъ гласной буквы на другую, приводитъ причину благоразумную, которую можно распространить вообще на правописаніе: . . *«ни слова, ни связки словъ никогда своего естества перемѣнять не должны, дабы они въ обновѣ не странны были взору нашему»* и проч. (*Полн. Собр. Соч.* изд. 2. X, 16). Чудныя дѣла на свѣтѣ! Сумароковъ, неузорившій своихъ грамматическихъ правилъ Греческими примѣрами, даетъ въ Русскомъ правописаніи уголокъ *Ѳитѣ* и *Ижицѣ* (9 и 17); вы же, почтеннѣйшій Ніколай Ивановичь, тогда какъ изъ вашей Практической Русской грамматики можно затвердить не мало Греческихъ вокабулъ — что я говорю? можно выучиться почти столько же погречески какъ и порусски — вы, показавши все доброзрачіе сихъ буквъ между Церковно-Славянскими ихъ клевретами, полагаете Русской *Ѳитѣ* предѣлъ, его же да не прейдетъ, а *Ижицу*,

безгрѣшную *Ижицу*, совсѣмъ изгоняете изъ алфавитнаго едема.

Что̀ скажу вамъ объ *i*, буквѣ иными употребляемой вмѣстѣ двуногаго *и?* Ломоносовъ отыгрался шуткою отъ Сумарокова, отвѣчавъ ему, что Фертъ *стоитъ подпершись*, слѣдственно *бодрѣе Ѳиты.* Не будучи расположенъ шутить, я скажу, что̀ знаю: Отецъ Нiконъ, бывшiй когда-то моимъ учителемъ (задолго еще до появленiя вашихъ грамматикъ), стоялъ горою за букву *i;* онъ говаривалъ, что имени своего никогда не исказитъ ненавистнымъ *и*, уже и потому презрительнымъ, что оно, имѣя свой удѣлъ въ азбукѣ, нагло втирается въ заповѣдныя слова̀ и съ безстыдствомъ становится въ нихъ на чужомъ мѣстѣ, лишь бы какъ нибудь себя выказать; говаривалъ, что въ словахъ: *Фiлософiя, Епiскопъ, Нiкита,* онъ видитъ *ясно* значенiе ихъ: *любомудрiе, надзиратель, побѣдитель;* напротивъ если написаны онѣ другимъ образомъ, то и смыслъ реченiй онъ едва-едва угадываетъ.

Впрочемъ, не любя споровъ, мы нестанемъ питать въ душѣ своей вражды за мертвыя буквы. Подождемъ годъ, другой; станемъ наблюдать, какъ пишутъ грамматѣи, какимъ слѣдуютъ правиламъ и на чемъ ихъ основываютъ; размыслимъ хладнокровно, испытаемъ себя ревностно, не еретичествуемъ ли въ истинномъ правописанiи и

(почему знать?) быть можетъ, прибѣгнемъ съ покаяніемъ подъ спасительную сѣнь грамматическихъ догматовъ вашихъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидая послѣднихъ нумеровъ постоянно цвѣтущаго Сына Отечества за прошлый 1828 годъ, вами еще неизданныхъ, цѣлую васъ и клеврета вашего, сотезоименитаго мнѣ Ипполита. *I. M.*

Малые Лужники.

---

2. Чутье чутью разница.

Quot capita, tot sensus.

Человѣкъ въ человѣка не приходитъ: таковъ и намъ кажется смыслъ етой Латинской поговорки, оправданной на дѣлѣ г-мъ неизвѣстнымъ вкладчикомъ въ *ящикъ* (*) *С. О. и С. А.* Сей доброхотный датель, жертвующій послѣдними своими крупицами въ ету чудную посудину, не можетъ налюбоваться *тонкимъ чутьемъ* Кріmика, живущаго на *Патріаршихъ прудахъ,* и исписываетъ цѣлыя полторы страницы восклицаніями и вопрошеніями, выражающими весьма живо паѳетическое (**) состояніе души его. Кріmикъ съ

(*) Етотъ *ящикъ* заключаетъ въ себѣ такую пропасть *сору* и *дряни,* что справедливо надлежало бы его назвать *коробомъ.*

(**) Опять *Ѳ!* Просимъ не прогнѣваться! —

Патріаршихъ Прудовъ слишкомъ скроменъ для того, чтобы безъ зазрѣнія совѣсти присвоять себѣ незаслуженное удивленіе. Онъ не можетъ истолковать иначе сего страннаго восторга, съ каковымъ г-нъ неизвѣстный разсыпается въ похвалахъ *чутью* его, какъ предположивъ, что сей новый нежданный и незванный пріятель, навязывающійся такъ усердно къ нему на шею, страждетъ душевнымъ *насморкомъ* или, по неприязненному стеченію обстоятельствъ, потерялъ самъ *чутье* свое совсѣмъ невозвратно. Ибо въ противномъ случаѣ могъ ли бы онъ удивляться тому, что Кріtикъ съ *Патріаршихъ Прудовъ*, бывъ принужденъ рыться *на заднемъ дворѣ* нашей Поэзіи, не могъ не ощутить господствующаго тамъ зловонія?.. Ето дѣло весьма обыкновенное! — Говоря по совѣсти, Кріtикъ не только не гордится сею незаслуженно восхваленною *чуткостію*, но еще завидуетъ г-ну неизвѣстному, коего залегшее обоняніе оставляетъ воображенію его полную свободу ощущать благоуханіе розъ тамъ, гдѣ *только что навозъ и соръ*. Съ сею блаженною *нечуткостію* можно углубляться въ самые сокровеннѣйшіе тайники черной *дворовой* природы; *полоскаться* съ *утками въ лужахъ*, любоваться *дракою козловъ и собакъ*, гонять *мокрыхъ Индѣйскихъ пѣтуховъ*, провожать *бабъ черезъ грязный дворъ*, пользоваться *будильникомъ* услужливаго *Пикара* и указывать пальцомъ, *до* которыхъ мѣстъ

носятъ тарьи — не зажимая носа. *Слѣпой курицѣ*, какъ говоритъ Руская пословица, *все пшеница!* — Чтожъ однако дѣлать, ежели бѣдный Крітикъ съ *Патріаршихъ Прудовъ* не успѣлъ еще достигнуть до подобной апаѳіи? (*) *Человѣкъ въ человѣка не приходитъ!* —

При всемъ *чутьѣ* своемъ однако, Крітикъ сей не можетъ еще *догуяться*, почему *Патріаршіе Пруды*, близь которыхъ находится скромное его жилище, залегли на сердцѣ у г-на неизвѣстнаго, начавшаго удостоивать его еже-*недѣльно* своимъ разглагольствіемъ? Его изумляетъ даже и то, что ихъ имя непосредственно слѣдуетъ за Италіанскимъ стихомъ, оканчивающимъ крітику на *Балъ* и *Графа Нулина*. Вѣрно *чуется* ему, при всей его *нечуткости*, что водамъ ихъ суждено смывать грязь и нечисть съ нашей Литтературы, запачканной тщаніемъ и трудами нашихъ великихъ геніевъ: а это конечно не можетъ быть ни для него, ни для подобныхъ ему находкою! — Благомыслящіе конечно бы тому порадовались: но — *человѣкъ въ человѣка не приходитъ!* —

Кстати о *грязи* и *лужахъ*: вспомнимъ, какъ въ баснѣ Крылова Лягушка, у которой *тинистый уголокъ въ лощинкѣ* началъ высыхать отъ лѣтнихъ жаровъ, обращается къ богамъ съ усерднымъ моленіемъ:

(*) И пакп! и пакп! —

«О боги, молится Лягушка изъ норы:
Меня вы бѣдную не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»

Вспомнимъ также и прекрасное нравоученіе, коимъ Баснописецъ нашъ оканчиваетъ свою басню:

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

---

3. *Замѣчаніе на замѣченную молодость лѣтъ Критика съ Патріаршихъ прудовъ.*

Не смотря на то, что Критикъ, живущій на *Патріаршихъ Прудахъ*, по собственнымъ словамъ своимъ «еще недавно завалился за двадцать три года» г-нъ неизвѣстный подкидыватель сору въ *ящикъ С. О. и С. А.* объявляетъ его *уже вышедшимъ изъ ребятъ*. Сколь ни сумнительны восхищаемыя имъ права на утвержденіе литтературнаго *совершеннолѣтія:* Критикъ съ *Патріаршихъ Прудовъ* не можетъ однако не быть признательнымъ къ столь обязательной благосклонности и усильно проситъ дать знать ему, сколь велика пошлина, взимаемая обыкновенно за подобное провозглашеніе. Но между тѣмъ онъ почитаетъ за грѣхъ скрывать отъ добрыхъ лю-

дей, что, по собственному его сознанію, онъ не *возмужалъ* еще въ литтературныхъ сплетняхъ и каверзахъ, составляющихъ нынѣ необходимую принадлежность всякаго литтературнаго *мужа* comme il faut, и опасается даже остаться навсегда въ семъ отношеніи — *ребенкомъ*. Чтожъ касается до *очковъ*, которыя ему столь убѣдительно совѣтуется *надѣть* въ сіи молодыя лѣта: то Критикъ считаетъ обязанностію извѣстить всѣхъ, *кому вѣдать о томъ надлежитъ*, что онъ уже запасся прекраснѣйшими *очками*, при помощи коихъ надѣется различить не только *кошку* съ *мышью*, но и *пчелу* со *шмелемъ*, *сына* съ *пасынкомъ*, *архивъ* съ *заплѣснѣвшей пылью*. Сверхъ того онъ обѣщается впредь *читать внимательнѣе*, *помнить прочитанное лучше и писать не наобумъ*, а на *надоумъ*.

Съ Патріаршихъ Прудовъ.

Нѣсколько народныхъ пѣсень, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи (*).

I.

Хтожъ тебе билывъ, билая лебедонька?
Билыдо жъ мене два соколонька.
Чомъ не лебеди, билая лебедонько?
Бо за водами великими не моглы доплынуты,
Бо за лисами не моглы долетиты.
Хто жъ тебе убиравъ, красная Марысенько?
Убирала жъ мене вся моя дружинонька.
Чомъ не матунька, чомъ не ридненька, красная Марысенька?
Бо за зиллями (**), за тяжкими не моглы доступыты,
За слизами за дрибненькими не моглы доглянути.

(Поють въ Сророкахъ, подъ Львовымъ.)

2.

За синьми, синьми соловейко щебсче;
Слухай Марысенько, слухай дивонько,
Батенько тебе клыче.
Нехай соби ~~клыче, якъ соби хоче~~,
Я ему не служенька.
Положила ключи

(*) Изъ собранныхъ покойнымъ *Ходаковскимъ.*
(**) Зелье, трава дурная.

До *шлюбу* (*) идучи
Въ комору, на прыбору.

(Въ Дорогобужѣ (**), надъ Горынью.)

3.

Часъ намъ, перезвянки, до дому,
Вже мисяцъ дорогу освитывъ,
Витрецъ ворота отчынывъ,
Жебъ наше дитятко у порога не стояло,
Билыхъ соби рукъ не ламало,
Дрибныхъ слiозокъ у свекорка не роняло.

(Подъ Брестьемъ, поется при выѣздѣ перезвянокъ, т. е. свадебныхъ спутницъ.)

4.

Витайте, бояре, витайте,
По червоному дайте,
Бо треба Марыси чобитокъ
И золотенькихъ пидкиповъ,
Бо теперь ноченька невидная,
Еще и дорога слизкая.

(Въ Гредѣ, подъ Львовымъ.)

5.

Злетивъ сокилъ, злетивъ з высока,
Повыганявъ же винъ сыви каченьки съ потока,

(*) *Шлюбъ* — обрядъ бракосочетанiя.
(**) *Тамъ же поется извѣстная и въ нашей Украйнѣ:*
Послала мене маты
Зеленого жита жаты;
А я жита не жала
Въ борозденцi лежала, *и проч.*

Ино ся идна каченька зистала,
И та ся соколоньнови дистала.
Пріихавъ же панъ Ивасіо з Висилемъ,
Повыганявъ винъ вси дивчата съ села,
Ино ся идна Марыся зистала
И та ся Ивасенькови дистала.

(*Въ Синявѣ, поется передъ свадьбою.*)

6.

Ой рано рано куры запилы — *Святый вечеръ, добрый вечеръ!*
А ще раньше Панычь уставъ, — —
Лучкомъ забряжчавъ — —
Братья побуджавъ: — —
Вставайте братья — —
Кони сидлайте, — —
Хортивъ склыкайте; — —
Ой пойдемо въ чистее поле,
Въ чистее поле пидъ Полонее:
Ой тамъ я назнавъ кунку въ деревѝ,
А дивку въ теремѝ;
Ой тоби буде кунка въ деревѝ,
А мени буде дивка въ теремѝ.
А за симъ словомъ бувай здоровъ *и проч.*

(*Ето есть такъ называемая Коляда; поется въ Любарѣ.*)

7.

У мене курокъ много,
А пивника ни идного.

Продамъ я решето пирья,
Куплю я до курокъ пивня.
А у мене дивчатъ много,
Хлопчика ни одного;
Продамъ я решето клоча,
Куплю до дивчатъ хлопца.

(Поется въ Ковельскомъ повѣтѣ.)

8.

Пишовъ бы я танцiоваты,
Волоки порвутся
Сѣрмяжина по колина,
Дивчата смиются.
Пишовъ бы я танцiоваты,
Та никого браты:
Стоятъ дивкы коло танця,
Та вси череваты.

(Тамъ же.)

9.

Ладо моя (2), шо е на тымъ короваи?
Естъ на нимъ зорка и мисяцъ ясненьки.
Ладо моя (2), шо е *и проч.*
Естъ на нимъ райскiе пташеньки.
Ладо *и пр.*
Естъ на нимъ житныи колосья,
Ладо *и проч.*
Естъ на нимъ вышни и черешни,

Ладо и проч.

Есть на нимъ бѣлые обрусы.

(Подъ Бржестомъ, при дѣленіи свадебнаго короваля.)

10.

Ходитъ Даронька по двору,
Просыть мисяца и зору:
Зоро жъ моя вечерняя
Засвитыжъ мени сіогодня!
Тогды, я тоби свитыла
Якъ маты тебе родыла.
Помолися Господу Богу,
Поклонися батенькови въ ногу
На счастлывоньку дорогу.

(Въ Дорогобужѣ, надъ Горынью.)

11.

Маты зятя витае,
На соби кожухъ вывертае;
Будь зятю добресенькій,
Якъ кожухъ теплесенькій;
Будь зятю богатый
Якъ кожухъ волохатый.

(Въ Шылахъ (?), поютъ на свадьбѣ въ воскресенье вечеромъ.)

12.

Вывернула маты овчину,
А на якую причину?
Шобъ зятя злякаты,
А дочки не оддаты.

(Въ Дорогобужѣ, надъ Горынью.)

13.

Мы булы въ Кракови;
Тамъ люды иднаковы.
Мы булы на Волыни,
Въ Польщи за три мили;
Мы Польщу звоiовалы;
Шабелiокъ не выймалы,
Краковянку соби взялы.

(Въ Клевани, поютъ привезши новобрачную.)

14.

Що то мамко за гости ѣдуць,
Самовольно на дворъ ѣдуць,
Подковками огонь крешуць,
Хустами раздымаюпць?
Выйдзи мамко поглядзи,
Што тобѣ бояре прывѣзли;
Прывѣзли пѣрыну и скрыню,
Да и молодую княгиню.

(Въ Гомелѣ.)

15.

Зъ гары зъ далины
Бигли коники чатиры,
Вѣзли повозку синюю,
Вѣнчали Мариску силою;
Не даромъ ее вѣнчали
Вѣнчали ее за гроши,
Што у ней дзѣцина хорошiй,
Самъ хорошъ, пригожъ, конь лучшiй,
Вси чатиры ножечки въ золоци,

А пятая грива въ сѣребри.
Чи не было ковалов разкавацъ,
Чи не было гребѣнцовъ расчесацъ?
Были кавали въ дарози,
Были гребенци въ обози (*).

(Поютъ тамъ же.)

Загадка.

Сидитъ на высотѣ, какъ Соловей-разбойникъ; но свистъ его никого не убиваетъ, многихъ не щекочетъ, и совсѣмъ не слышенъ тѣмъ изъ проходящихъ, которые отъ него отворачиваются. Сидитъ не въ гнѣздѣ и не на дубѣ: временная квартира его на каланчѣ, подъ которою готовится спиртной напитокъ. Онъ свищетъ, перебирая листы въ книжкахъ и пачкая чернилами писчую бумагу, и онъ же по временамъ бросаетъ камешками въ проходящихъ: легкіе подбираетъ около себя; а которые потяжелѣ, тѣ принимаетъ изъ рукъ доброхотныхъ посѣтителей. Послѣдніе, въ пріятной увѣренности, что они невидимки, подавая камни, указываютъ на головы, въ которыя швырять долженъ Соловей-разбойникъ; но для проходящихъ *и стѣны, какъ стекло*: все зная, они забавляются шаловливою

(*) Вотъ Бѣлорусское нарѣчіе простолюдиновъ.

злостію проказниковъ; а съ Соловьемъ-разбойникомъ, хотя онъ весь на виду, вмѣняютъ себѣ въ стыдъ квитаться свистомъ и швырками, въ ожиданіи сильнаго могучаго богатыря, Ильи Муромца, которой стащитъ съ каланчи незваннаго гостя и хорошенько проучитъ его своей дубиною.

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Съ нѣкотораго времени Министерство иностранныхъ дѣлъ весьма часто получаетъ депеши отъ Королевскихъ пословъ въ Лондонѣ и Парижѣ. — Со дня на день водворяется бо́льшая терпимость въ правительствѣ. Говорятъ, что дарована будетъ свобода нѣкоторымъ отраслямъ торговли и книгопечатанію, и что въ иныхъ большихъ городахъ позволено будетъ издавать газеты.

— Королевское постановленіе объ открытіи въ Кадиксѣ гавани для вольной торговли всѣхъ націй принято съ живѣйшимъ восторгомъ жителями города: въ теченіе атрехъ дней продолжались увеселенія, обѣды, балы, иллюминаціи и проч. Магистратъ и купечество угощали арестантовъ, бѣдныхъ, и одарили солдатъ гарнизона.

— Дошедшія изъ Мексики свѣдѣнія побудили правительство усугубить дѣятельность каса-

тельно снаряженія назначенной туда експедиціи. Въ Гавану отправили уже 3600 человѣкъ; сверхъ сего, набираютъ въ провинціяхъ волонтеровъ.

Франція.

Изъ Александріи пишутъ, что Паша чрезвычайно заботится объ исправленіи флота. Въ новопостроенномъ огромномъ арсеналѣ, кромѣ небольшихъ четырехъ судовъ, строятся фрегатъ и бриггъ, которые скоро будутъ окончены. Гавань окружена батареями, и на всѣхъ высотахъ разставлены пушки. Сухопутныя войска съ каждымъ днемъ улучшаются, и примѣтно доводятся до Европейской дисциплины. Въ Каирѣ формируютъ кавалерійскій корпусъ отъ 4,000 человѣкъ. Ибрагимъ-Паша, кажется, видѣвъ кавалерію, видѣннуюимъ въ Мореѣ, и хочетъ слѣдовать примѣру Султана, и вооружить свой корпусъ совершенно по европейски.

— Марта 19 (н. с.) возвратилась въ Марсель корвета la Bayonnaise, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта.

— Тогожъ мѣсяца 27 го данъ былъ по подпискѣ балъ въ пользу Португальскихъ емигрантовъ: собрано 36,000 франковъ.

Великобританія.

Предложеніе г-на Пиля, касательно втораго чтенія извѣстнаго билля въ пользу католиковъ, принято въ Нижней Палатѣ Парламента большинствомъ 180 голосовъ. Г-нъ Пальмеръ представилъ 19 го Марта прошеніе противъ

католиковъ, подписанное 113,000-ми Лондонскихъ обывателей. Еще другое прошеніе, подписанное 160,000-ми Ирландскихъ протестантовъ, представленное Герцогомъ Кумберландскимъ, было внесено двумя человѣками. Оно написано на 1,800 пергаментныхъ листахъ, имѣвшихъ въ длину одну съ четвертью Англійскую милю (около одной версты съ половиною).

— Въ Баттерси, въ окрестностяхъ Лондона, 21 Марта происходилъ поединокъ между Герцогомъ Веллингтономъ и Графомъ Винчельси, за оскорбительную для чести Герцога статью, сообщенную Графомъ газетѣ Standart. Вражда вспыхнула по поводу дѣла о католикахъ: одинъ желаетъ имъ успѣха, а другой неблагопріятствуетъ. Герцогъ выстрѣлилъ первый и далъ промахъ; Графъ выстрѣлилъ на воздухъ. Въ слѣдствіе чего секундантамъ, Сиру Гардингу и Графу Фальмоуту, удалось уговорить Графа Винчельси, чтобы онъ объявилъ чрезъ ту же газету опровержение прежней статьи своей.

— Извѣстія изъ Ріо де Жанейро гласятъ, что въ послѣдній день прошедшаго года Португальская депутація имѣла торжественную аудіенцію у Императора Бразильскаго. На рѣчь, говоренную при семъ случаѣ Графомъ Забугалою, Е. В. отвѣтствовалъ рѣшительно въ пользу дщери своей, Королевы Португальской.

— По новѣйшимъ письмамъ изъ Ріо де Жанейро, тамъ дѣлаются большія приготовленія къ войнѣ и снаряжается експедиція противъ Португаллін. Войска, числомъ до 5000 человѣкъ, посажены будутъ на 2 линейныхъ корабляхъ, 3 фре-

гатахъ, а корветтахъ и нѣсколькихъ транспортныхъ судахъ.

Турція.

Рѣшительно полагаютъ, что Султанъ выступитъ въ Адріанополь со знаменемъ Магометовымъ. Опасаются слѣдствій голода: двѣсти Греческихъ семействъ, значительное число Армянъ и Жидовъ высланы въ Азію; многимъ тысячамъ другихъ угрожаетъ та же участь.

Греція.

По извѣстіямъ отъ 26 го Февраля, Магмудъ-Паша, новый Губернаторъ Ливадіи, съ самаго пріѣзда своего замышлялъ сдѣлать нападеніе на Греческій корпусъ. Узнавъ, что занимавшій Ѳивы Омеръ-Паша имѣетъ то же намѣреніе, Магмудъ предупредилъ его, и собравъ 3000 чел. пѣхоты и 300 конницы, 27 го Января быстро напалъ на укрѣпленный лагерь Хиліарха Вассо въ окрестностяхъ Таланти; но былъ отраженъ съ значительною потерею. Греки взяли 200 плѣнныхъ и три знамени. — Магмудъ и Омеръ-Паша, узнавъ о приближеніи новыхъ силъ къ арміи Еллиновъ, по распоряженію Графа Августина Каподистрія, кажется, рѣшились бросить свои позиціи. Увѣряютъ, что Ливадія и Ѳивы оставлены Оттоманскими войсками.

Извѣстія и замѣчанія.

Во время крещенія новорожденнаго Принца Готландскаго, Января 28 го, Король Шведскій и Наслѣдникъ престола имѣли на себѣ древнюю одежду. На нихъ были Испанскія шляпы со строусовыми перьями, Испанскіе кафтаны изъ глазету, бѣлые сапоги для верховой ѣзды, обложенные горностаемъ, и золотыя шпоры; далѣе, Испанскія же мантіи бѣлаго глазета съ горностаями, рыцарскіе мечи и перчатки съ бахрамою, и кавалерскія цѣпи. Пряжки на шляпахъ, всѣ пуговицы о орденскіе знаки сіяли алмазами. Королева имѣла на головѣ своей токъ со строусовыми перьями, богато усаженный алмазами, и также бѣлую сребротканную робу, въ новѣйшемъ вкусѣ, украшенную также дорогими камнями. Коммандоры Шведскихъ орденовъ всѣ отличались убранствомъ временъ рыцарскихъ. Кавалеры ордена Серафимовъ имѣли на себѣ одежду бѣлаго цвѣта съ чернымъ; ордена Вазы — чернаго съ бѣлымъ; Звѣзды Сѣверной — червленнаго съ бѣлымъ.

— Марта 5го въ Парижѣ происходило испытаніе молодымъ Егvптянамъ, обучающимся Химіи у г-на Готье де Клобри, въ присутствіи Графа Шапталя. Ученики, въ числѣ 6 человѣкъ, спрашиваемы были изъ ѳеоріи и практики, рисовали и описывали снаряды; потомъ весьма успѣшно дѣлали опыты химическіе. При всей затруднительности для нихъ вразсужденіи языка и самаго предмета, екзаменъ кончился самымъ удовлетворительнымъ образомъ: особенно отличились

въ немъ: Ахметъ Юссуфъ, которому во время путешествія его во Францію было 20 лѣтъ, и Ахметъ Чабанъ, семнадцатилѣтній юноша, оба урожeнцы изъ Каира. Въ числѣ посѣтителей находился извѣстный сочиненіями своими о Сардиніи, Консулъ Мимо, долженствующій заступить мѣсто г-на Дроветти въ Египтѣ; были также Графъ Бертранъ и Графъ Оръ, оба нѣкогда принадлежавшіе къ Египетской експедиціи. Не задолго до упомянутаго екзамена прибыло 6 юношей, родившихся на границахъ Ефіопіи: по старанію г-на Дроветти, они будутъ воспитываться во Франціи.

— Близъ рѣки Вислы, въ окрестностяхъ селенія *Гуръ*, Гостыньскаго округа, одинъ лѣсной стрѣлокъ, минувшей зимою вынимая изъ земли древній пень сосны для домашняго своего обиходу, нашелъ въ пескѣ глиняную урну съ находившимися въ ней медалями временъ Римскихъ, совершенно явственными и какъ бы только лишь вышедшими изъ подъ чокана. Всѣхъ оказалось 83 штуки, между прочими Нерона, Гальбы, Вителлія, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы, Траяна, Адріана. Полагаютъ, что во время набѣговъ дикарей на Римскую Имперію, одинъ изъ нихъ, конечно въ царствованіе Адріана, или уже никакъ не позже его преемника, поселился въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены памятники древности; и такъ глиняный сосудъ тысячу семьсотъ лѣтъ лежалъ подъ землею! Послѣдовательный порядокъ Императоровъ на монетахъ отъ Нерона до Адріана, заставляетъ предполагать не какое-либо случайное стеченіе обстоятельствъ, а навѣрное выборъ современнаго любителя нумизматики.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 8.

АПРѢЛЬ. 1829.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Хижина на горахъ Валдайскихъ.

(Сцена изъ Драматической Поэмы: Михаилъ Ярославичь, Великій Князь Тверскій.)

Ночь. Старуха сидитъ подлѣ ветхаго деревяннаго свѣтца и прядетъ. Внукъ ея, лѣтъ пятнадцати мальчикъ, щепаетъ лучину. Деревенскія утвари разбросаны по хижинѣ. Въ углу большая крестьянская печка.

Внукъ (*изщепавши полѣно.*)

Довольно ль, бабушка? Не изсидѣть,
Я думаю, и этой намъ лучины!

Старуха.

Еще полѣнцо! — Ночи такъ длинны:
Лечь рано — пролежишь бока до утра!
Березы жь нечего жалѣть. Насъ Богъ
Щепой по крайней мѣрѣ не обидѣлъ!

Охъ, дитятко! худыя времена!
Прогнѣвали мы Господа грѣхами!
И добрые-то дни не въ радость намъ:
А нынѣ, что ни годъ — бѣда, да горе!
Послѣдній вѣкъ насталъ: знать, скоро будетъ
Конецъ всему и свѣту преставленье!
То голодъ, то чума, то непріятель:
Ложися заживо въ сырую землю!

Внукъ *(продолжая шепать).*

Ахъ! бабушка! Да унывать на чтожь?
Пока еще насъ Богъ совсѣмъ не бросилъ!
Былабъ жива-здорова только ты:
А то — пробавимся авось кое-какъ!
Вотъ я входить ужь начинаю въ силы:
Богъ милостивъ! работать я умѣю:
И съ голоду не сгибнемъ вѣрно мы! . . .

Старуха.

Благослови тебя Отецъ небесный,
Дитя мое! И горе мнѣ не въ горе,
Покуда Богъ блюдетъ тебя со мной! . . . .
Ты у меня одинъ, какъ порохъ въ глазѣ! —
О Господи! спокойнобъ понесла
Въ могилу старыя свои я кости,
Когда бы ты совсѣмъ окоренился!
Но нѣтъ! не доживу я до того;
Не перемыкать мнѣ до гроба горя! *(Утираетъ рукавомъ слезы.)*

Внукъ *(бросается къ ней).*

Не плачь же, бабушка! не плачь! Мнѣ, право,
Какъ острый ножъ, смотрѣть, когда ты плачешь...
О чемъ крушиться намъ пока? У насъ
Запасено довольно хлѣба въ зиму!
Зобницъ пять, шесть и на весну еще
Останется! А тамъ — что Богъ дастъ!
Не ужь-то пасынки мы у Него?
Не ужь-то Онъ совсѣмъ насъ позабудетъ?

Старуха *(стараясь скрѣпиться).*

Такъ дитятко! ты правду говоришь:
Богъ не безъ милости! мы живы будемъ! *(оставляя пряжу)*
Садись! Не хочется ль тебѣ чего поѣсть!
Ты день-деньской бродя, проголодался!

Внукъ.

Нѣтъ, бабушка! я очень, очень сытъ;
И мнѣ до ужина легко дождаться!
Ходилъ же я не очень далеко — туда,
Гдѣ прошлымъ лѣтомъ сосну раздробило;
И тамъ набралъ валежнику беремя.

Старуха.

Подмерзло ль хоть немного на дворѣ?
Или опять все тотъ же постъ великій?
Вотъ Три Святителя уже прошли —
А Срѣтенскихъ морозовъ нѣтъ, какъ нѣту!
Спаси насъ Господи! Точь въ точь такъ было,

Въ голодный страшный годъ, когда
Отецъ и мать твои пошли въ могилу.
Не даромъ на небѣ такія дива:
Не даромъ мѣсяцъ гибъ; не даромъ звѣзды
Такъ часто падаютъ! Война, иль голодъ —
Ужь что нибудь, а будетъ непремѣнно!

Внукъ.

Кажись, немного начало морозить!
Но очень вьюжно. Съ полночи вѣтеръ
Поднялся и въ горахъ ужасно воетъ.
Всѣ высѣкло глаза мнѣ гололедкой.
Бѣда, кого застанетъ здѣсь въ горахъ
Такая вьюга! Онъ погибъ навѣрно:
Не отыскать ему теперь дороги!

Старуха (*продолжая прясть*).

Да! худо ночью быть и въ чистомъ полѣ:
А здѣсь у насъ — и днемъ сломаешь шею.
Ахъ! что ето за запометный уголъ!
Привелъ Господь печальную намъ жизнь
Безъ радости здѣсь мыкать въ лютомъ горѣ:
И лишены послѣдней мы утѣхи —
На Божій свѣтъ глядѣть и любоваться!
Напрасно взоръ здѣсь ищетъ предъ собой
Луговъ узорчатыхъ, долинъ шелковыхъ,
Какъ мягкій ленъ пушистой муравы,
Какъ золото волнующейся жатвы!
Куда ни обернусь, сѣдая мгла
Лежитъ вездѣ, какъ вдовье покрывало.

Все мрачно, пусто, сыро, какъ могила.
Снѣга смѣняютъ гробовые мхи,
Уныло спящіе на сѣрыхъ камняхъ:
И лишь одна знакома зелень намъ,
Иль лучше, ржа зеленая печальныхъ,
Не вянущихъ и не цвѣтущихъ елей.
Напрасно льется нашъ кровавый потъ;
Напрасно за сохою гибнутъ силы!
Неблагодарная земля мертва,
Какъ гробъ пустынный, безотвѣтный! —
Ахъ! горько, горько и въ могилу лечь
Среди сихъ горъ унылыхъ, безотрадныхъ! . . .
Костямъ тяжелъ сырой песокъ чужбины! —

Внукъ.

Чужбины? Какъ возможно называть
Чужбиною родимый уголокъ свой? . . .

Старуха.

Родимый! . . . Дитятко! я родилась
Не здѣсь! — Но Господу угодно было
Меня съ родной страною разлучить:
И прахъ отцевъ моихъ далеко стынетъ!

Внукъ.

Далеко? . . . Гдѣ жъ? . . .

Старуха.

Тамъ . . . тамъ . . . на вешнихъ полдняхъ. . . .
Задь нашихъ горъ . . . задь самой Твери даже! . . .

Внукъ (*съ удивленіемъ*).

Задь нашихъ горъ! . . . задь Твери! . . . не возможно! . . .

И — будто тамъ есть также люди, горы,
Поля, лѣса, луга — какъ здѣсь у насъ? . . .

Старуха.

Какъ здѣсь у насъ? . . . Ты, дитятко, глупенекъ!
Свѣтъ бѣлый такъ великъ, что и конца
Ему не сыщешь: и за синимъ моремъ
Есть даже люди, какъ слыхала я
Отъ стариковъ покойниковъ бывало.
Какъ здѣсь у насъ? . . . Да я объ той странѣ
Безъ горькихъ слезъ и вздумать не умѣю! —
Ужь то-то рай Господень! — Тамъ поля
Колышутся, какъ море золотое;
Не изломается коса жнеца
О мшистый пень, иль о кремнистый камень:
И православные сбираютъ хлѣбъ —
Не такъ, какъ здѣсь, пригоршнями — возами!

Внукъ.

Возможно ли? . . . .

Старуха.

Я говорю тебѣ
Не сказки, дитятко! все ето правда!
Хоть я еще была тогда мала,
Ребенокъ лѣтъ семи, осьми; но — помню
Все твердо такъ, какъ будто бы вчера
Лишь только я оттуда воротилась.

Вотъ какъ теперь передъ глазами вижу
Святый Печерскій монастырь, куда
Ходила я пѣшкомъ, по обѣщанью,
Съ покойной матерью моей — дай Богъ
Душѣ ея небесное блаженство! —
И — какъ бы мнѣ теперь подъ старость лѣтъ
Хотѣлося взглянуть еще хоть разикъ
На золотыя главы Божьихъ храмовъ,
Горѣвшія на солнышкѣ, какъ жаръ,
И издали усталымъ богомольцамъ
Казавшія Угодниковъ обитель! . . . .
Но, ахъ! . . . отъ Кіева остался нынѣ
Одинъ пустырь, крапивою заглохшій.
Уже давно проклятый бесурманъ
Съ землей сравнялъ его: и — долго, долго
Не быть ему такимъ, какъ былъ онъ прежде!

В н у к ъ.

Отъ Кіева? Ахъ, бабушка! да ето
Не тотъ ли ужь прекрасный городъ Кіевъ,
Который ты такъ часто поминаешь
И въ сказкахъ и въ своихъ унывныхъ пѣсняхъ?

С т а р у х а.

Тотъ самый, дитятко!

В н у к ъ.

И ты сама
Своими видѣла его глазами?

С т а р у х а.

Своими, дитятко! сама . . .

Внукъ.

И Князя
Владиміра съ богатырями — также? . .
Ну чтожъ, скажи, каковъ собою онъ?
Чай, краснымъ солнышкомъ не даромъ названъ?
Сіяетъ весь? . . А — богатырь Чурила! . .
Я думаю, великъ какъ колокольня? . .

Старуха.

Нѣтъ, дитятко! не тѣ ужь времена!
Владиміръ Князь давнымъ давно скончался;
Богатырей и слѣду не осталось.
Богъ обуялъ людей за ихъ грѣхи:
Народъ весь измѣлѣлъ, какъ крошка.
И, Господи прости меня! Князья
Теперь совсѣмъ не то, что Князь Владиміръ.
Грѣхъ осуждать Владыкъ! но — какъ же быть!
Дурнаго ужь не льзя назвать хорошимъ! . .
Ахъ, дитятко! вотъ я теперь почти
Осьмой уже десятокъ отживаю:
И много, много на бѣломъ мнѣ свѣтѣ
Досталося увидѣть и услышать!
Нѣтъ правды на землѣ: въ святой Руси
Погасла искра Божія повсюду!
Кровь Христіанская рѣкою льется
Отъ Христіанъ самихъ; за пядь земли
Братъ возстаетъ на брата, другъ на друга.
Повсюду рѣзанье: пылаютъ села
И города; людьми прудятся рѣки.

Земли лоскутъ напашешь, а не знаешь —
Придется ль снять съ него одинъ хоть снопикъ!
Иль кони ратные истопчутъ ниву,
Иль вражескій огонь пожретъ всю жатву,
Или сосѣдъ недобрый все отниметъ!
Ложася спать, не знаешь — живъ ли встанешь!..
За это-то Господь и покаралъ
Всю землю Русскую; за то-то вдругъ
Нахлынули на насъ, изъ странъ безвѣстныхъ,
Какъ стаи жадныя волковъ, Татары.
И запустѣла наша мать родная,
Святая Русь, какъ мертвое кладбище!
Отъ шумнаго Днѣпра до быстрой Волги,
Куда ни обернись — вездѣ могилы! —
Отецъ покойникъ мой бѣжалъ сюда,
Оставя край родный, облитый кровью.
Онъ думалъ здѣсь, въ нетающихъ снѣгахъ,
Среди лѣсовъ, однимъ звѣрямъ доступныхъ,
Въ ущеліяхъ непроходимыхъ горъ,
Жизнь горькую хоть кое-какъ домыкать.
Но по пятамъ гналась за нами гибель!
Проклятый бесурманъ изъ края въ край,
Какъ вихрь, прошелъ и вымелъ Русь святую.
И здѣсь — сугробы таютъ отъ крови;
И здѣсь — лѣса отъ стоновъ Русскихъ глохнутъ!...
Охъ, дитятко! вѣстимо, сами мы
Ввели во гнѣвъ небеснаго-Владыку!
Онъ, Батюшка, все терпитъ, терпитъ, терпитъ...
Да ужь, какъ громъ, проснется вдругъ и — грянетъ! —

Внукъ.

Ахъ, бабушка! да не ужь ли не льзя
Опять по старинѣ перемѣнить все? . . .
Добро! не попадется въ руки мнѣ
Какой-нибудь подобный кровопійца! . . .
Ябъ размозжилъ ему обухомъ лобъ! —
Сказать тебѣ, давно грызу я зубы
На етаго большаго мужика,
Который осенью всегда къ намъ ходитъ
И хлѣбъ у насъ нажатый обираетъ.
Онъ вѣрно бесурманъ проклятый. . . .

Старуха.

Нѣтъ,
Дитя мое! такой же Христіанинъ!
Но онъ беретъ нашъ хлѣбъ, чтобъ промѣнять
На куны и потомъ отдать за міръ весь
Поплужное поганымъ бесурманамъ.
Они святую Русь заполонили:
И мы теперь на нихъ должны работать.

Внукъ.

О! не сведетъ меня Угодникъ Божій,
Святитель Николай, съ ихъ вражьей силой! . . .
Узнали бы они, что на Руси
Кровь богатырская не пересохла! —
Хоть я еще не такъ могучь и силенъ,
Какъ славный Илья-Муромецъ; однако —
Не меньше Русь люблю и золъ на некрестъ! —

Добро! Дождуся же и я!... *(слышенъ стукъ у дверей)*

Но — чу!

Тамъ кто-то у дверей!...

Голосъ *(изъ за дверей)*.

Хозяинъ добрый!

Укрой заблуждшаго отъ темной ночи!

Я весь измерзъ! Впусти и обогрѣй!

Старуха.

Добро пожаловать! *(Внуку)* Пусти скорѣе!

Господь Богъ вѣрно еще любитъ насъ,

Когда людей къ намъ добрыхъ посылаетъ.

Велико дѣло, дитятко! пригрѣть

И напитать въ день черный человѣка!

Внукъ *(идучи къ двери)*.

А ежели Татаринъ!

Старуха.

Что̀ за дѣло?

Всѣмъ братъ, всѣмъ другъ при нуждѣ — Христіанинъ!

Впусти! Богъ милостивъ для милосердыхъ!

(Внукъ отпираетъ двери. Входитъ Незнакомецъ *въ полномъ воинскомъ вооруженіи.)*

Н. Н.

Бѣлой Омутъ.

1827.

ПРОЗА.

Ормусской рыбакъ.

(Персидская повѣсть.)

Аббасъ Мирза, подкрѣпивъ силы свои обыкновеннымъ отдыхомъ послѣ обѣда, опрысканный благовоніями, сидѣлъ на софѣ, жевалъ Бактрическую луковицу и съ улыбкою внималъ бесѣдѣ любимца своего, Бебута, прозваннаго честолюбивымъ.

Вдругъ входитъ Кель-Анайзетъ, придворный шутъ Великаго Аббаса. Онъ былъ одѣтъ страннымъ образомъ: имѣлъ на себѣ остроконечный шлыкъ и длинной голубой плащь дервиша. Сложивъ крестообразно руки на груди, Кель-Анайзетъ подошелъ къ Бебуту, поклонился ему, и просилъ позволенія, благоговѣйно облобызать край его одежды.

«Почему же ты, дуракъ, воздаешь почести Бебуту, а не своему повелителю?» спросилъ его Аббасъ. — Я, какъ дуракъ по должности — гордо отвѣчалъ Анайзетъ

— не признаю надъ собою ни кого повелителемъ, кромѣ дурака же, который въ нѣсколько разъ и меня превосходитъ своею глупостiю. — «Обезьяна!» улыбаясь сказалъ Мирза: «онъ колетъ моего Министра не въ бровь, а въ самой глазъ! Но что ето значитъ? Ты одѣтъ, какъ дервишъ.» — Ахъ, Великiй Государь! у тебя при Дворѣ многiе съ такимъ усердiемъ берутся за шутовское ремесло мое, что я предвижу необходимость въ скоромъ времени уступить имъ свое мѣсто и заранѣе мало помалу привыкать къ пустынническoй одеждѣ. — «Забавно, клянусь пророкомъ, очень забавно! Да не готовъ ли ты разсказать мнѣ какую-нибудь повѣсть? Теперь охотно бы я послушалъ.» Кель-Анайзетъ слегка кивнулъ головою и бросился въ уголъ софы Царской (*). — «Рабъ!» вскричалъ Аббасъ съ гнѣвнымъ взоромъ: «какъ посмѣлъ въ моемъ присутствiи занять мѣсто, принадлежащее только твоему повелителю?» — Разскащикъ, кто бы ни былъ онъ, всегда беретъ преимущество предъ слушателемъ. — Государь пожалъ плечами. «Нечего дѣлать!» сказалъ Аббасъ:

(*) На Востокѣ мѣсто въ углу считается почетнымъ.

«покажемъ свою мудрость въ снисхожденіи къ его глупости.» — Кто *ищетъ* мудрости, — возразилъ Келъ-Анайзетъ — тотъ называется мудрымъ; кто увѣренъ, что *нашелъ* ее, тотъ глупецъ. — «Видишь ли Бебутъ, что и до меня дошла очередь! Никого нещадитъ! Начинай же разсказывать свою повѣсть; а не то, клянусь глазами своими, я въ одну минуту сдѣлаю тебя умникомъ.»

Келъ-Анайзетъ началъ разсказывать. Однажды Далле Муталега (*), знаменитая волшебница Персидская, быстрѣе вѣтра спустилась съ горы Каффы на птицѣ Зимургѣ, и направила путь свой къ Багдаду. Летѣвъ черезъ островъ Ормусъ, она встрѣтила духа Тирабана, генія наукъ, ѣхавшаго на Боракѣ (**), славномъ иноходцѣ пророка.

«Далеко ли?» спросила волшебница. — Ѣду, отвѣчалъ геній наукъ, утѣшить ученаго человѣка въ его бѣдности. — «А я» сказала Фея «спѣшу помочь богачу, кото-

(*) Восточная Цирцея.

(**) Восточные баснословятъ, яко бы на третью ночь по смерти Могаммета, Ангелъ Гавріилъ привелъ къ нему крылатую лошадь, называемую Боракомъ, на которой онъ и взлетѣлъ на небо.

раго снѣдаетъ тоска, подруга праздности и невѣжества. Какъ ты думаешь, кто изъ нихъ болѣе жалокъ?» — Безъ сомнѣнія, богачъ-невѣжда. — «Можетъ быть;» сказала Муталега: «но признайся, что богатство имѣетъ свои удовольствія.» — Удовольствія ума выше всего въ мірѣ. — «За то, богачь пользуется досугомъ, наслаждается почестями. Для него изобрѣтена похвала; а похвала, согласись, есть напитокъ неоцѣненный. . . .« — Котораго наглотавшись, чувствуютъ пресыщеніе и скуку; — прибавилъ Тирабанъ: — смертный, воодушевленный мною, и въ мечтахъ своихъ счастливъ. Онъ обладаетъ всѣмъ, что ни рисуетъ ему воображеніе. Когда духъ его усталъ творить идеи, онъ прибѣгаетъ къ бесѣдѣ съ любезными книгами своими. И какое общество мужей ученыхъ, добродѣтельныхъ, какое общество сравнится съ чистѣйшею ессенціей возвышенныхъ геніевъ, принадлежащихъ всѣмъ столѣтіямъ? Не думаю, чтобы смертный былъ счастливѣе, когда бы сами творцы произведеній безсмертныхъ возстали изъ могилъ, чтобы услаждать его бесѣдою своею. Очень, очень немногіе сочинители достойны своихъ твореній. — «И я

въ свою очередь много могла бы насказать тебѣ о богатствѣ,» возразила Муталега «если бы, подобно тебѣ, захотѣла открыть только лишь прекрасную сторону картины. Но я не люблю споровъ. Одинъ только опытъ есть надежнѣйшій путь къ истинѣ. Поищемъ же человѣка, котораго я поведу къ богатству, а ты къ просвѣщенію. Щедро осыпавъ дарами своими, оставимъ его на произволъ самому себѣ, и посмотримъ, что изъ него будетъ.» — Согласенъ; — отвѣчалъ Тирабанъ: — въ Ормусѣ я знаю такого человѣка, надъ которымъ можно сдѣлать желаемый опытъ; ремесломъ онъ рыбакъ, бѣденъ и не образованъ; сверхъ того, участь его столь тягостна, что если мы хоть немногое предложимъ ему, онъ съ жадностію бросится на оба пути, которые укажемъ бѣдняку-рыболову.

Въ сіе время Измаилъ хлопоталъ на берегу Персидскаго залива, занимаясь починкою сѣтей своихъ. «Что мнѣ дѣлать?» говорилъ онъ: «уже ли всю жизнь долженъ я проклинать горькую участь; уже ли одни арбузы, сарачинское пшено и завялые бобы навсегда будутъ мнѣ пищею,

а толстая курди, коея швы кладутъ широкіе рубцы на моемъ тѣлѣ, единственнымъ одѣяніемъ? Долго ли спать мнѣ на землѣ голой и холодной, нуждаясь даже въ цыновкѣ? Вотъ уже пять лѣтъ ловлю я осетровъ для стола богачей, а еще до сихъ поръ не знаю, что̀ за вкусъ въ етой рыбѣ.»

Въ сію минуту явились передъ нимъ Муталега и ея спутникъ.

«Измаилъ!» сказала волшебница: «твои жалобы достигли нашего слуха. Хочешь ли сдѣлаться богатымъ и мощнымъ человѣкомъ — ето отъ тебя зависитъ; ибо теперь къ тому есть случай: сынъ старика Нозерата, знаменитаго своимъ богатствомъ, скоропостижно умеръ, и объ его смерти, кромѣ меня, еще никто незнаетъ. Твой голосъ и черты лица такъ походятъ на покойнаго, что не льзя найти различія между вами. Поѣдемъ; я скрою трупъ, а ты займешь мѣсто сына.» Измаилъ былъ внѣ себя отъ удивленія и восторга. Онъ сѣлъ сзади волшебницы на птицу Симургъ, и въ одну минуту оба очутились въ комнатахъ умершаго. Но ему преподано было наставленіе: сынъ Нозерата имѣлъ привычку то и дѣло мигать гла-

зами; подражать сей привычкѣ сколько легко, столько же и необходимо. — Измаилъ обѣщался незабывать ни на минуту объ миганьи, и благодѣтельная волшебница разсталась съ нимъ до перваго свиданія. Рыбакъ нашъ всю ночь провелъ въ мысляхъ о наставленіи Мушадеги и ревностно занимался миганіемъ.

Поутру невольники пришли служить ему при туалетѣ. Измаилъ началъ мигать, и все шло какъ не льзя лучше. Онъ не узнавалъ себя въ новомъ драгоцѣнномъ убранствѣ. Каждую минуту опасаясь измѣнить самому себѣ слишкомъ учтивымъ обхожденіемъ съ невольниками, онъ повелъ себя надменнѣе, и мигалъ уже такъ часто, что гардеробмейстеръ спросилъ его, не боленъ ли онъ. Новый богачь испугался было отъ такого вопроса, какъ вдругъ входитъ поваръ за приказаніемъ о блюдахъ для обѣда. Измаилъ, незадумавшись, потребовалъ осетрины: онъ радовался мыслію, что наконецъ узнаетъ и вкусъ въ рыбѣ, давно знакомой ему по наружности. Столъ уставленъ былъ осетриною, вкусными плодами, Персепольскими финиками, гранатами изъ

іезды, Гирканскими померанцами, квиттами и сливами — драгоцѣнными произведеніями Карамании, лакомымъ пирожнымъ и для возбужденія аппетита порошками изъ травъ ароматическихъ. — Измаилу впрочемъ небыло нужды возбуждать аппетита: онъ ѣлъ все, въ первой разъ въ своей жизни разстроилъ желудокъ, и, не смотря на то, почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Первой выходъ его былъ — въ гаремъ своего предмѣстника. Юныя красавицы Грузинскія и Черкесскія сдѣлали такое впечатлѣніе въ Измаилѣ, что онъ отъ восторга забылъ моргать глазами. Ихъ привѣтствія, ихъ поздравленія привели его въ страшное замѣшательство: онъ не дерзнулъ обратить вниманія на ласки прекрасныхъ обитательницъ гарема, которыя не менѣе того и сами изумились такой перемѣнѣ въ склонностяхъ властелина.

Старый Нозератъ, ничего не подозрѣвая, почиталъ преемника роднымъ своимъ сыномъ. Измаилъ провелъ сорокъ дней среди всѣхъ очарованій богатства и роскоши, въ продолженіе коихъ притворное миганье не разъ выводило его

изъ терпѣнія. Напослѣдокъ Нозератъ, отправляясь ко Двору, предоставилъ мнимому сыну полное господство въ своихъ чертогахъ. Тутъ-то удивлялся Измаилъ пышности утварей и празднествъ въ домѣ родителя. Залы блистали золотомъ, ясписомъ и порфvромъ. Комедіанты въ драгоцѣнныхъ нарядахъ, бодрыя, воздушныя, очаровательныя танцовщицы, коихъ длинныя роскошныя косы переплетены были камнями разноцвѣтными, восхищали Измаила и новыхъ друзей его несравненнымъ своимъ искусствомъ; сѣли за столъ, уставленный золотыми блюдами съ плодами, съ рыбою и дичью, произведеніями прекраснаго климата Персіи. Среди стола возвышалась пирамида съ посудою изъ хрусталя Венеціанскаго, съ винами Ширазскимъ и Грузинскимъ. Огни отъ восковыхъ свѣчъ благовонныхъ въ тысячекратныхъ лучахъ отражались на блестящихъ сосудахъ. Гвоздично-коричный запахъ свѣчъ, мѣшаясь съ куреніемъ ароматнымъ, разливалъ упоительную нѣгу по всей залѣ. Вступила толпа музыкантовъ...

»Сдѣлай милость, избавь насъ отъ своихъ росказней!» прервалъ Аббасъ; «ето

мы знаемъ лучше тебя. Ты описываешь точь вточь послѣдній праздникъ, во дворцѣ моемъ бывшій.»

— Да чтожъ мнѣ прикажете дѣлать? —возразилъ шутъ: — память есть одръ, на которомъ отдыхаетъ геній. Покуда говоритъ память, геній изобрѣтательности наслаждается спокойствіемъ, а между тѣмъ рысакъ повѣствованія подкрѣпляетъ силы свои, чтобы съ новою быстротою двигнуть колесницу воображенія. — «Досказывай же свою исторію о рыбакѣ; обѣщаюсь неперерывать тебя; пускайся въ описанія, сколько хочешь, только воздержись отъ сужденій.»—И Кель-Анайзетъ опять началъ; Толпа музыкантовъ съ гобоями, флейтами, барабанами вступила въ залу пиршества, и сладостная гармонія наполнила ея пространство. Измаилъ каждаго гостя одарилъ золотымъ бокаломъ неоцѣненной работы и пиръ кончился всеобщимъ *маскари* (*).

Всѣ были довольны, кромѣ Измаила. Одинъ лишь онъ едва принималъ участіе въ бесѣдѣ, исключительно заботясь о правиль-

(*) Отсюда производятъ слово: маскерадъ.

номъ движеніи своихъ вѣкъ, притворно судорожныхъ. Далле Муталега посѣтила его ночью; но онъ не посмѣлъ жаловаться.

Дни протекали. Возобновлялись тѣ же забавы и оканчивались пресыщеніемъ. Старикъ Нозератъ возвратился изъ своего путешествія именно въ то время, когда Измаилъ тѣшился рыболовствомъ; добродушный отецъ засталъ мнимаго сына при озерѣ Торанкѣ: онъ удивился необыкновенной ловкости его въ искусствѣ ловить рыбу, и слегка упрекнулъ его въ тратѣ времени на изученіе ремесла подлаго, которое вовсе не приносило ему чести. Измаилъ оправдывалъ себя съ такимъ жаромъ, что позабылъ о своихъ вѣкахъ. Вдругъ вспомнилъ о нихъ, и ему казалось уже, что тысячи мечей готовы наказать обманщика. Страшно испугался Измаилъ, перемѣнился въ лицѣ, бормоталъ нескладицу и замолкъ. Нозератъ счелъ безмолвіе и смятеніе мнимаго сына за несомнительный знакъ его покорности, воспользовался благоприятнымъ случаемъ, и, какъ добрый отецъ, посовѣтовалъ ему, для собственной чести, лучше завести знакомство съ людьми учеными, заняться

науками и не проводить жизни съ развратниками, шутами и танцовщицами; доказывалъ, что мастерство исправно ѣсть и ловить рыбу ему вовсе неприлично.

Нашъ рыбакъ почтительно внималъ совѣтамъ старца и далъ обѣщаніе въ точности слѣдовать его волѣ, находя въ томъ для себя великую пользу. Наука есть такое растѣніе, которое всего скорѣе, успѣшнѣе прозябаетъ въ уединеніи. Уже не подсматривали за нимъ невольники, до сихъ поръ безпрестанно его окружавшіе, и которыхъ онъ почиталъ шпіонами, наблюдавшими за его миганьемъ.

Новый образъ жизни, по его мнѣнію, долженъ былъ возвратить ему утраченное спокойствіе. Измаилъ, нѣкогда жаждавшій благъ міра сего, разлюбилъ суетность ихъ и предпочелъ имъ сокровище познаній.

Однажды, возвратившись вечеромъ въ свою комнату, нечаянно находитъ рукопись, которая начиналась такимъ образомъ: *На сколько ступеней счастія взойдешь, на столько спустишься внизъ. Лѣствица же наукъ досягаетъ до неба, и время, ниспровергающее чертоги земныхъ владыкъ на*

главу ихъ, болѣе и болѣе возвышаетъ славу мудраго. «Вотъ истинно указаніе самаго Пророка!» воскликнулъ Измаилъ: «что мнѣ пользы въ обладаніи непрочными благами — въ сосудахъ, которые дробятся въ куски подъ рукою — въ яствахъ, которыя обременяютъ желудокъ — въ благовоніяхъ, которыя мгновенно испаряются — въ винахъ, которыя отуманиваютъ голову? Жизнь богача есть безпрерывное похмѣлье; удовольствіе улетаетъ и оставляетъ за собою только лишь боль головную! А всегдашнее миганье! а вѣчное безпокойство опасеній! что за жизнь! — Но черпать изъ источника наукъ, слышать свое имя произносимымъ всѣми современниками, завѣщать себя грядущему потомству безсмертными произведеніями таланта — вотъ въ чемъ истинное блаженство! Мудрый Альфарази, плодовитый Авиценна, Саади — соловей Ирканскій, милый Гафецъ, выспренній Аттаръ! О, когдабъ имя Измаила, подобно вашимъ именамъ безсмертнымъ, со славою отгрянуло въ потомствѣ! о, какъ бы охотно я пожертвовалъ за то цѣлою половиной жизни!»

— Твое желаніе исполнилось! — внезапно воскликнулъ Тирабанъ, вошедшій съ Му-

талегою въ комнату. Измаилъ стоялъ, какъ громомъ пораженный. «Какъ!« возразила Египетская волшебница: «ты не доволенъ моими дарами!» — Ахъ! твое жестокое условіе — безпрестанно мигать! — «Близорукій! Но я не стану упрекать тебя; что̀ чувствуешь теперь ты, то прежде чувствовали уже тысячи тебѣ подобныхъ. Малѣйшимъ принужденіемъ отравляется счастіе, подобно тому какъ женщинѣ въ тягость драгоцѣнные алмазы, нанизанные на ея платьѣ, если нѣсколько жемчужинъ легло не на своемъ мѣстѣ. Препоручаю тебя моему спутнику; только онъ одинъ въ состояніи исполнить настоящія твои желанія. Съ сей минуты лишаю тебя сокровищь, которыя почитаешь тягостными или безполезными. Я сберегла трупъ Нозератова сына; онъ очутится на своемъ мѣстѣ, и день погребенія только лишь былъ отсроченъ на нѣсколько мѣсяцевъ.»

— Ты будешь ученѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; — сказалъ Тирабанъ. «Какъ! я?» — воскликнулъ Измаилъ въ замѣшательствѣ: — «я, величайшій изъ невѣждъ въ цѣломъ свѣтѣ? Мнѣ понятно, какъ бѣд-

ный можетъ сдѣлаться богачемъ: но не могу постигнуть, какимъ образомъ невѣжда.... — «Базакамскій шероховатый камень» прервалъ его Духъ «отъ дѣйствія лучей солнечныхъ становится рубиномъ. Слѣдуй за мною; науки не обитаютъ подъ раззолоченнымъ кровомъ.» Измаилъ вспрыгнулъ на спину Борака; усѣлся позади Духа и вскорѣ чертоги Нозераша, Персидскій заливъ и Ормусское государство скрылись у нихъ изъ виду.

Измаилъ летѣлъ съ орлиною быстротою и мигомъ очутился вблизи города Тегерана. Тамъ, на берегу небольшой рѣчки, онъ увидѣлъ маленькую хижину, простую, но уютную. «Етотъ домъ» сказалъ Тирабанъ «отнынѣ принадлежитъ тебѣ. Вмѣсто драгоцѣнныхъ утварей ты найдешь въ немъ рѣдкія книги. Пріими отъ меня даръ языковѣдѣнія: оно есть лучшій путеводитель ко храму науки. Но знай: если хочешь просвѣтить свой разумъ, научись прежде всего — сомнѣваться. Сомнѣніе — дверь къ познаніямъ. Всему довѣряющій не изслѣдываетъ истины; кто неизслѣдываетъ истины, тотъ ничего не открываетъ; кто ничего не открываетъ, тотъ ино-

гда можетъ сдѣлаться хорошимъ ученикомъ, но никогда истинно ученымъ.» И Духъ прикоснулся своей рукою къ Измаилу; напомнилъ ему, что посвятивъ трудамъ половину своей жизни, онъ приобрящетъ безсмертіе; вскочилъ на Борака и исчезъ во мгновеніе ока.

Спустя немногіе годы уже Измаилъ гремѣлъ въ мірѣ необъятной ученостію. Первостатейные мудрецы Персіи торжественно признавались, что не могли съ нимъ состязаться. Его творенія по всѣмъ отраслямъ знаній выходили одни за другими; были принимаемы такъ благосклонно, что народъ призналъ его мастеромъ семидесяти двухъ наукъ, которыя необходимо знать тому, кто хотѣлъ называться Моуктегедомъ (*). Владѣтели искали его знакомства, и повторяли слова его, какъ изреченія пророка или Имана; народъ всюду на пути падалъ ницъ передъ нимъ, чтобы заслужить его вниманіе и прико-

(*) Знаменитые ученые Персіи называются Моуктегедами. Сіе слово означаетъ человѣка, знающаго совершенно всѣ науки. Одинъ лишь народъ и удостоиваетъ симъ почетнымъ титломъ; въ продолженіе столѣтія едва ли два или три человѣка приобрѣтаютъ оное.

снуться къ краю его одежды; великіе мудрецы Азіи переплывали моря, чтобы, познакомившись съ Измаиломъ, насладиться его бесѣдою.

Счастіе мудреца нашего вскорѣ возбудило въ другихъ зависть. Неумолкающая слава для завистниковъ то же, что порохъ въ глазу. Распространились разные толки объ ученомъ Измаилѣ: его обвиняли въ томъ, что онъ почерпалъ мудрость изъ старинныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ рукописей и выдавалъ чужое за свои творенія; нѣкоторыя розысканія, говорили, пахнутъ ересью; онъ-де признаётъ бытіе вѣчной матеріи — и мудраго Измаила провозгласили безбожникомъ, не смотря, что каждая изъ книгъ его начиналась воззваніемъ къ Богу или пророку.

Такая несправедливость достигла до ушей Измаила: сердце его растерзалось; исполненный негодованія къ ядовитымъ критикамъ и порицателямъ, онъ рѣшился искать покоя въ глуши, на берегу знакомой рѣчки, а труды свои предоставить суду потомства.

Одна молодая дѣвушка изъ Тегерана, никогда не читавшая сочиненій Измаила,

а потому и не говорившая объ нихъ ничего дурнаго, понравилась нашему философу и — вышла за него замужъ. У нихъ раждались дѣти; вмѣстѣ съ приумноженіемъ семейства возрастало ихъ счастіе. Измаилъ жилъ уединенно, работалъ въ своемъ саду, и посвящалъ столько времени наукамъ, сколько нужно было для питанія души и для того чтобы свои досуги сдѣлать приятнѣе. Мало помалу дѣти возрастали; онъ самъ училъ ихъ, и наконецъ крайне удивлялся, видя, что теперь былъ стократъ счастливѣе нежели на пиршествахъ въ Ормусѣ, при Дворахъ государей и даже когда пользовался всею любовію народа.

Однажды Измаилъ внезапно упалъ въ обморокъ; жена и дѣти въ отчаяніи окружили постель его, спѣшили подать помощь всѣ, кромѣ старшаго сына, которой на ту пору былъ въ городѣ. Между тѣмъ какъ они хлопотали, Измаилъ видитъ явившихся Тирабана и Муталегу. Послѣдняя держала въ рукѣ цвѣтокъ Гульбадсамбура, растѣнія, имѣющаго, какъ извѣстно, силу прекращать дыханіе въ человѣкѣ.

«Измаилъ!» сказала волшебница: «половиною жизни своей ты пожертвовалъ

славѣ. Насталъ послѣдній часъ твой; но отнынѣ начало твоего безсмертія. «И въ туже минуту въ четырехъ углахъ одра Измаилова явилось четыре ангела смерти. »Святый пророкъ!« воскликнулъ мудрый: »Какъ! умереть? умереть въ ту минуту, когда лишь начинаю вполнѣ наслаждаться жизнію? . . . Любезная супруга, милыя дѣти! и я долженъ навѣки проститься съ вами? Ахъ! ничтожная слава моего имени утѣшитъ ли васъ, когда меня лишитесь! Пощади!» сказалъ онъ Мушалегѣ, уже простерщей къ нему цвѣтокъ убійственный: »ахъ! пощади меня! Сынъ мой въ отсутствіи. Хочу взглянуть на него однажды? не льзя ли хоть до завтра? . . — «Ни на одну минуту» отвѣчалъ Тирабанъ «если ты не отречешься отъ славы, отъ права жить въ потомствѣ. Откажись отъ нея, и ты получишь отсрочку на три дни, но не болѣе.» — На три дни! — вскричалъ умирающій: — какъ? за три дни пожертвовать славою, для которой столько я трудился! за три дни пожертвовать вѣками! Но я не могу умереть, невидавшись съ сыномъ, съ любезнымъ моимъ сыномъ. Безжалостный Геній! ты обманулъ меня, подобно волшебницѣ! Возьми же обратно

свои дары и позволь мнѣ умереть безвѣстнымъ; но позволь три дни прожить въ кругу моего любезнаго семейства, — только три дни, чтобы еще разъ могъ я прижать къ груди своей отсутствующаго сына. — «Благородство чувствованій твоихъ обезоружило насъ;» сказалъ Тирабанъ: «Измаилъ! отнынѣ живи безмятежно, люби науки и Природу! Пожертвовавъ сперва своимъ счастіемъ неважному принужденію, теперь согласился ты промѣнять три дни на вѣковую славу. Живи же единственно для своего семейства, для истиннаго счастія, и не мечтай болѣе наслаждаться обманчивою славой въ грядущемъ времени, славою, которая непринесетъ тебѣ никакой пользы.« — Хорошо! — сказала Египетская волшебница: кто же изъ насъ выигралъ при семъ опытѣ? — «Мы оба, или никто изъ насъ» отвѣчалъ Тирабанъ: «обыкновенный человѣкъ пользуется богатствомъ лишь для того, чтобы угождать своимъ причудамъ. Онъ же недостоинъ заниматься и науками, которыя употребляетъ во зло — какъ средства для тщеславія. Примѣръ рыбака Ормусскаго да научитъ людей цѣнить богатства и почести» ... — Гораздо ниже душевнаго спокойствія — договорила Мута-

лета. — А Тирабанъ прибавилъ: «и добродѣтели.»

Здѣсь Кель — Анайзетъ кончилъ свою повѣсть. Аббасъ, сидѣвшій нѣсколько наклонившись, прибодрился, когда умолкнулъ голосъ — такъ встаетъ вздремавшій мѣльникъ, когда останавливаются колеса на его мѣльницѣ. «Твоя повѣсть, доброй малой!» сказалъ онъ: «ужасно скучна своимъ нравоученіемъ.» — И она вовсе нейдетъ къ его роли — примолвилъ Бебутъ. «Почему же нѣтъ?» возразилъ смѣтливый забавникъ: «развѣ не глупъ тотъ, кто безплодной землѣ ввѣряетъ сѣмяна добрыя, кто глухому преподаетъ совѣтъ, или честолюбивому уроки мудрости?«

Бебутъ, задрожавъ отъ бѣшенства, значительно взглянулъ на Аббаса, который притворился опять задремавшимъ, чтобы избавить разскащика отъ наказанія.

(Съ Нѣм. В.)

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Полтава, Поема Александра Пушкина (*).

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus!

Horat. de Art. Poët.

Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ!

Перев. А. Ѳ. Мерзл.

«*Говорить правду — потерять дружбу!* такъ гласитъ старинная Русская пословица: и ничто недоказываетъ столько ея справедливости, какъ повседневныя явленія литтературнаго нашего міра. Чудное дѣло! Истинная *красота*, кажется, одна: и посему всѣ, посвящающіе себя ея служенію, не должныбъ ли были составлять единаго священнаго братства, проникаемаго и оживотворяемаго единымъ духомъ любви? Но между тѣмъ — какое стран-

(*) С. П. Б. въ Типогр. Департ. Народн. просвѣщенія. 1829.

ное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнассъ нашъ! . . Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ Музъ — только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись — вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе. Ето чудное состояніе нашей литтературы имѣетъ однако свои основанія, изъ коихъ легко изъясняется. Времена безначалія и самоуправства были всегда временами междоусобій — и въ политическомъ мірѣ. По ниспроверженіи всѣхъ законовъ и правъ, назидающихъ всеобщее благоденствіе на сосредоточеніи всѣхъ умовъ и воль въ единое гармоническое цѣлое, остается только одно — *кулачное право* (Faustrecht)! — Имъ сопровождалась нѣкогда анархія, порожденная политическимъ *романтизмомъ* среднихъ вѣковъ, и, по естественному порядку вещей, оно же является теперь и въ нашей литтературѣ, увлеченной во всѣ ужасы безначалія лживымъ призракомъ *романтической* свободы. Послѣ того какъ законодательная власть здраваго вкуса

признана торжественно несовмѣстною съ безусловной свободой генія и отвергнута, какъ тиранское злоупотребленіе; послѣ того какъ освященныя древностію и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ коренное *уложеніе* критическаго судопроизводства, провозглашены постыдными оковами, посрамляющими безграничное самодержавіе творящаго духа, и отринуты съ поруганіемъ и презрѣніемъ, какъ ребяческія погремушки, забавляющія раболѣпную посредственность: послѣ того — удивительно ли, что каждая оторви-голова, упоенная шумною *Иппокреною вдовы Клико или Моета*, безбоязненно восхищаетъ себѣ право литтературнаго Робеспьера и гошова, *unguibus et rostris*, отстаивать возвышенный постъ, захваченный ею въ смутныя времена всеобщаго треволненія?.. *Своя рука владыка* — когда законы теряютъ владычество! — И ежели *правда*, ограждаемая всею силою законовъ, рѣдко находитъ благопріятный доступъ къ слуху обличаемаго самолюбія: то чего должно ожидать ей въ сіи бурныя времена своеволія и самоуправства, когда каждое литтературное насѣкомое расправляетъ съ гордостію свое крапив-

ное жалишко, чтобы колоть всякаго, осмѣливающагося отказывать въ незаслуженномъ удивленіи его великимъ подвигамъ, которые *дивятъ* весь, обитаемый имъ, *муравейникъ?* . . *Говорить правду* на нашихъ литтературныхъ торжищахъ нынѣ — значитъ не только *терять дружбу*, но еще наживать лютѣйшую, непримиримѣйшую ненависть! Оскорбленное самолюбіе литтературнаго временщика неумолимѣе презрѣнной любви обветшавающей кокетки: и — увы!

Я самъ то испыталъ,
Когда мои *статьи* въ журналы посылалъ!" —

Такъ разсуждалъ я самъ съ собою, выбираясь, третьяго дня, изъ топучаго переулка, змѣящагося вокругъ уединеннаго моего жилища, на шумный Тверскій булеваръ. Мутный потокъ грязной воды, катившійся вскрай попираемаго мной тротуара, препнулъ внезапно стопы мои, и я остановился въ недоумѣніи, какимъ образомъ проложить себѣ путь чрезъ сію неожиданную преграду. „Смѣлѣй!" раздался вдругъ знакомый мнѣ голосъ: „одинъ скачокъ — не болѣе!" Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собой измятую шляпу на головѣ, суковатую, толстую палку

въ рукѣ, зеленый плащь на плечахъ и плушовскую улыбку на губахъ пріятеля моего, почтеннаго *Флюгеровскаго*. „*Nihil fit per saltum!*" отвѣчалъ я ему смѣючись; „по крайней мѣрѣ—у насъ, *Московскихъ классиковъ* (*)! Дай-ко мнѣ лучше руку и помоги переправиться чрезъ ето тъ грязный Рубиконъ потихоньку!" — *Флюгеровскій* исполнилъ мою просьбу. — Куда ето ваша милость тащится? — спросилъ меня онъ: — а я было пробирался къ тебѣ поточить балы! — «Куда?» отвѣчалъ я: «куда больше, какъ не *подъ Новинское*? Праздникъ на исходѣ, и я по старинной привычкѣ, почитаю такимъ же смертнымъ грѣхомъ не побывать объ Святой подъ качелями, какъ — на горахъ объ Масляницѣ.» — Шутишь! — возразилъ *Флюгеровскій*: — а я думалъ, что подобныя зрѣлища не по твоему *классическому* вкусу! — «Провались ты съ етимъ проклятымъ епитетомъ!» перервалъ я: „Хоть бы для праздника-то пощадилъ меня! Вѣдь ты зна-

(*) Такъ недѣли за двѣ передъ симъ возвеличила *Сѣверная Пчела* критика, который при разборѣ *Борскаго* (В. Е. No 6, с. 151) пожалѣлъ, что у насъ *не существуетъ поетической Уголовной палаты*. *Соч.*

ешь, что у насъ теперь слыть *класси-комъ* тоже, что бывало во времена Терроризма носить бѣлую кокарду! Но, шутки въ сторону: хочешь, что ли, прогуляться туда со мной? такъ пойдемъ! Сказать правду, я не охотникъ зѣвать на романтическія проказы паяцовъ, которыхъ довольно и не подъ Новинскимъ; но мнѣ хочется совершить *оптическое путешествіе* у Лексы, который, говорятъ, выставилъ нынѣ прекрасные виды.» — Я бы радъ былъ проводить тебя; — отвѣчалъ *Флюгеровскій*: но ты видишь, каково на небѣ: того и гляди, что ударитъ дождикъ; кудажь тебѣ въ твоемъ дряхломъ екипажѣ? За *путешествіемъ* же ходить не нужно такъ далеко. Здѣсь *въ домѣ Чистякова* можно набродиться до сыта, если ты любишь подобные вояжи. Идемъ туда! — «И то правда!» сказалъ я: «за чѣмъ искать въ дали того, что подъ руками? Пойдемъ! Доброму совѣту и *Флюгеровскаго* — грѣшно не послѣдовать. . . Хотя, правда, мнѣ уже досталось за то, что я однажды тебя послушался.«

Двери святилища отворились предъ нами: „Небо!“ закричалъ *Флюгеровскій*, приникнувъ къ первому отверстію панорамы, между тѣмъ какъ я расплачивался съ

услужливымъ придверникомъ: „Праведное Небо! что я вижу? — Это — *Бахчисарайскій фонтанъ!*« — Сочиненіе А. С. Пушкина, знаменитаго стихотворца! — подхватилъ съ улыбкою самодовольной важности ражій мущина, поглаживая свою русую окладистую бороду, въ коемъ синяя суконная сибирка и величавый видъ заставляли очевидно подозрѣвать вице-хозяина панорамы: — мы не любимъ, какъ другіе Нѣмцы, подчиватъ господъ всякою всячиною. У насъ все самое лучшее, самое свѣжее. — „Благоговѣю предъ могуществомъ великаго генія!» продолжалъ не оглядываясь *Флюгеровскій*: „его всеоживляющая длань воззвала изъ праха забвенія сіи величественныя руины и исторгла изъ челюстей всепожирающаго времени память протекшаго величія славныхъ *Гиреевъ*. Кто зналъ объ нихъ прежде поемы *Пушкина?*" . . — И кто знаетъ объ нихъ теперь — изъ Поемы *Пушкина?* — возразилъ одинъ незнакомый голосъ тономъ хладнокровнаго равнодушія. Я устремилъ глаза въ ту сторону, откуда происходилъ сей голосъ, и взоры мои упали на лице почтеннаго старика, оснѣженнаго, но не изможденнаго, временемъ. На

челѣ его, изрытомъ глубокими браздами, лежала печать опытности, и во взорѣ его, непогашенномъ лѣтами, свѣтилось кроткое величіе, плодъ заслуженнаго довѣрія къ самому себѣ. — Молодость всегда опрометчива и безразсчетна, — продолжалъ онъ съ тѣмъ же спокойнымъ хладнокровіемъ: — Она не любитъ умѣренности въ сужденіяхъ, подобно какъ не знаетъ границъ въ чувствованіяхъ. Первое легкое впечатлѣніе, проскользнувшее по необыграннымъ струнамъ юнаго сердца, уже все рѣшитъ для него; и то, что пробудило съ немъ однажды привѣтный отзывъ, есть уже для него идеалъ совершенства. Молодые люди! молодые люди! не будьте слишкомъ расточительны на восторги! Поберегайте ихъ для того, что достойно ихъ. — Я смотрѣлъ съ изумленіемъ на незнакомца. *Флюгеровскій* обернулся и прервалъ молчаніе.

„Если ваша рацея относится къ намъ, государь мой; то я очень жалѣю, что ваше краснорѣчіе не нашло слушателей, болѣе достойныхъ проповѣдуемаго вами безстрастія. По несчастію, мы еще столько молоды, что сердцамъ нашимъ

было бы и смѣшно и стыдно приняться за подобную економію. Благодаря Бога, мы столько богаты чувствами, что еще долго не прожить намъ ихъ и не дожить до того сердечнаго обнищанія, коимъ вы безъ сомнѣнія съ собственнаго вашего опыта намъ угрожаете!"

Незнак. (съ горькою улыбкою) Мнѣ очень жаль васъ, любезный молодый человѣкъ! Вы, какъ кажется, не принадлежите къ числу верхоглядовъ, преслѣдующихъ каждый возгарающійся метеоръ невѣжественнымъ удивленіемъ. Васъ томитъ жажда истинно *Прекраснаго!* — Повѣрьте же искренности старика, что етой жажды не утолить тысячѣ *фонтановъ*, подобныхъ *Бакчисарайскому*!..

Флюгер. (понизивъ нѣсколько тонъ) Но отъ чего етотъ *Фонтанъ* такъ вамъ не нравится?.. Вы, конечно, принадлежите къ партіи антагонистовъ великаго....

Незнак. Я не принадлежу ни къ какой партіи!.. Я не въ силахъ даже понять, какъ могутъ существовать партіи въ области Искусствъ Изящныхъ, кои должны быть отгłашеніями вѣчной гармоніи! — Для меня понятно существованіе различныхъ школъ художества, отличающихся

другъ отъ друга особенными оттѣнками въ способахъ воплощать единое *прекрасное*: но чтобы сіе различіе могло быть виною раздора и междусобіи въ святилищѣ кроткихъ Харитъ — етаго я не умѣю постигнуть!

Флюгер. И такъ вы не противъ *Пушкина*?..

Незнак. По несчастію — противъ!

Флюгер. Стало быть, вы самый заматорѣлый классикъ?

Незнак. Ничего не бывало!

Флюгер. Не уже ли же... романтикъ?

Незнак. Еще менѣе!

Флюгер. Что же вы за амфівій?.. Ни классикъ, ни романтикъ!.. Я не умѣю понять васъ! —

Незнак. Я!.. просто любитель *прекраснаго*!..

Флюгер. А между тѣмъ прекрасныя творенія *Пушкина* не по вашему вкусу?...

Незнак. Кто вамъ сказалъ ето?.. Ни кто больше меня не любуется цвѣтущею игривостью воображенія, доставшагося *Пушкину* въ столь роскошномъ изобиліи!.. Его картины, не смотря на грязныя пят-

на, коими онѣ обыкновенно бываютъ запачканы, обнаруживаютъ талантъ мощный, богатый...

Фрюгер. Талантъ!.. Вы слишкомъ скупитесь на выраженія! — говорите искреннѣе: *геній!* —

Незнак. Молодой человѣкъ! мнѣ конечно не у васъ учиться искренности и точности выраженій. Я знаю, что я говорю! — *Геній!* .. Понимаете ли вы всю силу етаго слова? —

Я. (обращаясь къ незнакомцу) Позвольте мнѣ, м. г., вмѣшаться въ разговоръ вашъ, возбуждающій во мнѣ живѣйшее участіе. Я не смѣю говорить въ слухъ того, что самъ думаю о такомъ необыкновенномъ явленіи литтературнаго нашего міра, каковъ А. С. *Пушкинъ.* Но мнѣ случилось вчера заглянуть въ одинъ изъ нашихъ журналовъ, присвоивающихъ себѣ авторитетъ верховнаго судилища. Тамъ напечатано, помнится, такъ: *Сомнѣваюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда не возможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ. Приро-*

да создала его поэтомъ (*).“ — Что̀ вы на ето скажете?..

Незнак. То, что сей странный наборъ словъ едва ли понятенъ самому тому, съ чьего пера стекъ онъ. Что̀ такое значитъ: *начать писать въ такихъ лѣтахъ, когда не возможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ?* Начать писать слишкомъ рано?.. Такъ ето еще не признакъ генія! — Въ противномъ случаѣ пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ намъ такъ забавно почтеннѣйшій дядюшка обсуживаемаго нами теперь Поэта (**), былъ бы по всѣмъ признакамъ — *геній!* — Признаюсь, я самъ читалъ статью, на которую вы теперь ссылаетесь; и, не любя притворствовать, долженъ сказать вамъ, что, по моему мнѣнію, Авторъ ея врядъ ли имѣетъ понятіе о томъ, что̀ такое *геній.* По его собственному сознанію, *Пушкинъ вступилъ въ планетную систему Байрона* (***), и

(*) С. О. и С. А. № 15, с. 42.

(**) Незнакомецъ вѣроятно разумѣлъ прекрасную басню *В. Л. Пушкина,* въ коей Аполломъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ.

(***) Тамъ же с. 43.

слѣдовательно обращается не окрестъ самого себя, а окрестъ высшаго солнца: что же это за *генiй?* . . Отличительная черта *генiя* есть оригинальная самобытность. Его солнце есть идеалъ вѣчныя *красоты!* Онъ можетъ составлять звено въ планетной системѣ *генiевъ*, обращающихся вокругъ *одного* средоточнаго начала; но никогда не можетъ и не долженъ быть сопутникомъ другаго *генiя!*

Флюгер. Что же, по вашему мнѣнiю, долженъ быть *генiй?* . .

Незнак. Творческiй, зиждительный *духъ*, воззывающiй изъ нѣдръ своихъ собственныя, самородныя и самообразныя изящныя формы, для воплощенiя вѣчныхъ идей, созерцаемыхъ имъ во всей небесной ихъ лѣпотѣ! — Это есть — я говорю языкомъ, конечно извѣстнымъ вамъ! — это есть . . . *Deus in nobis!* . . .

Флюгер. Такъ не уже ли вы захотите оспоривать у *Пушкина* зиждительную силу творчества? . . Сколько прекраснѣйшихъ поэтическихъ зданiй имъ воздвигнуто! . . Не онъ ли сотворилъ *Руслана и Людмилу*, *Бахчисарайскiй фонтанъ*, *Кав-*

казскаго Плѣнника? Не онъ ли создалъ *Братьевъ разбойниковъ, Цыганъ, Онѣгина?* . .

Незнак. И *Графа Нулина?* . . . Считайте вѣрнѣе! — Но — позвольте васъ спросить: чья зиждительная десница *сотворила* для васъ етотъ фракъ, отливающій такъ прелестно весеннимъ цвѣтомъ надежды и усѣянный, подобно звѣздному небу, блестящими пуговицами? . . Или чьей творческой дланью *созданъ* етотъ пышный жилетъ, роскошествующій всѣми радужными цвѣтами на груди вашей? . .

Флюгер. (съ досадою оскорбленнаго самолюбія) М. г.! я не позволю никому смѣяться надо мной безнаказанно! —

Незнак. (съ добродушной улыбкою) Но не воспретите конечно любоваться творческимъ искусствомъ *генія*, соорудившаго для васъ столь плѣнительную, столь очаровательную одежду? . . Какая восхитительная гармонія въ подборѣ цвѣтовъ! Какое неподражаемое изящество въ отдѣлкѣ! Какой богатый фасонъ! . . Наименуйте мнѣ сего великаго зодчаго! . . *Сатіасъ* — или *Отто!* . .

Флюгер. Г. м.! терпѣніе мое имѣетъ границы! Говорите яснѣе, что̀ вы хотите сказать мнѣ! Ваша иронія становится слишкомъ пересоленою! . . Что̀ ето значитъ? . .

Я. Полно! полно! . . Не уже ли ты не видишь, что почтенный собесѣдникъ нашъ хочетъ дать тебѣ понять, сколь неумѣстно употреблены тобою выраженія: *творить* и *созидать* — когда дѣло шло о произведеніяхъ *Пушкина*? . . *(обращаясь къ незнакомцу)* Не правда ли, что я угадалъ ваше намѣреніе? . .

Незнак. Совершенная правда (*)! — Нашъ языкъ очень богатъ: въ немъ для каждаго дѣйствія сыщется особое выраженіе! Самое приятное филограмовое колечко у насъ *плетется*, а не *творится*; самая роскошная мозаическая тафта *вытыкается*, а не *созидается*; самыя фигурныя балясы *точатся*, а не *сооружаются*! . . Ахъ! любезные! друзья мои! Для *генія* не довольно смастерить *Егенія*! —

Флюгер. Понимаю! . . Ето старинные возгласы школяровъ, уличающихъ *Пушкина* ничтожностью обработываемыхъ имъ пред-

(*) Великій *Чадскій* возгласилъ бы: Абсолютная правда! *Прим. наборщ.*

метовъ! — Но и отъ етаго упрека — если только можетъ имѣть онъ какую-нибудь значительность — *Пушкинъ* нынѣ освобождается. Вы, конечно, читали *Полтаву!* . .

Незнак. (*хладнокровно*) Читалъ.

Флюгер. И что же?

Незнак. И — ничего! . .

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

О Сербскомъ сеймѣ, бывшемъ въ слѣдствіе заключеннаго въ Акерманѣ договора (*).

Какъ скоро Гонецъ Россійскій, Михаилъ Германъ, въ концѣ 1826 года привезъ къ Милошу статьи Акерманскаго

(*) Изъ книги: *Милошъ Обреновичъ, Князь, Сербіи*, и проч. (смотр. В. Е. предъидущ. нум. стран. 220). Взоры цѣлой Европы обращены теперь на край, находящійся подъ управленіемъ Милоша и на управляемыхъ имъ Сербовъ, которыхъ судьба должна быть рѣшена побѣдоносными ихъ соплеменниками, Сѣверными Славянами.

договора, сей правитель Сербіи не замедлилъ созвать всѣхъ Кнезей и прочихъ людей знатныхъ на сеймъ въ Крагуевацъ (*). Въ 15 день Января 1827 года, по окончаніи божественной литургіи въ церкви, Милошъ съ секретаремъ своимъ Дмитріемъ Давидовичемъ, съ Ужицкимъ Митрополітомъ Герасимомъ (Бѣлградской оставался въ Землинѣ, за болѣзнію) и съ упомянутымъ гонцёмъ Россійскимъ, восшелъ на возвышенное мѣсто, гдѣ г-нъ Давидовичь отъ имени Милоша прочиталъ слѣдующее слово:

«*Высокопреосвященнѣйшій Господине!* пречестнѣйшее и честнѣйшее духовенство! благородные господа Кнези и почтеннѣйшіе кметы! моя любезная братія! Когда еще свирѣпый Солиманъ-Паша пилъ кровь нашу, братьевъ нашихъ сажалъ на колья живыхъ, а друзей посѣкалъ безъ милосердія; когда мы за то вели противъ него войну кровопролитную, и я, подвергая величайшимъ опасностямъ жизнь свою, стремился въ среду многочисленнаго войска Турецкаго: еще тогда началъ я помышлять о средствахъ, да умилостивимъ пре-

(*) Мѣстопребываніе Князя Сербіи.

великаго Царя нашего, да подвигнемъ его прекратить кровопролитіе между нами, паки сопричислить насъ къ своимъ подданнымъ и положить основаніе будущему, долговѣчному благополучію нашему. Чего ради, вѣдая, что Государи Европейскіе, нигдѣ болѣе уже не терпя мятежниковъ, заключаютъ союзы между собою и на нихъ вооружаются, я, какъ меньшій, какъ желающій осчастливить народъ, учредить государство, долженъ былъ послѣдовать большимъ и брать примѣръ съ нихъ. Мнѣ отнюдь не надлежало прогнѣвлять того, кого умолять я былъ обязанъ, и — я палъ на колѣна предъ Султаномъ и молилъ его о помилованіи. Вы слышали не однократно и въ бесѣдахъ, и за трапезою, и посреди боевъ нашихъ съ Турками, какъ просилъ я Бога умилостивить къ намъ сердце Султана нашего; съ моей стороны были приняты мѣры къ его умилостивленію (*) . . .

«Покровитель нашъ болѣе года старался о томъ, и мы за шесть лѣтъ передъ симъ отправили въ Царьградъ

(*) Въ подлинникѣ здѣсь пропускъ, означенный въ двухъ строкахъ черточками. *Перев.*

свою депутацію, съ тѣмъ чтобы она вступила въ совѣщанія съ Царемъ нашимъ о правахъ, какія даны будутъ нашей отчизнѣ; вдругъ вспыхнули мятежи въ Валахіи, въ Греціи, и оныя совѣщанія отложены. Императоръ Александръ въ теченіе времени исполнилъ бы свое желаніе и наше; но Всевышній преселилъ его въ вѣчность, и Великодушный Монархъ завѣщалъ Августѣйшему Преемнику своему и Брату, нынѣ благополучно царствующему въ Россіи ИМПЕРАТОРУ НІКОЛАЮ, да ходатайствуетъ о насъ у Султана, равно какъ ходатайствовалъ самъ Почившій въ Бозѣ (вѣчная ему память (*)!). ИМПЕРАТОРЪ НІКОЛАЙ, вступивъ на Престолъ Россійскій, немедленно потребовалъ отъ Султана, чтобы дѣло наше однажды навсегда было приведено къ окончанію. Нынѣ счастливымъ себя почитаю, имѣя возможность сообщить вамъ, любезные братья, что Султанъ склонился, и своеручно утвердилъ договоръ съ ИМПЕРАТОРОМЪ НІКОЛАЕМЪ о правахъ Сербіи, о которыхъ мы въ Прошеніи своемъ

(*) Весь народъ при семъ воскликнулъ трикратно: «Богъ да упокоитъ душу Его! Вѣчная Ему память!» *Сос.*

ходатайствовали чрезъ оную депутацію, дабы и намъ быть націею Европы. Вотъ, братья мои, и содержаніе договора! (За симъ прочитаны были статьи Акерманскаго договора касательно Сербіи (*).

«Видите ли, братья, сколь близокъ часъ, въ которой и наше любезное отечество станетъ въ ряду Государствъ, когда и нашъ народъ ощутитъ выгоды благосостоянія, проистекающія отъ свободы Богослуженія и торговли, отъ учрежденія законовъ и просвѣщенія. Сербинъ, вчера бывшій рабомъ среди Царства Оттоманскаго, отнынѣ будетъ

(*) Депутація въ прошеніи своемъ изъявляла нѣкоторыя изъ желаній народа Сербскаго, касательно свободы богослуженія, выбора начальниковъ своихъ, независимости внутренняго управленія, возвращенія отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ, соединенія разныхъ податей въ одну, предоставленія Сербамъ управлять имѣніями, принадлежащими Мусельманамъ, съ условіемъ доставлять доходы оныхъ вмѣстѣ съ данію; также свободы торговли, дозволенія Сербскимъ купцамъ путешествовать по областямъ Оттоманскимъ съ ихъ собственными пашпортами, учрежденія больницъ, училищъ, типографій и наконецъ запрещенія Мусельманамъ, кромѣ принадлежащихъ къ гарнизонамъ въ крѣпостяхъ, поселяться въ Сербіи. *Перев.*

свободенъ въ имѣніи своемъ самъ и съ челядью — дѣло не маловажное! Одиннадцать лѣтъ трудовъ и заботъ моихъ, сопряженныхъ съ неисчислимымъ иждивеніемъ, со страхомъ . . . (*), съ усмиреніемъ столь многихъ мятежей, одиннадцать, говорю, такихъ годовъ довели насъ до сего состоянія; чтобы достигнулъ онаго народъ нашъ, я жертвовалъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ жертвовать человѣкъ смертный, любящій свое отечество и желающій содѣлать его благополучнымъ. Но чѣмъ ближе мы къ точкѣ бытія политическаго, тѣмъ болѣе встрѣчаю заботъ о средствахъ сохранить въ цѣлости благосостояніе, милостиво отъ Царей намъ даруемое; страшатъ меня смятенія, многократно въ одиннадцать лѣтъ происходившія въ землѣ нашей; боюся, чтобъ они снова не возникли между нами, ибо мы склонны внимать всякимъ подъущеніямъ враговъ нашихъ, и когда не имѣемъ другихъ противниковъ, готовыхъ ратоборствовать противъ насъ, мы готовы нападать на самое правительство: полагаемся больше на недруговъ, нежели

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

на слова правительства, которому мы ввѣрены, на недруговъ, коихъ число возрастетъ именно теперь, когда мы достигаемъ степени цвѣтущаго состоянія, и кои нынѣ, болѣе нежели прежде, намъ завидуютъ въ томъ, что мы удостоиваемся толикихъ милостей Царскихъ; нынѣ съ большимъ, нежели прежде, усиліемъ стараться будутъ склонить насъ къ нарушенію мира и тишины, дабы лишились мы всего, что даруютъ намъ Царскія десницы. Нынѣ, говорю, мы наиболѣе должны таковыхъ опасаться. Еще невидно было ниже луча свободы, еще трепетали мы въ рабствѣ, и тогда всѣ громко вопили: «еслибъ нашелся братъ, которой прекратилъ бы кровопролитіе и насъ бы опять ввелъ въ милость Царскую; всякой изъ насъ далъ бы по одному рабу, чтобы спокойно жить съ остальною челядью!» Но и тогда сколько было между нашими такихъ, изъ коихъ одни поднимали явный бунтъ, другіе распространяли въ народѣ слова мятежническія, а иные наконецъ кричали на меня, что я властолюбивъ, строгъ, и что не могу насытиться податями! Сколько есть изъ нашихъ, которые укоряли меня погибелью людей, имѣвшихъ

преступныя, мятежническія намѣренія? Вамъ самимъ извѣстно: скажите, къ чему стремились они? Къ возстановленію ли тишины и благосостоянія между нами, или къ пагубѣ, къ истребленію всѣхъ насъ? И что приобрѣла земля наша отъ всѣхъ мятежей, раздиравшихъ оную? Начнемъ отъ временъ старыхъ.» (Здѣсь исчислены всѣ мятежи по порядку, бывшіе съ 1690 года.) «А новыя смятенія въ наше время, воздвигнутыя Тяковымъ, Чаропитѣвымъ, Добрынчевымъ, Абдулинымъ, какую принесли намъ пользу? Погубленіе многихъ душъ, войну междоусобную, ненависть взаимную между единокровными, сожженіе домовъ, истребленіе семействъ, вѣчное безславіе именамъ нашимъ. Знаютъ ли укорявшіе меня истребленіемъ бунтовщиковъ, знаютъ ли они, чего требуютъ отъ насъ Дворы Царскіе? Знаютъ ли, что отъ насъ требуютъ тишины и покорности, а не мятежей противу власти? — Разглашавшіе, что я сребролюбивъ и ненасытенъ, разсудили ль, какія потребны намъ суммы для искупленія себя отъ Турковъ, для платы своимъ и Царскимъ чиновникамъ (*)? Разсудилиль они, что намъ на-

(*) Въ подлинникѣ небольшой пропускъ.

добно сберечь что нибудь и къ тому времени, когда вступимъ въ переговоры съ Султаномъ для испрошенія правъ отечеству нашему? Разсудили ль, что и милліоновъ мало для сего дѣла? . . .

«Обо всемъ томъ извѣщаю васъ, братья, и объявляю вамъ, что Дворы нынѣ желаютъ, да снова отправимъ въ Царьградъ свою депутацію, которая должна исходатайствовать намъ права, давно желанныя. Теперь надобно намъ принять благоразумныя мѣры; надобно избрать и людей, способныхъ исполнить столь важное препорученіе, и еще другихъ, которые были бы въ состояніи полученныя права сохранять въ цѣлости свято и ненарушимо. Нынѣ Дворы требуютъ отъ насъ обязательства въ томъ, что нарушивъ одну самую меньшую черту изъ правъ намъ даруемыхъ, мы утратимъ всѣ прочія, падемъ подъ мечь правосудія Царева; ни кому болѣе уже тогда не можемъ приносить жалобъ и ни отъ кого ожидать обороны, но навлечемъ на себя праведный гнѣвъ всѣхъ Царей Европы и того Двора, который нынѣ намъ покровительствуетъ. Разсмотримъ же братья, какъ станемъ

отвѣтствовать Дворамъ и какъ удовлетворимъ оные. Размыслимъ и рѣшимъ не для сегоднишняго дня или завтрашняго, но для цѣлыхъ столѣтій, для внуковъ нашихъ и для ихъ потомства. Дворы требуютъ отъ насъ повиновенія къ нимъ, всегдашняго сохраненія мира и тишины между нами, повиновенія той власти, которую Цари установляютъ въ землѣ нашей, желая намъ благосостоянія и даруя оное. — Совѣсть моя свидѣтель, что я должность свою исполнилъ по мѣрѣ силъ моихъ и по обстоятельствамъ; непоколебимымъ постоянствомъ и правдолюбивою строгостію удержалъ въ странѣ нашей миръ, тишину, всякій порядокъ и все, чего требуютъ Дворы отъ подданнаго, въ какомъ бы ни было царствѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ я довелъ васъ до сего времени, въ которое пріобрѣтаемъ права наши. Я жертвовалъ жизнію своею и взиралъ на смерть съ презрѣніемъ; несправедливыя укоры ваши слушалъ я съ досадою, съ прискорбіемъ, и я же забывалъ объ нихъ, то единственно имѣя передъ глазами, чтобы стяжать права отечеству, чтобы положить основаніе для столѣтій, чтобы сдѣлать васъ счастливыми и такими же

послѣ себя оставить. Стяжалъ я, дожилъ, и благодарю Всевышняго за толикій даръ и за толикую милость! Я приобрѣлъ, а на васъ лежитъ долгъ блюсти благосостояніе наше. Не надобны намъ вопли, братья мои; не надобны мятежи, ни льстивыя похвалы одинъ другому. Десяткамъ, сотнямъ, тысячамъ насъ должно жертвовать собою одинъ за другаго, — не потому якобъ мы жаждемъ крови братней, а для того чтобы, карая злыхъ и мятежныхъ, могли достигнуть главной цѣли — сохраненія всего общества отъ золъ и пагубы, сохраненія, требуемаго отъ насъ двумя могущественными Царствами, Турецкимъ и Россійскимъ. Согласіемъ и тишиною, о мои братья, возвеличиваются малыя земли, а несогласіемъ и мятежами великія разрушаются. Да блюдемся же отъ нихъ: съ правительствомъ слабымъ и нерѣшительнымъ не можно будетъ намъ составить изъ себя государство, ибо не можемъ удержать себя въ единствѣ; напротивъ того однимъ лишь строгимъ правосудіемъ исполняется должность, въ коей правительство повинно дать отвѣтъ народу, Царямъ, самому Богу и своей совѣсти, за все добро и за все зло, причи-

ненное отечеству. — Въ совѣсти увѣренъ, что должность свою исполнилъ я по мѣрѣ силъ своихъ и по обстоятельствамъ; та же совѣсть и дѣла мои, извѣстныя всему свѣту, суть довольная награда за мои труды и подвиги: свѣтъ признаётъ ихъ, потомки наши объ нихъ увѣдаютъ, хотя бы настоящее поколѣніе и непризнавало.»

Собраніе, поблагодаривъ Милоша за труды его, за попеченія о благѣ общемъ, разошлось, восклицая: «Богъ да сохранитъ тебя, Господарю! Богъ да сохранитъ Султана и ЦАРЯ НІКОЛАЯ!» Въ тотъ же день послѣ полудня Великій Судъ, по совѣщаніи съ Кнезами, а Кнези съ кметами своими, сочинилъ нижеслѣдующій актъ присяги въ вѣрности Милошу: «*Сіятельнѣйшій Княже, Милоше Обреновичу! и милостивѣйшій Господару! Съ умиленіемъ сердца* (*) выслушавъ рѣчи ваши, исполненныя добраго расположенія и отеческой благости къ намъ и народу нашему, поздравляемъ васъ, *Сіятельнѣйшій Княже! и милостивѣйшій Господару!* съ совершеніемъ

(*) Слова, косыми буквами напечатанныя, удержаны здѣсь безъ малѣйшей перемѣны. *Перев.*

неусыпнаго труда вашего, коимъ вы ввели насъ въ превеликую милость одного Царя, и простерли надъ нами сильное покровительство другаго. Молимъ васъ усердно, съ сыновнею любовію и униженнѣйше: не отрекитеся и впредь, какъ донынѣ, руководити насъ къ успѣхамъ и благосостоянію, добраго и слабаго обороняя, а злаго карая по законамъ правосуднымъ, и пріимите отъ насъ въ залогъ счастіе и достояніе наше. О семъ молимъ васъ мы всѣ собранные здѣсь и ниже подписавшіеся: члены Суда народнаго, духовенство, главные Кнези нахійскіе (*), Кнези судовъ нахійскихъ, срезскіе Кнези и сельскіе кметы — всѣ отъ своего имени, отъ всего прочаго, отсутствующаго народа, и отъ имени тѣхъ братьевъ нашихъ, которые впредь соединятся съ нами. Всѣ мы вышереченные, повторяя прежнія наши присяги, въ 1817 и въ 1826 году данныя, утверждаемъ *васъ, Сіятельнѣйшій Княже! единодушно и единогласно*, за себя, за дѣтей нашихъ, и отъ рода въ родъ, Господаремъ и *Княземъ нашимъ*, и клянемся, за себя и за наше потомство, какъ вамъ, такъ Брать-

---

(*) *Наія*, или *нахія* — округъ, уѣздъ.

ямъ, Дѣтямъ и всей Фамиліи вашей быть всегда и во всемъ вѣрными и послушными. Самъ Спаситель да будетъ противникъ тому, кто присягу сію нарушитъ! *Тако намъ всевышній и единый Богъ* да поможетъ! тако да поможетъ намъ и дѣтямъ нашимъ! Въ Крагуевцѣ, 17 Января 1827.» Сверхъ того еще написано было прошеніе Султану, въ которомъ молили дать Сербіи Митрополита природнаго *Сербина*, а Милоша Обреновича поставить и утвердить *наслѣдственнымъ Княземъ* Сербіи. 16 День Января проведенъ частію въ пированіи, а частію въ сочиненіи и переписываніи упомянутаго акта. 17 го Числа поутру Великій Судъ пригласилъ весь сеймъ предъ церковь; тамъ прочитанъ былъ актъ и подтвержденъ изустно. Послѣ того пригласили туда же Милоша съ братьями его, Іоанномъ и Ефремомъ; принесши изустное благодареніе за труды и за попеченія о благѣ общемъ, представили ему актъ чрезъ посредство Василія Поповича, главнаго Кнеза Пожегской нахіи; Князь, принявъ документъ, прежде всего положилъ оный на обнаженную голову свою; звалъ къ себѣ членовъ сейма, одного за другимъ по порядку, и каждаго привѣтствовалъ лобзаніемъ. Наконецъ Милошъ

передалъ бумагу секретарю своему Димитрію Давидовичу, и всѣ разошлись. Въ тотъ же день было великое пиршество, послѣ котораго чиновники ходили въ канцеллярію Князя подписываться и прикладывать печати къ акту. Прежде всѣхъ подписали Милошевы братья; за ними Члены Великаго Суда народнаго; далѣе, Архімандріты, Протоіереи, Кнезы и кметы всѣхъ нахій по порядку. Нѣкоторые изъ Сербскихъ депутатовъ, бывшихъ задержанными въ Царьградѣ, еще прежде возвратились; прочіе подоспѣли къ сейму. За тѣмъ избраны были новые посланники, которые 8 го Марта и отправились въ Царьградъ для совѣщанія о статьяхъ Акерманскаго договора. Писано было въ разныхъ вѣдомостяхъ, что былъ уже назначенъ и дипломатъ Турецкій для переговоровъ съ послами Сербскими о дѣлахъ ихъ отечества: но какъ Султанъ Турецкій гаттишерифомъ своимъ отъ 20 Декабря 1827 года уничтожилъ договоръ, заключенный въ Акерманѣ, и возсталъ противъ Русскихъ; то и посланниковъ задержали въ Царьградѣ, въ качествѣ аманатовъ.

(Съ Сербск. сокращ.)

СМѢСЬ.

Невѣроятности въ древней Исторіи.

1.

Мы рождены для того, чтобы дѣйствовать: первый человѣкъ долженъ былъ обработывать землю. Ржавчина съѣдаетъ желѣзо; праздность изнуряетъ лѣнивыхъ. Черви, насѣкомыя раждаются въ стоячихъ водахъ. Сенека сказалъ, что всегдашній отдыхъ — могила для живаго человѣка. Но человѣкъ не можетъ трудиться безпрерывно, ибо онъ составленъ не изъ металла. Амазисъ, Царь Египетскій, занимался государственными дѣлами, во время обѣда шутилъ надъ собесѣдниками своими и не стыдился иногда представлять ролю шута; когда же придворные дивились тому, то онъ отвѣчалъ: «натягивать лукъ надобно только въ нуждѣ; онъ переломится, если всегда будетъ натянутъ, а послѣ никуда уже и не годится.»

И дѣйствительно такъ. Природа любитъ разнообразіе; по ея законамъ, ночь смѣняется днемъ, холодъ — жаромъ, ненастная погода — ясною. Нѣтъ ничего постояннаго: вездѣ видны движеніе и отдыхъ; слѣдственно не всякое отдохновеніе подвергается укоризнамъ. Надобно отличать необходимый досугъ отъ праздности. Въ семъ смыслѣ Сципіонъ говорилъ, что онъ менѣе всего былъ празденъ, когда казался ничѣмъ незанятымъ, и менѣе всего былъ одинъ, когда никого съ нимъ не было. Драконъ, законодатель Аѳинскій, думалъ иначе. Онъ осудилъ на смерть празднолюбцевъ. По мнѣнію Плутарха (въ жизни Солона), законъ его былъ ясенъ, безусловенъ и неограниченъ. И такъ, чтобъ избѣжать смерти, надлежало быть въ безпрерывной дѣятельности? Какого бы состоянія ни были Аѳиняне, но въ продолженіе осьми или десяти часовъ трудясь умомъ или тѣломъ, не могли они ни отдохнуть на полчаса, ни прогуляться, ни уснуть, ни позабавиться, чѣмъ бы то ни было; за одну минуту отдохновенія подвергались опасности быть обвиненными и лишиться жизни. Идучи по улицѣ, обязаны были

имѣть при себѣ свою работу или ремесло. Обвиненные въ праздности объявляли причины, побуждавшія ихъ сидѣть дома, прогуливаться, разговаривать или спать. Почти ежеминутно захватывали виноватыхъ и сажали въ тюрьму. Орудіе казни выставляемо было во всѣхъ частяхъ города.

Можетъ быть, скажутъ, что сей законъ не должно принимать въ строгомъ смыслѣ. Почему же? Онъ выраженъ столь ясно, что не требуетъ объясненія и не допускаетъ исключеній. Драконъ былъ весьма способенъ съ такою строгостію наказывать празднолюбцевъ. Демадъ, Ораторъ Аѳинскій, говоритъ, что его законы писаны были не чернилами, а кровью. Если законъ столь жестокой соотвѣтствовалъ его характеру; то могъ ли онъ не приводить оной въ исполненіе? Мы имѣемъ право сомнѣваться въ етомъ.

Иродотъ (книга 5) представляетъ намъ примѣръ или обыкновеніе, совершенно противное Драконову закону. «Ѳракійцы» говоритъ онъ «вмѣняютъ себѣ въ честь ничего не дѣлать и въ безчестіе обра-

ботывать землю.« Кто не подумаетъ, что цѣлые народы переселились бы въ эту страну, чтобы пользоваться тамъ уваженіемъ и почестями за столь дешевую цѣну? Не станемъ хвалить ни Өракійцевъ, ни тѣхъ, которые поселились бы между ними. Чѣмъ же питались Өракійцы, если они не обработывали земли?

Етотъ же самый писатель увѣряетъ, что, по мнѣнію сего народа, величайшая слава состояла въ томъ, чтобъ жить войной и грабительствомъ. Можно ли же назвать такую жизнь праздною? Не надлежало ли безпрерывно отыскивать себѣ пищу, лошадямъ кормъ, и грабить все, что на глаза попадалось? Иродотъ слишкомъ явно себѣ противорѣчитъ.

2.

Всякому извѣстно, что люди стараются нравиться и льстить вельможамъ, чтобы вкрасться въ ихъ благосклонность и удостоиться ихъ милостей. Ничего не щадятъ они, лишь бы только умѣть соображаться съ ихъ нравомъ и оправдывать ихъ прихоти. Они не стыдятся даже подражать ихъ недостаткамъ. Хамелеонъ, по словамъ Плутарха, принимаетъ на

себя всякой цвѣтъ, исключая бѣлаго. Таковъ и льстецъ. Онъ старается уподобляться кумиру своему и въ самомъ порокѣ, на тотъ конецъ, чтобы патронъ, зная свои недостатки и замѣчая оные въ другихъ, менѣе стыдился собственныхъ слабостей. Если льстецъ, продолжаетъ сей же писатель, имѣетъ намѣреніе подражать добродѣтелямъ Государя, то остерегается показывать, будто имѣетъ ихъ болѣе, нежели его повелитель.

Не оспоривая основательности сихъ мнѣній, не станемъ однакожъ думать, будтобы находились люди столько опытные въ политикѣ и искусствѣ льстить, что стали бы хромать въ подражаніе своему властелину. Увѣряютъ однакожъ, что невольники Платоновы всегда поднимали свои плеча, Аристотелевы заикались, Александровы кривили свои шеи и говорили хриповатымъ голосомъ. Но вѣроятно ли, чтобы сей Государь и сіи Философы вмѣняли себѣ въ честь такіе недостатки, которые умными людьми всегда почитаются за неблаговоленіе Природы? Ласкательство Еѳіоплянъ, кажется, еще невѣроятнѣе. Діодоръ Сицилійскій говоритъ:

«если Государю, по какому-либо бѣдственному стеченію обстоятельствъ, случалось переломить себѣ руку или ногу; то всѣ служители его такимъ же образомъ старались уродовать себя. Они думали, что стыдно придворнымъ и служителямъ ходить прямо, когда Государь хромаетъ.»

Пусть представятъ себѣ Европскаго Царя, который, прихрамывая, выходитъ изъ дворца своего и идетъ по городу, въ сопровожденіи двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, и все хромыхъ. Презабавное зрѣлище! Но если казалось неприличнымъ, чтобы придворные ходили прямо, когда Государь прихрамывалъ; то всѣ вельможи должны были подражать симъ послѣднимъ, дабы удостовѣрить Монарха, что они привержены къ нему не менѣе тѣхъ, которые при его дворѣ хромали. Кому не покажется смѣшною столь глупая подделка?

Были льстецы и у Гіерона, которые, по сказанію Аѳенея (книга 6), притворялись, будто имѣли нужду въ путеводителѣ, для увѣренія тирана, что онъ лучше и дальше видитъ, нежели они. И у Діонисія не было недостатка въ льсте-

цахъ; сіи низкія твари подставляли свои лица, чтобъ онъ плевалъ на нихъ, и даже вмѣняли ето въ особенную для себя милость. Кто не подумаетъ, что такія ласкательства и чрезвычайны, и постыдны, и невѣроятны?

По увѣренію того же писателя, Ніколай Дамаскинъ повѣствуетъ, что Адіатомъ, повелитель Сотіановъ, народа, близкаго къ Цельтамъ (въ Аквитаніи, нынѣ въ Гасконіи), имѣлъ у себя 600 отборныхъ людей, на природномъ языкѣ называвшихся *Силодунами*. Греки называли ихъ *преданными по смерть*. Они обязывали себя клятвою жить и умереть съ Государемъ, и въ слѣдствіе того царствовали вмѣстѣ съ нимъ, носили одинакое платье, имѣли одинакую пищу. И дѣйствительно, они отказывались отъ жизни въ ту самую минуту, когда умиралъ ихъ Государь, гдѣ бы то ни было: на ложѣ или на полѣ сраженія. — Нужно ли теперь спрашивать, достоинъ ли вѣроятія сей писатель?

(Будетъ продолженіе.)

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Въ половинѣ Апрѣля (н. с.) изъ Ріо-Жанейро получено извѣстіе, что Донъ Педро защищеніе правъ своей дочери предоставилъ тремъ Державамъ: Англіи, Франціи и Австріи, и никакъ не хочетъ признать Дона Мигуеля. Оттуда же увѣдомляли, отъ 31 го Января, что Императоръ отправилъ къ Европейскимъ Дворамъ собственноручныя письма, въ коихъ онъ протестуетъ противъ брата, похитившаго престолъ Португальскій. Говорятъ, что назначено уже и регентство для управленія государствомъ.

Испанія.

Плачевныя извѣстія о слѣдствіяхъ землетрясеній въ разныхъ частяхъ Королевства, превосходя всякое вѣроятіе, ужасаютъ природу человѣческую. Невообразимыя бѣдствія постигли Мурцію, Валенцію, и удары были чувствованы въ самомъ Мадритѣ. Цѣлые города со многими храмами и многими тысячами домовъ разрушились. Множество жителей погибло. Рѣки потекли другими путями; минеральныя воды въ одномъ мѣстѣ изсякли, въ другомъ излились изъ нѣдра земнаго. Бѣдствія начались съ 21 Марта (н. с.).

Франція.

Въ Мониторѣ обнародованы декреты Королевскіе отъ 24 Апрѣля (н. с.), изъ коихъ первымъ Дюкъ Лаваль-Монморанси, Перъ Франціи и

нынѣшній Посолъ въ Вѣнѣ, назначается Министромъ иностранныхъ дѣлъ, а вторымъ уволенный отъ прежней должности Графъ де ла Ферроне опредѣляется членомъ Совѣта Королевскаго.

— Г. Гордонъ, новый Великобританскій Посолъ при Оттоманской Портѣ, прибывъ въ Парижъ, имѣлъ конференцію съ Графомъ Поццо-ди Борго, а спустя день, обѣдалъ у сего дипломата. Онъ отправился въ Константинополь.

— Французскіе корабли тѣсно блокируютъ Алжирскій берегъ. Они взяли два судна, покушавшіяся обойти блокаду.

— Изъ Константинополя пишутъ, что Паша Египетскій донесъ Султану о невозможности съ своей стороны подать Турціи нужную помощь, тѣмъ болѣе, что самъ опасается подвергнуть блокадѣ Александрію.

Италія.

Сорокъ девять дней престолъ Папскій былъ празднымъ и тридцать шесть дней собранный Конклавъ продолжалъ свои дѣйствія. Наконецъ 31 го Марта Кардиналъ Францискъ Ксаверій Кастильони 47 голосами избранъ въ Папы, и принялъ имя Пія VIII. Онъ былъ въ весьма дружескихъ связяхъ съ Піемъ VII, а въ послѣдствіи времени и съ Кардиналомъ Гонзальви. Новый Папа наименовалъ Кардиналомъ Статсъ-Секретаремъ, Кардинала Албани.

— Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна на возвра-

тномъ пути изъ Неаполя, 27го Марта изволила прибыть въ Римъ. Государынѣ Великой Княгинѣ благоугодно было въ 9 день Апрѣля принять приглашеніе отъ Французскаго Посла Виконта Шатобріана къ обѣду, за которымъ находились Родитель Ея Высочества, также Кардиналъ Албани, и многія знатныя особы.

— Святый Отецъ, 11 Апрѣля, посѣтилъ Баварскаго Короля въ виллѣ Монте-Пинчіо, собственно Его Величеству принадлежащей. Народъ сопровождалъ Державнаго Первосвятителя восклицаніями, прося благословенія отъ Его Святѣйшества.

Великобританнія.

Билль объ уравненіи въ правахъ католиковъ, по прочтеніи въ третій разъ въ Палатѣ Перовъ, 11го Апрѣля принятъ большинствомъ 104 голосовъ; равнымъ образомъ билль объ избирательномъ правѣ каждаго, имѣющаго 40 шилл. годоваго дохода, принятъ единогласно. Оба, утверждены бывъ Королемъ въ 13 день, они сдѣлались теперь государственными законами. Отнынѣ католическіе Перы могутъ присутствовать въ Верхней Палатѣ.

— Дѣла Португальскія, донынѣ въ глазахъ наблюдателей неподвижныя, по всей вѣроятности приближаются къ своей развязкѣ. Слышно, что на Бразильскомъ фрегатѣ прибылъ изъ Ріо де Жанейро Чрезвычайный Посолъ къ Лондонскому Двору, съ полномочіемъ прекратить несогласія между Бразиліей и Португалліею. Говорятъ также, что юная Королева переѣдетъ изъ Леле-

гама въ Лондонъ, гдѣ будетъ жить въ домѣ Португальскаго Посольства, и что въ непродолжительномъ времени отправится посланникъ въ Лиссабонъ для заключенія договора между Дономъ Педромъ и Дономъ Мигуелемъ.

— Сиръ Робертъ Гордонъ (братъ Министра Иностранныхъ дѣлъ, Графа Ебердина) 11 Апрѣля наименованъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Оттоманской Портѣ.

Въ засѣданіи Нижней Палаты 15-го Апрѣля, г-нъ Пиль сдѣлалъ весьма важное предложеніе о надобности преобразовать полицію столицы. Онъ показалъ, что Лондонская полиція, въ нынѣшнемъ ея положеніи, не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени; ибо число преступленій чрезвычайнымъ образомъ увеличивается въ упомянутомъ городѣ.

Турція.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ становится нестерпимымъ не только въ Царьградѣ, но даже внутри провинцій, именно въ Македоніи, гдѣ дороговизна достигла до невѣроятной степени. Объ Русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ столицѣ, печется Датскій посланникъ, доставляя имъ продовольствіе.

— Флотъ, изъ 15 кораблей, отплывшій въ концѣ Марта въ Буюкдере, какъ говорятъ, долженъ взять направленіе къ Дарданелламъ, чтобы освободить ихъ отъ блокады.

— Изъ Корфу увѣдомляютъ, что въ Албаніи и Θессаліи господствуетъ совершенное возмущеніе. Албанцы, какъ увѣряютъ, состоятъ въ сношеніяхъ съ Греками, и требуютъ, подобно имъ, независимости. Сынъ нынѣшняго Верховнаго Визиря, Емиръ-Паша, оставленный отцемъ въ Θессаліи, претерпѣлъ уже значительныя потери.

Извѣстія и замѣчанія.

Къ Хирургу при гошпиталѣ Св. Варфоломея, въ Лондонѣ, незадолго передъ симъ является мясникъ необыкновенной толщины и доноситъ, что вознамѣрился отдать трупъ свой больничному заведенію въ пользу анатоміи, и что симъ предупреждаетъ, дабы начальство мѣста по смерти его, мясника, незамедлило воспользоваться бренными останками его, какъ собственностію заведенія. Хирургъ началъ было отвѣчать шуткою; но мясникъ важно и съ настоятельною увѣрительностію изъявлялъ свою искреннюю радость о томъ, что можетъ столь незначительнымъ пожертвованіемъ содѣйствовать успѣхамъ науки; онъ прибавилъ, что ничего непощадилъ бы для истребленія господствующаго предразсудка въ людяхъ противъ разсѣченія труповъ и что примѣръ его, быть можетъ, побѣдитъ столь вредное мнѣніе. Удивленный хирургъ спрашиваетъ, есть ли у него жена, ближніе, и съ

вѣдома ли ихъ рѣшается онъ принести такую жертву наукамъ. «О, касательно жены, съ моей «стороны приняты наилучшія мѣры. Въ духов«номъ завѣщаніи моемъ предлагается ей взять се«бѣ любое — или трупъ мой, или деньги; въ «первомъ случаѣ гошпиталь получитъ мои деньги: «но я увѣренъ, что будущая вдовушка не долго «будетъ затрудняться при выборѣ.» Хирургъ просилъ наконецъ великодушнаго пожертвователя, чтобы, если можно, кончилъ онъ жизнь свою *зимою*, ибо въ лѣтнюю пору было бы затруднительно сберечь *препаратъ* столь огромный; обѣщался впрочемъ, что во всякомъ случаѣ скелетъ его сохранится украшеніемъ дома, а въ актахъ гошпиталя останется навсегда память о патріотическомъ его приношеніи.

— Пишутъ изъ Стамбула, что Парижскій Модный журналъ (*Journal des Dames et des modes*), въ Турецкомъ переводѣ, но съ Французскими раскрашенными картинками, будто бы ходитъ по рукамъ внутри гарема, и что сіе изданіе служитъ самою сладостною утѣхой для супругъ Султанскихъ. Его Высочество Махмутъ II скоро, очень скоро Европейскимъ дамамъ нашимъ казаться, будетъ такимъ же любви достойнымъ кавалеромъ, какимъ нѣкогда для Роксоланы былъ Солиманъ II, незабвенный дамскій угодникъ.

— Зодчій Шинкель, въ Берлинѣ, сочинилъ проектъ для бронзоваго памятника *Мечислава и Болеслава*, а славный ваятель Раухъ уже сдѣлалъ изъ глины модель группы сихъ Государей Польскихъ, знаменитыхъ въ Исторіи. Мечиславъ держитъ въ лѣвой рукѣ св. Крестъ — знаменіе принятой имъ и распространенной Христіанской вѣры; Болеславъ, на правой сторонѣ отъ перваго, стоитъ опершись на мечь, и какъ завоеватель, увѣнчанъ лаврами. Проектъ и модель одобрены Чинами Великаго Княжества Познаньскаго.

— Бренные останки безсмертнаго мужа, Архіепископа Игнатія Красицкаго, *Князя поетовъ Польскихъ*, донынѣ лежали въ Берлинѣ. По ходатайству Королевскаго Прусскаго Намѣстника, Князя Радзивила, къ живѣйшей радости одноземцовъ Красицкаго, они минувшаго Марта перенесены въ Гнѣзно и съ великою торжественностію положены въ тамошнемъ каѳедральномъ костелѣ. Викарій Митрополіи Познаньской произнесъ надгробное слово на текстъ изъ 1 кн. Моус. XXXV. 29: consumptus que aetate mortuus est, et appositus est populo suo.

— Въ Королевско-Французскомъ Алманакѣ на 1829 годъ сказано: «Марія II (род. 4 Апрѣля 1819), дщерь Петра, Императора Бразиліи, *Королева* Португалліи и Алгарвій, въ слѣдствіе отреченія родителя ея отъ престола во 2 день Мая 1819го, обрученная въ Вѣнѣ 20 Октября

1825 го съ Донъ Михаиломъ (род. 16 Октября 1802) дядею своимъ, Инфантомъ Португалліи, намѣстникомъ и правителемъ Королевствъ Португалліи и Алгарвій, по декрету Императора Бразильскаго 3 го Іюля 1827 го.»

— Въ Парижѣ предлагается желающимъ за 1 франкъ брошюрка подъ слѣдующимъ титуломъ: Le coup de pistolet chargé à poudre; Dialogue entre un Vieux Classique et un Jeune Romantique, par *l'Ermite en Russie.* (Т. е. Выстрѣлъ изъ пистолета холостымъ зарядомъ; Разговоръ между старымъ Классикомъ и молодымъ Романтикомъ; *Соч. Русскаго Пустынника).* Чтобы такое было? И кто авторъ? Не романтической ли стражъ Бахчисарайскаго фонтана? . . . Не нашъ ли Жуи z Krakowskiego przedmiescia? . . . Мудрено угадать.

— Въ концѣ Марта (пишутъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ) Е. С. Г. Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ отправилъ въ Варну и прочія завоеванныя Россійскимъ оружіемъ Турецкія крѣпости чиновника, для собиранія древнихъ монетъ, надписей, мраморовъ и другихъ остатковъ древности, кои бы могли занять мѣсто въ тамошнемъ музеѣ. Уже привезено изъ Варны 9 или 10 кусковъ мрамора съ разными изображеніями и Греческими надписями. Надѣются, что извѣстный ученому свѣту Директоръ Одесскаго и Керченскаго музеевъ, Г. Бларамбергъ, сообщитъ объ нихъ что нибудь любопытное.

— Спектакли въ Одессѣ начались 17 Апрѣля представленіемъ оперы la Selvaggia. Любимица тамошней публики есть Г-жа Марикони, отличная пѣвица. При появленіи на сцену, она была привѣтствована рукоплесканіями, и въ тоже время съ верхнихъ галлерей посыпались внизъ листки со стихами на ея выздоровленіе, сочиненными однимъ изъ первыхъ музыкантовъ тамошняго театра, Г. Луизелло.

Слова *Загадки*, напечатанной въ предъидущей книжкѣ В. Е. на стран. 250 й: *Урангъ - Утангъ, взобравшійся на сторожевую башенку при сахарной плантаціи — Досужіе коммиссіонеры и служители — Надзиратель за работами.*

Изъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ той же книжкѣ, на стран. 244 — 250, обѣ послѣднія подъ цыфрами 14 и 15, отличающіяся особымъ нарѣчіемъ отъ прочихъ, собственно суть *Бѣлорусскія*. Ихъ слѣдовало бы поставить подъ другимъ заглавіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Смѣсь.